ОГЛАВЛЕНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

БОЛЬШЕВИК

№ 5–6 (21–22)

МАРТА 30

1 9 2 3

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

БОЛЬШЕВИК

25 МАРТА 5—6 (21—22)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 34352 Москва. Тираж 50.000 экз.

Типогр. изд. „Правда“ и „Беднота“. Чувск. мост, Серебрянич. нас., д. 23а.

К сессии расширенного Исполкома Коминтерна.

Отсутствие революционной ситуации в центре Европы, полевение английского пролетариата, обострение колониальных движений и движений национально-революционных — таковы три основные факта международной жизни.

Приток американского капитала в Германию, укрепление валюты, «оздоровление» экономической жизни вообще—есть факт, не подлежащий сомнению. Отсюда известная «стабилизация» и в области политических соотношений, т.-е. известное укрепление буржуазного режима. Правда, никакой мирной идиллии, во вкусе Гильфердинга—Каутского, не наступило. Правда, основные противоречия между великими державами нисколько не сгладились, а, наоборот, выросли. Правда, эти державы лихорадочно вооружаются, а пресловутая «Лига Наций»—венец творения капиталистического мира—превратилась уже в настоящее посмешище и жалкую декорацию «единства интересов», «единства», в которое никто не верит, за исключением симулянтов марксизма. Но в то же время безусловно верно, что «текущий момент» характеризуется известным упрочением буржуазных отношений в центре Европы.

Эта об'ективная обстановка находит свое выражение и в области соотношений между различными общественными силами. Революционная ситуация сопровождается обострением классовых противоположностей, усилением общественных флангов (крайней правой и крайней левой), ослаблением общественной «серединки». Так было, например, в той же Германии осенью 1923 года, когда, с одной стороны, рос фашизм, а с другой, крайне усиливалось влияние коммунистов, при одновременном падении удельного веса социал-демократии. Теперешняя обстановка «оживляет» как раз серединные партии и создает основу для «стабилизации» социал-демократического влияния внутри рабочего класса.

Это охлаждение революционной атмосферы в Европе не могло не вызвать болезненных явлений внутри Коммунистического Интернационала. За последнее время мы пережили раскол в норвежской партии, откол в шведской, небольшой откол во фран-

цузской партии, кризис в германской, очень тяжелый кризис в чехословацкой партии, дискуссию в РКП (б) и так далее. Далеко не все эти «кризисы» сопровождались уменьшением наших сил: стоит только привести пример с французской партией, которая выросла, возмужала, впервые стала чувствовать и осознавать себя, как настоящая боевая партия революционного пролетариата. Сейчас нам необходимо отметить факт болезней, критических, переломных моментов в развитии наших братских организаций.

Эти явления более чем понятны. Могучий рост коммунистического движения в предыдущие годы увлек многих в наши ряды, в том числе и многих колеблющихся: все покрывал собою шум революционного прибоя. А теперешний отлив революционной волны неизбежно вызывает ряд колебаний, «критических» настроений, у некоторых—оттенок политического разочарования. Такие «уклоны», такие пессимистические нотки слышатся у неустойчивых флангов движения. Отсюда—так называемые—«кризисы» внутри коммунистических партий.

Понять обстановку, понять, что теперь нужна особо упорная борьба за массы; понять, что теперь необходимо руководство «марксистского центра» в борьбе и против левой фразы (напр., группа Шумахера в Германии, отрицающая работу в реакционных профсоюзах) и против остатков социал-демократизма (правые в Германии, Чехо-Словакии, Франции и т. д., и т. п.); понять, что необходима умелая, выдержанная внутрипартийная линия, завоевывающая партийные массы под влияние настоящего большевизма; понять, что необходимо самое внимательное отношение к повседневной борьбе рабочего класса и увязка этой борьбы с революционными целями коммунизма,—все это является задачей компартий. Отсюда то громадное значение, которое принимает лозунг большевизации партий Коминтерна. Наша собственная, «российская» партийная дискуссия, показала, как много нужно сделать, даже нашей партии, в деле ее большевистского воспитания. Еще больше значение большевизации для иностранных компартий. Они возникли и начинали работать под общим руководством Ленина, который закладывал фундамент Коммунистического Интернационала. Но они не могли иметь такой большевистской закалки, какая необходима. Ведь, только очень немногие, сравнительно, работы В. И. переведены. А по настоящей большевистской проработке всего опыта последних лет сделано очень немного. Теперь нужно это сделать. В ряде стран мы потерпели поражение. Но разбитые армии хорошо учатся. Практика и теория большевизма, как осознанные задачи компартий, становятся теперь во весь свой рост.

Большой стратегическо-тактической задачей, прямо и непосредственно вытекающей из особенностей текущего момента, яв-

ляется кампания за единство международного профессионального движения—второй вопрос, который подлежит обсуждению пленума Исполкома. Эта кампания еще далеко не закончена; с известной точки зрения можно сказать скорее, что она только лишь началась. Но теперь уже ясны некоторые результаты этой кампании, теперь уже неоспорима ее величайшая революционная целесообразность. Всего несколько месяцев тому назад приходилось самым энергичным образом бороться за правильность такой тактики. А теперь она является общепризнанной в наших рядах, ибо несомненны ее крупнейшие успехи. Какие бы колебания в левеющих верхушках английских трэд-юнионов ни нашли себе место (а такие колебания отнюдь не исключены)—полевение масс британского пролетариата неоспоримо и неотвратимо. Если довольно резкое понижение революционной температуры в центре Европы не подлежит сомнению, то компенсацией, с точки зрения революции, является успешная борьба за влияние на массы островного британского пролетариата. Тем самым создаются и более прочные предпосылки для успехов в этой области на европейском континенте.

Упорная работа необходима и среди крестьян. Весь текущей период, может быть, с известной точки зрения, охарактеризован, как период бешеной борьбы за влияние на крестьянство. Роль этого последнего повсеместно выросла. Аграрный кризис потряс и взбудоражил его. Оживление здесь несомненно. Нечего уж и говорить о неслыханно важном, прямо громадном, значении колониально-крестьянских движений и движений в полуколониях, в роде Китая. Бесконечно нелепо было бы пройти мимо этого вопроса, когда на него обращает такое исключительное внимание вся буржуазия. Тут Исполком должен сказать свое решающее слово. Само собою понятно, что никакая большевизации партий не будет возможна, если компартии не будут брать всерьез этого вопроса.

Исполкому придется коснуться и нашей внутрипартийной дискуссии. В значительной мере этот вопрос уже стал интернациональным. Не только потому, что РКП является крупнейшей партией всего Коминтерна. И не только потому, что все партии уже, так или иначе, высказались по этому вопросу. И, наконец, не только потому, что правые группировки в Коминтерне всячески старались опереться на нашу оппозицию. Вопрос стоит гораздо глубже. Ибо внутри компартий имеются уклоны от большевизма, уклоны своего собственного происхождения, и тем не менее, родственные троцкизму. Большевизация партий должна состоять в идейном преодолении этих уклонов.

В развитии мировой революции произошло смещение центров: Германия несколько отходит назад, поднимается—но куда более

осторожно—Англия, развязываются события на Востоке, крепнет СССР.

Из этого нужно исходить при определении нашей тактики. Мы, ученики Ленина, знаем, что революционер не тот, кто умеет вести себя революционно только тогда, когда ярко полыхает пламя революции. Революционер тот, кто мужественно и спокойно готовит революцию, когда свирепствует реакция. Укрепление партий и борьба за массы, упорнейшая работа—вот наши лозунги дня. Ответить на запросы этого дня, является задачей расширенного пленума, и нет никакого сомнения в том, что на все вопросы он даст точные и недвусмысленные ответы.

А. Слепков.

Аграрно-крестьянская проблема в эпоху борьбы пролетариата за власть.

1. Социал - демократия и крестьянский вопрос в эпоху пролетарской революции.

Когда российский пролетариат, в сравнительно отсталой, аграрной стране, взял в свои руки власть, дряхлеющий идеолог международного оппортунизма Карл Каутский выступил против первой в мире пролетарской республики.

По мере того, как Советская власть в России укреплялась, он все более откровенно отмежевывался от социалистической революции, все более энергично старался доказать рабочим Западной Европы неприемлемость революционных методов для пролетарского движения передовых—в экономическом и культурном отношениях—стран.

Он, этот попик от лже-марксизма, договорился до того, что об'явил диктатуру пролетариата в России, как и Парижскую Коммуну, историческими аномалиями, событиями, подобных которым больше нигде и никогда быть не может [1]).

В то время как Маркс и особенно Энгельс, а с ними и все революционные марксисты, видели в Парижской Комуне прототип диктатуры пролетариата, Карл Каутский видит и в Коммуне и в Советской власти случайные исторические эпизоды. Тем хуже для Каутского и иже с ним. Тем яснее их разрыв с марксизмом. Но Каутский прошел марксистскую школу. Он пытается поэтому облечь свои положения о неприемлемости для Западной Европы методов российской революции марксистской фразеологией.

«В ряде индустриальных стран уже налицо,—пишет Каутский,—материальные и идейные предпосылки социализма в значительной степени... Но Россия не принадлежит к числу этих руководящих индустриальных стран.

То, что там теперь разыгрывается, по сути дела, является последней из буржуазных революций, а не первой из социалистических» [2]).

Основание для такого утверждения, Каутский видит в том факте, что Россия—страна мелкого производства, что большинство населения России составляет мелко-буржуазное крестьянство. Ход его рассуждений необычайно примитивен и формален.

Социализма не построишь, если большинство населения не предрасположено к социализму, если оно не имеет социалистического самосознания.

А это последнее может появиться только у пролетариев, в условиях крупного капиталистического производства.

---

[1]) «Die Diktatur des Proletariats». Wien, 1918, s. 42—43.
[2]) Там же. S. 12

Вывод из этих плоских положений совершенно ясен: социализм осуществим только в стране, большинство населения которой составляет пролетариат.

Каутский, правда, не утверждает этого категорически. Говоря об условиях зрелости страны для социализма, Каутский пишет: «Нельзя достаточно определенно сказать, будет ли это тогда, когда пролетариат образует большинство народа и как большинство провозгласит свою волю к социализму...»

Но из всех его положений этот вывод, о необходимости пролетерского большинства, следует с совершенной категоричностью.

Здесь перед нами образчик формально-логического мышления.

Диалектик-марксист обязан был бы перенести центр тяжести анализа в соотношение классовых сил, учет расположения этих сил, рассмотрение системы факторов политических позиций разных классов и социальных групп.

А Каутский занимается арифметикой. Поэтому он ничего не может понять в социальной современности.

Поэтому для Каутского пролетарская революция в стране с крестьянским большинством, в определенных условиях, при определенных сочетаниях классовых сил,—является исторической аномалией.

Если принять всерьез арифметическую методологию Каутского, то нельзя толком разобраться не только в условиях пролетарской, но и буржуазной революции.

На самом деле. Каутский твердит об об'ективных предпосылках, наличие которых должно предшествовать революции. Но о каких предпосылках?

Можно ли утверждать, что предпосылкой буржуазной революции является господство промышленно-капиталистического производства в экономической жизни страны? Если понимать это господство в формально-арифметическом смысле,—то его не было.

Если мы вспомним Великую Французскую Революцию, то мы должны определенно констатировать, что когда буржуазия стала у власти после революции,—даже тогда промышленная буржуазия не играла решающей роли в народно-хозяйственном бюджете страны. Но в реальном процессе движения, развития, промышленно-капиталистическое производство, представляющее передовую социально-экономическую систему, к которой тяготели до-капиталистические хозяйственные единицы,—несомненно определяло собою основной тип отношений.

Великая Французская Революция обеспечила условия для быстрого роста промышленного капитала.

Пролетарская революция, как это уже отмечалось т. Бухариным, принципиально отличается от буржуазной.

Буржуазные отношения вызревают внутри феодальной системы, они реально существуют и расширяются еще до буржуазной революции. Отношения социалистического типа тоже, конечно, подготовляются капитализмом, но они появляются только после социалистической революции, они реально существуют и расширяются только после установления диктатуры пролетариата. Однако, несмотря на это кардинальнейшее различие от буржуазной революции, социалистическая революция имеет с последней, между прочим, одно весьма существенное сходство.

В исходном пункте социалистического строительства, во время диктатуры пролетариата, социалистическое производство (и в применении к отдельным странам и в мировом масштабе)—с точки зрения формально-арифметической, не является господствующим, но неизбежно является таковым с точки зрения системы в движении.

Пролетарская социалистическая диктатура может существовать и укрепляться в условиях, когда $3/4$ и даже $4/5$ населения страны составляет мелкое крестьянство, но когда решающие экономические факторы—крупная промышленность, транспорт и т. д.—находятся в руках социалистического пролетариата, когда социалистическая система шаг за шагом подчиняет себе отсталые формы хозяйства, переделывая их и включая их в себя.

Таким образом, если подходить к вопросу об об'ективных предпосылках пролетарской революции не с формально-арифметическим, а с марксистско-диалектическим методом,—то наличие значительного досоциалистического мелко-буржуазного окружения, безусловно, не исключает практической постановки вопроса о захвате пролетариатом власти.

Каутский совершенно не понимает действенного характера марксизма.

«Можно с определенностью принять, что народ дотоле не созрел для социализма, доколе большинство народных масс противостоит враждебным социализму»[1]). Революционный марксист должен ставить вопрос не так.

Дело не в том, чтобы до пролетарской революции склонить непролетарские трудящиеся массы, раньше всего крестьянство, на сторону социализма. Задача заключается в том, чтобы мобилизовать эти массы против капитала, или, по крайней мере, нейтрализовать их к моменту пролетарской революции.

Крестьянство не имеет и не может иметь социалистической идеологии, но оно в своей массе эксплоатируется капиталом и потому может поддержать—при правильной политике компартии—пролетариат, совершающий революцию против капитала.

С методологией Каутского нельзя никак понять того бесспорного об'ективного факта, что колониально-крестьянское движение в наши дни является мощным фактором антикапиталистической пролетарской мировой революции.

Каутский, вообще, не ставит перед собой проблему крестьянства: при его постановке вопроса об условиях пролетарской революции эта проблема просто отметается.

В стране, население которой насчитывает значительные массы крестьянства, пролетарская революция невозможна—вот вывод из теоретических положений Каутского.

Но обратимся к другому видному идеологу социал-демократии Отто Бауэру[2]).

---

[1]) Там же, S. 12.

[2]) Строго говоря, Бауэр не имеет определенной точки зрения на данный вопрос. Его последние писания дают понять, что Бауэр уже сдает некоторые свои прежние позиции

Однако, разбираемый нами круг идей Отто Бауэра является попыткой наиболее аргументированной и логически-выдержанной социал демократической критики пролетарской революции, именно с крестьянского конца, почему мы и считаем необходимым остановиться, именно, на излагаемой далее концепции Отто Бауэра.

Нужно отдать должное Отто Бауэру: он подвижнее, смелее,—менее Каутского склонен закрывать глаза на факты,—хотя, конечно, тоже необычайно далек от марксизма.

Свое отношение к большевизму и революции российского пролетариата он выявил в работе: «Bolschewismus oder Socialdemokratie» [1]).

Значительно позже он затронул эту же тему в других работах, в частности в своей брошюре: «Der Kampf um die Macht» [2]).

В последней он склонен еще больше, чем в первой работе, к отмежеванию от обычной меньшевистской интерпретации Советской власти, как диктатуры кучки захватчиков, не представляющих пролетариата.

«Гегемония пролетариата над крестьянством означает в России диктатуру небольшой активной пролетарской партии над громадной политически индиферентной массой трудящихся» [3]).

Говоря в этой же самой брошюре о необходимости блока с трудящимся крестьянством, он обнаруживает, в приводимой нами цитате, полнейшее непонимание тех отношений союза между пролетариатом и крестьянством, на почве которых произошла, утвердилась и укрепляется пролетарская диктатура в России.

Но в отличие от Каутского и других социал-демократов он утверждает, что при Советской власти осуществляется диктатура «пролетарской партии», т.-е. партии, представляющей интересы пролетариата.

Это уже много для социал-демократа. Но как же это могло случиться, что «диктатура пролетарской партии» осуществилась в отсталой стране с большинством крестьянского населения? По Каутскому это вещь невозможная.

Отто Бауэр пытается, с видимыми потугами остаться на почве марксизма, об'яснить это в указанной нами работе «Bolschewismus oder Socialdemokratie?».

«Российский пролетариат мог установить свое господство в России,—пишет Бауэр,—потому что русский крестьянин только при содействии пролетариата мог получить помещичью землю. Пролетарская революция могла и должна была победить в России, потому что только она могла полностью осуществить то, что в Западной и Средней Европе уже осуществила буржуазная революция: разрушение феодальной системы; установление буржуазного собственнического порядка в области земледелия» [4]).

Бауэр пытается даже вскрыть историческую закономерность этого явления.

«Буржуазная революция находит крестьянство, которое мятежничает против феодализма. Она может поставить себе на службу элементарную силу этого крестьянства и посредством ее сломать старый режим. Но буржуазная революция находит это крестьянство на обусловленном феодализмом культурном уровне, т.-е. в состоянии варварства. Поэтому крестьянство, хотя оно и составляет подавляющее большинство населения, неспособно само выступить наследником старого режима.

[1]) «Bolschevismus oder Socialdemokratie?» Von Otto Bauer. Dritte Auflage, Wien, 1921.
[2]) Der Kampf um die Macht v. Otto Bauer. Wien, 1924.
[3]) Der Kampf um die Macht, s. 22.
[4]) «Bolschevismus oder Socialdemokratie». S. 30.

Поэтому буржуазная революция может привести к диктатуре города, т.-е. диктатуре многочисленнейших и революционнейших классов города. Она (эта диктатура) является пролетарской, если буржуазная революция впервые протекает в условиях, когда многочисленнейшим и революционнейшим городским классом является пролетариат крупной индустрии» [1]).

Всякий, кто внимательно прочитает это утверждение, сразу заметит, что Бауэр—схематик и метафизик.

Во-первых, для развития и исхода революции совершенно не безразлично, **какой** из городских классов возглавляет крестьянскую революцию.

Совершенно ясно, что если мелкая буржуазия городов эпохи Великой Французской Революции, не являющаяся носителем нового передового способа производства, не могла удержаться у власти,—то пролетариат крупной индустрии, борющийся за социализм, представляющий **передовой** способ производства в **наших** исторических условиях,—эту власть удержать может и удерживает, используя ее, как орудие социалистического строительства.

С другой стороны, нельзя рассматривать крестьянство так метафизически, как это делает Бауэр. Всякий понимает, что в эпоху «крупной индустрии» крестьянство уже не может находиться в том состоянии «варварства», которое было типично, скажем, для французского крестьянства конца XVIII века.

Всякий понимает, что крестьянство, пережившее полосу укрепления финансового капитала, эпоху империалистических войн, играющих крупнейшую роль в революционном воспитании трудящихся масс, эпоху классовых битв пролетариата с буржуазией,—по своему культурно-политическому облику не может быть приравнено к крестьянству конца XVIII века.

Бауэр говорит здесь о крестьянстве тех стран, в которых налицо еще гнетущее господство феодала над крестьянином. Но именно в этих странах крестьянство, втянутое в империалистическую войну, видело в последней **только** источник бедствий: оно не могло здесь даже использовать благоприятную рыночную кон'юнктуру в отношении продуктов сельско-хозяйственного производства, созданную войной,—ее использовал только помещик.

Отсюда вполне понятным является тот факт, что это крестьянство видело своего врага не только в феодале, но и в империалистической буржуазии. А эти два факта: гегемония социалистического пролетариата в революции и наличие антикапиталистических тенденций в крестьянстве—радикально меняют обстановку и перспективы революции: они создают предпосылки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Не понимая всего, Бауэр нечаянно почти понял кое-что. Он понял, что крестьянская революция, об'ективно буржуазная сама по себе, может явиться мощным фактором победы пролетариата в борьбе за власть.

Бауэр полагает даже, что революция российского типа может иметь место в целом ряде других стран Европы: «В Италии, Румынии, в балтийских государствах, в Словакии, Боснии, воз-

[1]) Там же. S. 65.

можно также в Польше и Венгрии существуют теперь еще возможности такого развития» [1]).

Это замечание стыдливо снесено Бауэром в примечание. Еще бы! Какая смелость! [2]).

Правда, эта «смелость» была простой констатацией факта, потому что почти во всех странах, на которые указывает здесь Бауэр, революционное движение уже обнаружило, ко времени написания Бауэром книги, свои весьма обещающие потенции, при чем в этом движении пролетариат проявил склонность к методам и формам, похожим на таковые в российской революции. Однако, в перечислении этих стран у Бауэра мы не встречаем, напр., Германии, пережившей несколько мощных революционных встрясок.

Но здесь Бауэру окончательно изменяет его смелость.

Он еще может уступить большевикам, сравнительно, небольшие, преимущественно земледельческие страны, но зато вместе с Каутским считает непроницаемыми для коммунизма крупные капиталистические страны Западной Европы.

Ибо здесь—утверждает Бауэр—другое крестьянство, ибо это крестьянство решительнейшим образом настроено против пролетариата.

Было время, когда крестьянство являлось крупнейшей революционной антифеодальной силой.

В XIX веке наступает антикапиталистическая фаза крестьянской политики.

«Крестьянин видит теперь своего врага не столько в феодале, сколько в торговом, ростовщическом гипотечном и биржевом капитале» [3])...

Однако, эти антикапиталистические тенденции в крестьянстве использует не пролетариат, а помещик.

С половины XIX века проявляются новые тенденции развития. Начинается полоса интенсификации крестьянского хозяйства.

«Интенсификации крестьянского хозяйства,—пишет Бауэр,—содействует происшедшее во второй половине XIX века повышение мировых цен на хлеб, а также под'ем цен на скот, молоко, овощи, связанный с ростом городов и индустриальных областей.

Антикапиталистическое настроение крестьянства исчезло... Совершенно другие вопросы волнуют теперь крестьянство. Оно стремится, прежде всего, сохранить высокой цену сельско-хозяйственных продуктов посредством защитительных пошлин.

В борьбе за пошлины оно стоит рука об руку не только с крупным землевладением, но также и с нуждающейся в защитительных пошлинах крупной индустрией против городского пролетариата...

Антипролетарская фаза развития крестьянской политики отчеканивается все яснее» [1]).

Противоречия между пролетариатом и крестьянством особенно углубились за время войны, когда деревня значительно побогатела, благодаря дальнейшему повышению цен на продукты сельскохозяйственного производства.

Отто Бауэр приходит к выводу, что крестьянство является в Западной Европе силой, определенно антипролетарской, почему большевистский тип революционной борьбы—в этих странах—привиться не может. Обнаружив минутный проблеск мысли в первой части своей работы, Бауэр решительно рвет с диалектическим марксизмом, когда подводит такую теоретическую базу под предательскую социал-демократическую политику в Западной Европе.

Во-первых, он без достаточного основания разделяет так категорически антифеодальные, антикапиталистические и антипролетарские тенденции в крестьянстве на различные исторические фазы, разрывает их в историческом времени.

Поскольку в современном капиталистическом обществе имеются одновременно, сосуществуют и крупное землевладение феодального и нео-феодального типа, и буржуазия и пролетариат, и крестьянство,—постольку вопрос об об'ективной роли в классовой борьбе и о политических потенциях того или иного из этих социальных образований,—может быть разрешен только после изучения отношений между всеми этими силами в их реально-историческом переплетении, динамики этих отношений, только после анализа всего комплекса взаимных противоречий и степени напряженности этих последних.

А такой—единственно правильной, с марксистской точки зрения—подход разрушает всю теоретическую постройку Бауэра, сразу же опрокидывает всю его «теорию фаз».

Ибо только слепой может не видеть того факта, что крестьянин не изжил антифеодальной фазы своего развития, поскольку ему еще приходится в ряде стран (не только земледельческих, но и крупных индустриально-капиталистических—Германия, Франция, даже Англия, платить ренту помещику, в виде высокой арендной платы, платы за землю и т. д. [2]).

Ибо только идеолог социал-демократии, являющейся левым флангом на буржуазном фронте, может утверждать, что у крестьянства уже в прошлом его антикапиталистические тенденции.

Footnotes, p. 12:

[1]) Там же. S. 76. Нам припоминается, по ассоциации сходства, как вождь российской империалистической буржуазии, Милюков, выступавший также и в роли историка России, дал военно-оборонческую «внеклассовую» теорию государства, образующего классы, но сделал оговорку, что в Западной Европе, пожалуй, государство возникло как продукт классовой борьбы. Он писал это, рассчитывая, что каждая страна найдет своего Милюкова, доказывающего, что в его стране все «не по-марксистски».

[2]) Карл Каутский, давший весьма лестный отзыв о книге Бауэра, счел необходимым отгородиться от последнего в этом вопросе. Он об'являет спорным это положение Бауэра. «Большевизм представляется мне,— пишет Каутский,— не продуктом особых экономических условий, которые типичны вообще для аграрного государства, в котором борющийся индустриальный пролетариат действует вместе с революционным крестьянством, а... продуктом тех исключительных условий, которые сложились только в России после мировой войны» («Der Kampf», Wien, juli 1920, Heft 7. Karl Kautsky. Eine Schrift über den Bolschevismus)

Следует, впрочем, отметить, что и сам Бауэр торопится заявить, что диктатура пролетариата, вынесенная на гребне крестьянской революции, не может быть прочной: она проявляет тенденции социального перерождения.

Однако, уже в 1924 г. Бауэру приходится отметить, что, вопреки его предсказанию, у власти стоит «активная... пролетарская партия». («Der Kampf um die Macht»).

[3]) Там же. S. 77.

Footnotes, p. 13:

[1]) Там же, S 77—78.

[2]) Относительно роли крупного землевладения в сельском хозяйстве различных стран—смотри данные, приведенные в «Очерках по аграрному вопросу» под ред. Варги.

Бауэр кончил писать свою книгу, когда упрямая история подарила нас явлением мировых ножниц, одним из факторов которых, несомненно, являются капиталистические тресты и синдикаты [1]).

И что весьма характерно,—коммунистические пролетарские партии выступают за снижение цен на продукты промышленности и против эксплоататорской политики индустриального капитала в отношении крестьянства [2]).

Пролетариат отнюдь не заинтересован вообще, и в эпоху пролетарских революций в частности, и в особенности—в росте капиталистических прибылей за счет деревни.

Пролетариат будет бороться за повышение своей заработной платы не за счет крестьянства, а за счет снижения прибылей капитала.

При такой политике пролетарской партии—крестьянство все больше будет выступать не антагонистом городских классов вообще, а врагом буржуазии и союзником пролетариата.

В систему этих положений следует внести еще весьма значительный корректив.

Бауэр все время говорит о крестьянстве, как *о целом*. Это его вторая грубейшая ошибка. Нужно не только понимать, что политические потенции крестьянства и методы идейного завоевания крестьянства пролетарской партией на свою сторону—могут быть правильно определены только при анализе взаимоотношений всех крупных классов данного общества.

Если учесть при этом и те различия в социально-экономическом положении различных слоев крестьянства, которые значительно модифицируют, только что намеченную нами, общую расстановку классовых сил, и нашу политику среди крестьянства по отношению к еще сохранившемуся крупному землевладению, то напряженность этих противоречий будет различна в отношении различных групп крестьянства.

Крупное крестьянство, применяющее наемную рабочую силу, но работающее в хозяйстве само, как правило, не нуждающееся в земле, относится враждебно и к помещику паразитарного типа и к помещику крупно-капиталистического типа. Но по мере укрепления своего экономического положения—оно все больше склонно к политическому союзу с помещиком.

Среднее крестьянство больше страдает от рантьера-помещика (и в аренде и в покупке земли) и более склонно к борьбе против последнего.

Наконец, крестьянская беднота, по вполне понятным причинам, настроена наиболее агрессивно против крупного землевладения.

Если речь идет о противоречиях с капиталом города, скажем, в вопросе о ценах, то эти противоречия имеются у всего крестьянства, потребляющего продукты промышленности.

Но если *все* крестьянство заинтересовано в понижении цен на продукты промышленности, то *не все* заинтересовано в повышении цен на продукты сельского хозяйства, ибо значительная часть бедного крестьянства вынуждена прикупать продукты питания.

С другой стороны—капиталистическая собственность *об'единяет* буржуазные верхи деревни и индустриальный капитал города, в то время, как деревенская беднота, эксплоатируемая сельской буржуазией, об'ективно сближается с пролетариатом.

Таким образом, отношения крестьянства к разным классам современного капиталистического общества—весьма сложны и требуют всестороннего освещения, которое может быть дано только на основе диалектического метода, а не формалистики и метафизики Бауэров.

Пролетариат должен суметь, пользуясь противоречиями между крестьянином и помещиком, между крестьянином и индустриальным капиталом города, между крестьянской беднотой и сельским эксплоататором—втянуть массы трудового крестьянства в революционную борьбу за свержение эксплоататоров, обеспечивая себе, если не прямую поддержку крестьянства, то—в худшем случае—его дружественный нейтралитет.

Но если даже отвергать возможность привлечения крестьянства на сторону пролетарской революции, то уж совсем невозможно отрицать роль сельско-хозяйственного пролетариата, как союзника индустриального рабочего класса в социалистической революции.

По мере того, как происходит капитализация сельского хозяйства, армия с.-хозяйственного пролетариата, несомненно менее сознательного и организованного, чем индустриальный пролетариат, но все более решительно выступающего против сельско хозяйственного производства—растет и крепнет.

Даже социал-демократу трудно оспаривать этот факт.

Но Отто Бауэр предусмотрителен. Он подкован и на эту ногу. Он закрыл и этот последний путь проникновения идей революционного социализма в деревню.

«Наоборот, — пишет Бауэр, — в областях, где преобладает крупное сельскохозяйственное предприятие, которое ставит себе на службу многочисленный сельский пролетариат или крупное крестьянское производство, которое находит рабочую силу в многочисленном слое малоземельных крестьян,—индустриальный пролетариат может об'единиться в товарищество в имениях и на селе. *Но здесь вырастают перед пролетарской революцией другие трудные проблемы*» [1]).

---

[1]) Особенно сильно пострадали от ножниц американские фермеры. Daily Worker (I. X. 24) подсчитывает на основе официальных данных, что в течение одного года, более чем миллион разоренных фермеров, вынуждены были покинуть свои фермы и искать других занятий. За последние два года 23% фермеров из пшеничного и маисового районов—оказались банкротами.

Но пострадал, конечно, не только американский фермер. Цены на продукты сельского хозяйства упали не только по сравнению с военным, но и с довоенным временем, что не могло не отразиться на положении крестьян.

Так prof. Beckmann приводит в своей книге «Die wirtschaftlichen Beziehungen der deutschen Landwirtschaft und ihre wirtschaftliche Lage (1919—24 г.)» следующие характерные данные о покупательной силе рогатого скота в отношении к машинам:

1913		100
1923	I	64
»	VI	83
»	X	37
»	XI	92
»	XII	68
1924	I	62
»	II	63

См. также данные, приведенные в докладе тов. Бухарина о международном положении на XIII с'езде партии.

[2]) См. об этом протоколы IV конгресса Коминтерна по аграрному вопросу.

[1]) Там же, S. 80.

И Бауэр начинает распространительно об'яснять, что сельскохозяйственный пролетариат не может вступить в культурных странах на большевистский путь разрушительных действий российского пролетариата.

Он утверждает, во-первых, что революция, сопровождающаяся преодолением крупного капиталистического с.-х. предприятия, приведет к небывало резкому падению производства продуктов питания, ибо, если русское помещичье хозяйство было сравнительно отстало, то крупное сельскохозяйственное производство культурных западных стран—высокопроизводительно, и его разрушение, хотя бы временное, открывает перспективу голода.

Во-вторых, он подчеркивает более тесную связь западных культурных стран с мировым хозяйством, чем связь с последним России, которая является страной полунатурального хозяйства; революция в культурной западной стране—в силу этого обстоятельства—означает полнейшую дезорганизацию ее народного хозяйства, обусловленную потерей прежних экономических связей с другими капиталистическими странами, выпадшими из системы мирового общественного разделения труда, прекращением нормальной циркуляции капитала, потерей кредитоспособности на мировом капиталистическом рынке и т. д., и т. п.

Долженствующий быть испуганным читатель должен окончательно растеряться перед последним аргументом Бауэра: разрыв мировых экономических связей означает блокаду, а это для западных культурных стран—всегда импортирующих из земледельческих стран продукты питания—убийственно: революция—это голодная смерть. Что касается рассуждений Бауэра о дезорганизации хозяйства, нарушении нормального хода капиталистического производства, то Бауэр кое в чем прав.

Революция, действительно, означает неминуемый распад системы капиталистических отношений, ибо она выражается, обязательно, в ломке последней.

Этот распад сопровождается неминуемо, более или менее кратковременным, падением производства. Но это факт sine qua non революции. Ибо даже буржуазная революция (достаточно вспомнить Великую Французскую Революцию), нарушившая на время нормальное воспроизводство дореволюционных экономических отношений, сопровождалась «издержками революции», т.-е. временным падением производства.

Но только безнадежный оппортунист, только заведомый социал-идиотик может на этом основании отвергать революцию.

Если ты стоишь на точке зрения воспроизводства капиталистических отношений, если ты стремишься укрепить капиталистический режим, если ты апологет буржуазного общества—то для тебя нормальна и естественна антиреволюционная позиция оберегания капиталистического производства, защита последнего от революционных «дезорганизаторов» его.

Но если хоть сколько-нибудь серьезно говорить о революции, то следует раз'яснять, убеждать, доказывать и твердить, что только революционная дезорганизация капиталистической системы отношений—может привести к победе социализма.

И пролетариат Западной Европы, наблюдая рост экономической силы Советского Союза, улучшение материального положения пролетариата в России, начинает понимать и поймет до конца, что предпосылкой этого социалистического под'ема является революционное нарушение «нормального» воспроизводства капиталистических дореволюционных отношений.

Чрезвычайно характерно для Бауэра и отрицание мирового характера пролетарской революции. Революция уже победила на $1/_6$ земного шара. Победа пролетариата в одной из крупных капиталистических стран Запада—будет мощным толчком для революции в ряде других стран. Той блокады, которую испытала Советская Россия, уже не будет испытывать ни одна страна. И если Бауэр всерьез говорил о наибольшем вероятии диктатуры пролетариата в земледельческих странах, то перспективы голода при международной солидарности пролетариата—уже не могут иметь места.

Бауэр вертится, как угорь, но пролетарская революция от этого не теряет под собой об'ективной почвы: она неизбежно будет об'единять—и об'единит—вокруг себя широкие массы трудящихся.

Мы видим, таким образом, как другими логическими путями, но тою же ценою, что и Каутский,—т.-е. ценою отказа от диалектического метода Маркса—Бауэр приходит к выводу о невозможности пролетарской революции в культурных странах Запада, в которых имеются еще значительные массы крестьянства.

Социал-демократия предпочитает вести пролетариат к политической и экономической смычке с буржуазией, а не с крестьянством, в котором Каутский предлагает видеть социалистическому пролетариату «своего опаснейшего противника» [1]).

---

[1]) «Чем скорее и успешнее будет проникать социализм в область сельского хозяйства, тем легче обезоружит он своего опаснейшего противника—крестьянство». Karl Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm. 1922, Berlin. S. 305.

А. Хрящева.

Условия под'ема деревни и диференциация крестьянства.

Рост производительных сил в сельском хозяйстве продолжает итти вперед, не останавливаясь, и вступает в 4 годовщину существования. Так как рост этот происходит в условиях мелкого индивидуалистического хозяйства, то он не может не сопровождаться увеличением неравенства в экономическом положении различных слоев крестьянства. Поэтому важно оттенить, с одной стороны, те достижения, какие мы имеем в области сельского хозяйства за последние годы, когда и промышленность начинает усиливать свою производительность. Вместе с этим в развитии деревни должна наметиться новая струя—отлива избыточного населения в промышленность, что не могло иметь места в предыдущие годы. С развитием промышленности, под'ем сельского хозяйства вступает в новую фазу воздействия нэпа; с одной стороны, в самые ближайшие годы (1926—для районов, не пострадавших от голода 1921 года, и 1927—28—для пострадавших) будут исчерпаны все недосевы и хозяйство пойдет вширь только там, где возможны новые распашки (сенокосов и других угодий), а главным образом, должно будет пойти по пути интенсификации; с другой стороны, пролетаризированное крестьянство получит возможность не держаться, во что бы то ни стало, за землю, а найдет выход в промыслах. Это, в свою очередь, повлечет развитие арендных отношений в деревне и усиление концентрации не только средств производства, но и земли. Разумеется, что все эти процессы разовьются не сразу, а по мере роста соответствующих условий.

Из статьи «Экономический под'ем деревни» в № 255 «Правды» мы видели, насколько хозяйственное оживление деревни подвинулось вперед к 1924 году. И не только количественно, но и в смысле улучшения системы полеводства, введением в севооборот и расширением площадей посева технических культур.

Как отражается этот под'ем сельского хозяйства на отношениях внутри деревни, как складываются отношения экономических групп между собою,—эту сторону вопроса мы и попробуем осветить, хотя бы в общих чертах и по отношению к наиболее уловимым характеристикам.

Прежде всего, выпукло стоит вопрос об **экономической неоднородности крестьянских хозяйств** (диференциации), **порождаемой отношениями рынка**. В процессе товаризации хозяйства эта неоднородность усиливается: одни хозяйства продают продукты их производства, другие продают рабочую силу; одни покупают продукты сельского хозяй-

ства,—другие покупают рабочую силу. Эти функции различных групп крестьянства, в значительной мере, обусловливаются **размером производства**, размером хозяйства, будет ли этот размер измеряться полеводством или скотоводством—все равно. Им (размером) определяется не только характер хозяйства в тот или другой момент, но и характер самой эволюции хозяйства.

Конечно, кроме этого, характер эволюции определяется и общими условиями, например, при депрессии хозяйства (голод, война и др.), эволюция групп будет иная, чем при под'еме хозяйства или при нормальном течении производства. Это различие эволюции мы наблюдаем и сейчас между районами, пострадавшими от голода 1921 года и непострадавшими.

Как изменились группы 1920 года к 1924 году—какие хозяйства 1920 года подверглись распаду, как измельчали и какие укрупнились? Предоставим дать ответ цифрам [1]).

Группы 1920.	Непострадавшие в 1921 г. губернии (15 губ.).								Пострадавшие в 1921 г. губернии (6 губ.).							
	Число исследуемых наличных хозяйств.	Из них к 1924 году в %%.							Число исследуемых наличных хозяйств.	Из них к 1924 году в %%.						
		Выселились и ликвидировались	Соединились.	Разделились.	Остались без орга-нич. изменений.	В том числе				Выселились и ликвидировались.	Соединились.	Разделились.	Остались без орга-нич. изменений.	В том числе		
						Увеличили посев.	Уменьшили посев.	С тем же посевом						Увеличили посев.	Уменьшили посев.	С тем же посевом.
Без посева	3403	31,8	4,9	1,5	61,8	31,4	—	30,4	3335	53.0	5,1	1,3	40,6	25.8	—	14,8
Мелкие .	34609	5,3	2,4	6,2	86.1	60,4	16,3	9,4	15381	18,3	4,9	4,7	72.1	36,6	30,0	5,5
Средние .	25125	1,8	1,6	13.3	83,3	55,2	23,5	4,6	13876	11,9	4,0	10,5	73,6	24,8	46,6	2,2
Зажиточн.	1686	1,5	1,7	35 5	61,3	35,1	24,1	2,1	5749	12,1	4,1	16.9	66,9	9,6	56,8	0,5
Крупные .	95	—	1,1	60,0	38,9	24,2	13.6	1,1	1276	7,3	4,1	27,1	61.5	3,7	57,7	0,1
Итого . .	64918	5,4	2,2	9,5	82.9	56,2	18,4	8,3	39617	17,7	4,4	8,9	69,0	26,6	38,2	4,2

Разница в эволюции хозяйств районов заключается в том, что из голодавших губерний почти $^1/_5$ хозяйств **эмигрировала**, или **прекратила существование**, тогда как в благополучных губерниях, выселившиеся и ликвидировавшиеся составляют только 5,4 проц.; затем, в пострадавших губерниях слабее шло **дробление** хозяйств (разделы) и, наконец, здесь только 26,6 проц. хозяйств **увеличили посев** по сравнению с 1920 годом, тогда как в непострадавших губерниях соответствующая величина равняется 56,2 проц.; наоборот, уменьшили посев в пострадавшем районе 38,2 процента, в непострадавшем только

1) В непострадавших губ. мелкими считались хозяйства, сеющие до 2 дес. средними от 2,1 до 6 дес., зажиточными—6,1—10 дес. и крупными—свыше 10 дес. В губ. пострадавших мелкими считались сеющие до 4 дес., средними—от 4,1 до 10 дес., зажиточными от 10,1 до 25 дес. и крупными—свыше 25 дес.

18,4 проц. Это влияние голода на эволюцию хозяйства к 1924 г. уже значительно сгладилось; наиболее выпукло оно должно было сказаться в 1922 году.

Характер отличия эволюции групп хозяйств (классов)—одинаково в обоих районах, только в пострадавшем отрицательные процессы выражены сильнее, а положительные—слабее, чем в районе непострадавшем.

В нормальных условиях (непострадавший район) из беспосевщиков выселяются и ликвидируются 31,8 проц.; 1/3 из чих за 4 года обзавелась посевом и меньше 1/3 осталось беспосевными. Мелкопосевщики, в большинстве случаев, увеличили посев — 60,4 проц.; только 16,3 проц. из них уменьшили посев, т.-е. стали еще мельче или совсем беспосевными. Разделы в этих двух группах практикуются в ничтожных размерах.

В таком же, примерно, положении находились и средние хозяйства непострадавших губерний, только число разделившихся хозяйств заметно возрасло,—13,3 процента.

Зажиточные и крупные хозяйства дробятся сильнее,—35,5 проц. зажиточных и 60 проц.—богатых (крупных). Остальные хозяйства этих групп увеличили посев или уменьшили, большая часть увеличила, меньшая—сократила посевы. В пострадавшем районе, наоборот, эти две группы, в большинстве случаев, сократили посев или разделились, и только очень немногие—увеличили посев.

Поскольку под'ем хозяйства выразился в увеличении посевов и скота, интересно выяснить роль различных групп, степень их участия в этом под'еме.

Взяв непострадавшие губернии, хозяйство которых развивалось в более нормальных условиях, измерим это участие в цифрах.

Группы 1920 года.	% прироста в группе.		% прироста к итогу (к общей сумме прироста).		% хозяйст в группе.
	Посева.	Рабочего скота.	Посева.	Рабочего скота.	
Беспосевные	+ 100	+ 94	3,0	15,2	3,0
Мелкие	+ 49,3	+ 4,1	38,0	78,0	50,8
Средние	+ 27,8	— 1,2	52,8	—	42,9
Зажиточные и богатые	+ 19,2	+ 2,6	6,2	6,8	3,3
Итого	+ 33,0	+ 1,6	100	100	100

Из общей суммы прироста посева—37,387 десятин—93,8 проц. падает на первые 3 группы, главным образом, на среднюю; 78 проц. прироста рабочего скота дали мелкие хозяйства и 15,2—беспосевные. Следовательно, в под'еме хозяйства энергию развивали, главным образом, мелкие и средние хозяйства. Каждое из них или большая часть их увеличили посевы в той или иной мере, и так как именно эти группы составляли в 1920 году главную массу хозяйств—свыше 90 проц.—то вполне понятно, что они и сыграли в под'еме главную роль.

На зажиточных и богатых—3,3 проц. хозяйств—падает только 6,2 проц. общего прироста посева и 6,8 проц. прироста рабочего скота.

При определении значения той или другой группы в под'еме хозяйства не забудем, что исходным пунктом мы берем 1920 год, т.-е. год, когда натурализация, уравнивающая (нивелирующая) все хозяйства, достигла максимального выражения; хозяйства, получившие в пользование много пашен (многосемейные), засевали только потребительскую норму; именно у них накапливались недосевы за период до новой экономполитики; поэтому в группу мелких (по размеру посева) могли попасть такие хозяйства, где все другие ресурсы стояли на высшем уровне и давали возможность, при первом случае, расширить производство; другими словами, в группу мелких в 1920 году, могли попасть условно мелкие, а не абсолютно маломощные.

Только с введением новой экономполитики, потенциальная мощь этих условно мелких хозяйств могла проявиться и проявилась. Это обстоятельство сыграло большую роль в под'еме производства именно мелких хозяйств, хотя и воля к действию, и энергия к производству у них напряглась до высшего предела за период нэпа.

Усилили экономическую мощь те хозяйства, где имелись к этому средства и силы и где с расширением посева лишь пришли в равновесие все другие средства производства. Но на ряду с ними имелись и другие, где не было или было мало возможностей развить и двинуть вперед производство. Поэтому при общем под'еме хозяйства, имеется всегда известная часть хозяйств маломощных или совсем не занимающихся земледелием (беспосевных).

В результате анализированных выше процессов, сдвигов и изменений, мы имеем следующую группировку хозяйств по посеву (взяты волости непострадавших от голода губерний).

ГОДЫ.	% хозяйств.							
	Без посева.	С посевом.					Свыше 16 дес.	Итого.
		До 2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	6—10 дес.	10—16 дес.		
1920	5,2	53,3	30,2	8,5	2,7	0,1	—	100
1924	3,1	45,5	32,9	12,2	5,5	0,7	0,1	100

Относительно возросли группы средних и крупных хозяйств при одновременном уменьшении беспосевных и мелкопосевных. В 1920 году мелкие хозяйства составляли более половины—53,3 проц.; теперь они составляют только 45,5 проц.; зато увеличились сильно следующие 3 группы и появились крупнопосевщики, которых в 1920 году почти не было.

Разумеется, это вовсе не значит, что вся масса хозяйств подвинулась вверх; такое соотношение групп явилось не в результате простой «подвижки вверх», а в результате ряда сложных отношений и процессов: одни выселились или ликвидировались, другие перешли в высшие группы, третьи—в низшие, а многие хозяйства раздробились и стали еще более мелкими. Но в виду того, что мы переживаем период под'ема, большинство

хозяйств все же увеличило посев, а так как выселение и ликвидация унесли хозяйства, главным образом, из беспосевных и малопосевных групп, то эти две группы стали в 1924 году значительно меньше; они были бы еще меньше, если бы сюда не перешла часть хозяйств из высших групп.

По массовым данным текущей с.-х. статистики ЦСУ, относящимся почти ко всем губерниям европейской части РСФСР, группировка хозяйств по посеву в 1924 году, по сравнению с 1923 г., имеет такой вид:

ГОДЫ.	Без посева	С посевом до 2 дес.	2.1—4	4.1—6	6.1—8	8.1—10	10.1—16	Свыше 16 дес.	Итого.
1923	5,2	45,2	29,1	11,3	4,6	2,0	1,8	0,8	100
1924	4,0	39,9	33,6	13,0	4,9	2,1	1,7	0,8	100

Даже период времени в 1 год делает разницу в группировке в 1924 году группы беспосевных и мелкопосевных относительно уменьшились, а группы средне-посевщиков—увеличились; группы самых крупных посевщиков (свыше 8 дес.) остались без перемены. Картина одна и та же: рост посевов происходит по всему фронту, исключая лишь те хозяйства, кои понижают свой экономический тип, несмотря на отношение новой экономполитики. Приводимая нами первая таблица (стр. 19), в отношении волостей 21 губернии, указывает, что такого рода хозяйств за 4 года (1920—24) получилось 18,4 проц. в непострадавшем и 38,2 проц. в пострадавшем районе. За 1 год эта величина должна быть меньше, примерно, в 4 раза, но все же она есть и будет, ибо в условиях мелкого индивидуального хозяйства слишком велико разнообразие ситуаций, сопутствующих восприятию новой экономики.

Дореволюционная эпоха давала нам увеличение числа беспосевщиков; эпоха революции сразу уменьшила их число, которое убывает и сейчас из года в год.

В этом сказалась разница условий довоенного и нашего времени, диференциации довоенной и современной. Если раньше капитализация верхов сопровождалась обнищанием низов, то теперь не имеет и не может иметь прежнего размаха ни капитализация верхов, ни обнищание низов.

Наоборот, мы имеем уменьшение из года в год групп беспосевных и мелкопосевных хозяйств, при одновременном возрастании верхушки. И это нельзя отнести целиком на эмиграцию из деревни пролетаризированного населения, так как состояние городской промышленности 1922—23 года и наличие кадра безработных в городах не допускали этого. Коллективизация же и хуторское хозяйство имела не столь широкое развитие, чтобы повлиять на эмиграцию хозяйства в целом. Да и показатели эмиграции за эти годы были не выше довоенных, а даже несколько ниже. Разницу в положении и соотношении классов в современной деревне надо отнести исключительно на условия, созданные Октябрьской революцией и дальнейшими ее завоеваниями в области земельных, политических и общественных отношений. Этому

мало придают, обычно, значения, забывая, что старые условия изжиты и никогда не вернутся. Очень многие товарищи ожидали, что с введением новой экономполитики «мелкобуржуазная стихия» заживет прежней жизнью и воскресит все старые условия и отношения. Они забывают, что довоенная мощь кулацких элементов росла под знаком *их экономического и политического господства* в соответствии со всем режимом царской власти; бедняцкие же и пролетарские слои являлись олицетворением не только полной экономической беспомощности и политического бесправия, но и *политического угнетения*.

Аналогии прошлого с настоящим быть не может потому, что нет старых условий. Почва для экономической диференциации сужена, и самый процесс проявляется в других формах, приводит к другим результатам. Во всяком случае маломощные слои теперь *могут* не являться пассивным об'ектом эксплоатации. До революции они *не могли не быть этим об'ектом*. Если их толкает к зависимости от богатых экономическая необходимость и теперь, то им надо помнить о других выходах, существующих теперь для маломощных—сельскохозяйственный кредит, кооперация, земледельческие коммуны, товарищества и другие формы осуществления прав бедноты.

С под'емом обрабатывающей промышленности, как мы уже указали выше, открывается новая фаза в развитии отношений новой экономполитики. Она знаменуется тем, что избыточное сельское население будет отвлекаться в промыслы. Явные симптомы этого обнаружились и в 1924 году, как видно из следующих цифр:

Районы.	% хозяйств. с промыслами.				% работников в промыслах.			
	1920 г	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Потребляющий 10 губ. .	26,7	18,4	20,9	48,1	21,0	15,0	20,7	41,4
Центральн. земледельч. район (5 г.)	16,6	11,7	12,0	22,5	12,4	9,2	9,8	17,8
Пострадавшие 6 губерн.	14,8	9,1	10,6	35,5	11,2	6,8	8,3	27,8

Поворот в сторону увеличения промысловости сельского населения наметился в 1923 году, но еще очень слабо. 1924 год дает громадный рост промыслов; увеличилось и число хозяйств с промыслами и число работников, занятых в промыслах [1]).

Правда, мы еще не можем сказать наверное, какие промыслы увеличиваются,—местные или отхожие; однако, имея в виду под'ем отраслей городской промышленности, надо предположить увеличение, именно, отхожих промыслов, хотя и местные могут развиваться. В данном случае, нам интересно отметить пока факт индустриализации населения, увеличение сферы извлечения доходов в крестьянском хозяйстве из промыслов, чем, так сказать, суживается (относительно) доход от сельского хозяйства для тех

[1]) Даже допустив пропуски в регистрации промыслов за предыдущие 3 года и повсеместное улучшение этой регистрации в 1924 году, — мы все же должны признать крупное продвижение вперед промысловости крестьянства для 1924 года.

групп населения, которые извлекают доход от промыслов в большей мере, чем другие слои. Какие группы и в какой мере являются промысловыми?

Группы.	% хозяйств с промыслами		% работников в промыслах	
	в 1920 г.	в 1924 г.	в 1920 г.	в 1923 г.
Без посева	38,2	60,0	41,5	66,3
С посевом до 2 дес. . . .	25,8	48,1	22,8	47,2
С посевом 4–6 дес . . .	21,7	28,7	15,0	21,6
С посевом свыше 10 дес. .	28,0	26,0	17,6	13,[illegible]

Совершенно аналогичные группы различно характеризуются со стороны промыслов в 1924 году и в 1920 г. Отношение промыслов к размеру хозяйства приобрело в 1924 году уже обычный свой характер: чем маломощнее земледельческое хозяйство, тем больше оно отвлекается в промыслы. В 1920 году, когда размер хозяйства не отражал всей потенциальной мощи хозяйства, промыслы по группам были не так диференцированы, как это мы видим в 1924 г. Теперь мы видим, что промысловость особенно сильно развилась в первых двух группах; в средней это развитие меньше, а высшая группа стала даже менее промысловой, чем в 1920 году.

Такое изменение отношений между промыслами и размером хозяйства весьма показательно. Оно свидетельствует об отвлечении в промыслы, именно, полупролетарских и пролетарских слоев в то время, как в высших группах хозяйственный центр тяжести еще больше перемещается в земледелие.

Таким образом, в 1924 году мы имеем не только продолжающийся под'ем сельского хозяйства в его количественном и качественном выражении, но имеем отклики со стороны сельского населения на под'ем городской промышленности. Это обстоятельство будет иметь очень важное значение для процесса диференциации, ибо поскольку маломощное население будет уходить из деревни, постольку будет иметь место сдача им земли в аренду, а следовательно, и концентрация земли в руках зажиточного крестьянства путем аренды. Эта своеобразная форма связи земледелия с промышленностью неизбежна, пока первое остается в руках мелкого индивидуального производителя. Природа же мелкого товаропроизводителя такова, что она вечно толкает его вперед по пути к увеличению производимого продукта—товара.

С этим приходится считаться именно потому, что под'ем сельского хозяйства происходит в условиях мелко-индивидуального производства, где главным, если не единственным, стимулом является получение возможно большего дохода для с в о е г о хозяйства, и его развитие выливается в стремлении мелкого хозяйства стать средним, среднего—зажиточным. Но далеко не всякое зажиточное и даже богатое крестьянское хозяйство является кулацким; современному кулаку далеко до прежнего своего собрата, как современному частному городскому торговцу далеко до прежнего «свободного» торговца. И как последнего бьет налог, так надо, чтобы и деревенского кулака бил налог. Но, разумеется, **при этом необходимо разбираться в каждом отдельном случае и выяснять характер хозяйства, наличие и степень его кулацких**

операций, а не выдавать за кулацкое всякое зажиточное хозяйство. Развивающее и улучшающее производство хозяйство д о л ж н о стать зажиточным; противостоять этому, значит отнять стимул к под'ему миллионов хозяйств.

Поэтому совершенно прав был М. И. Калинин, сказав о политике по отношению к богатому крестьянству: «Мы должны стремиться к тому, чтобы использовать эти выросшие крестьянские хозяйства и увеличить тяжесть государственных повинностей более обеспеченных крестьянских хозяйств»... «Это увеличение тяжести, которое мы возлагаем на выросшие крестьянские дворы, не должно быть таким, чтобы оно парализовало, уменьшало стимул у середняка вырваться из середняцкого положения и сделаться более состоятельным».

Кулачество, как специфическая категория собственников-эксплоататоров на почве кредита (ростовщиков) и на почве отработочных испольных аренд, не может в наших условиях расцвести махровым цветом. Для этого нет в полной мере экономической почвы (землю имеет и может иметь всякий, а не только кулак), а главное—совсем нет почвы политической. Если бы экономика и давала возможность развития функций крупно-эксплоататорских хозяйств, то коррективы со стороны пролетарского государства отбивают к этому охоту. Не надо забывать разницы в ситуации: раньше власть была на стороне кулаков, теперь она у противоположного класса. Но тот факт, что земледелие находится в руках мелких производителей, собственников средств производства, порождает в порядке развития производительных сил неравенство этих производителей, неравенство как в земледелии, так и на почве торгового капитала. Поскольку торговлю возьмет в свои руки кооперация,—на этой почве окулачивания широкой части крестьянства не должно быть. С другой стороны, если государство берет в свои руки снабжение крестьянства кредитом и инвентарем, выбивается у кулачества и другое орудие их—эксплоатация на почве кредита и сдача в аренду инвентаря. Не приходится говорить в настоящих условиях и «о кабальных» отношениях в прежних размерах и формах. Аренда среди крестьянства существует и будет существовать, ибо она порождается не только неравенством в средствах производства и труда, но и развитием производительных сил, не позволяющим земле лежать пустующей. Но кабальных форм в прежних размерах аренда принять не может и не примет, ибо подлинные кабальные формы аренд существовали и раньше не между крестьянством и кулаками, а главным образом, между крестьянством и помещиками. По этому поводу Владимир Ильич говорил в 1899 году: «В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы» (стр. 127 старого издания «Развитие капитализма»).

Условия нашего переходного хозяйства отличаются от буржуазного, между прочим, тем, что здесь плановое начало все больше и больше оттесняет анархическое, частно-предпринимательское начало. В этом гарантия того, что современное крестьянство и з б а в л я е т с я от кабальных форм, а не идет к ним. Поскольку же и в настоящем будет иметь место отрыжка прежних отношений, **постольку пролетарское государство имеет возможность всегда воздействовать на них в известном смысле и направлении.**

М. Кантор.

Строительство социализма в деревне и аппарат с.-х. кооперации.

I.

Вопрос о значении аппарата с.-х. кооперации должен быть специально продуман каждым партийцем, так как в действительности он гораздо важнее и сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Сделаем небольшое пояснение.

После предсмертной (и бессмертной) статьи Ленина о кооперации ни у кого из нас нет сомнений, что единственный и вернейший путь к социализму в деревне идет через кооперацию. Но вот, каким именно образом кооперация способна совершить это исторически грандиозное дело преобразования распыленного, отсталого крестьянского хозяйства на коллективных началах?

Некоторые товарищи, даже из числа таких, которые совсем неплохо разбираются в нашей хозяйственной политике, представляют себе дело, приблизительно, так:

Крестьяне, под влиянием нужды и слабости своего мелкого ручного производства (материальный признак) и при содействии пролетарского государства, национализированной промышленности (смычка), а также партии (идеологическая часть), переходят к кооперированию, вводят с.-х. машины и, таким образом, перестраивают весь уклад своей жизни.

В таком об'яснении есть несколько серьезных упущений: здесь слишком большое место отводится идейным процессам— воздействию партии и крестьянской восприимчивости к нововведениям и оставляется совершенно без ответа основной поставленный вопрос, чисто конкретный: каким же, именно, путем, в условиях новой экономической политики, в условиях рынка, товарного обращения, может происходить обобществление крестьянского хозяйства.

Такое об'яснение грешит и против постановки вопроса, данной Лениным. В упомянутой нами статье, несколько раз повторяется следующая мысль о характере перехода деревни к социализму:

«нэп... представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего»,

в другом месте:

«какое значение имеет эта кооперация... со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более **простым, легким и доступным для крестьянина**» (подчеркнуто Лениным) и т. д.

Нетрудно заметить, что самое большое беспокойство овладевало нашим покойным вождем, когда он думал о возможных «мудрствованиях» и выкрутасах, по отношению к крестьянству, на почве перехода «к новым порядкам». Сквозь всю статью Ленина проходит красной нитью такое представление о переходе, при котором от крестьянина не требуется «ничего высшего», когда переход совершается естественнейшим порядком, приноровленным «к уровню самого обыкновенного крестьянина».

К сожалению, статья тов. Ленина слишком кратка и, естественно, в ней не исчерпаны многие кооперативные вопросы. Но в ней с большой отчетливостью дан основной подход ко всей кооперативной задаче в целом. И наше дело заключается в том, чтобы продолжить анализ кооперативного строительства, вскрывая в нем отмеченные Лениным «простые, легкие и доступные для крестьянина» пути.

В годовом обзоре работы сельскохозяйственной кооперации, данном в статье А. А. Минина («Вестник с.-х. кооперации» № 1—1925 г.), «общие линии развития» изображены следующим образом:

«И третий основной вывод (первые два вывода констатировали самое наличие эволюции и ее темп. М. К.) вытекает из фактов эволюции сельского хозяйства: особо энергичное развитие продукции и товарности технических, интенсивных культур и животноводства должно было дать почву для особо быстрого роста тех видов кооперативных организаций, которые занимаются переработкой и сбытом продуктов этих отраслей сельского хозяйства: в частности, по мере роста низовых специальных кооперативов, должны были развиваться специальные местные союзы и центры с.-х. кооперации. Действительно, если начальный период восстановительной работы с.-х. кооперации характеризуется быстрым размножением с.-х. т-в универсального типа, то в дальнейшем начинают стремительно расти различного вида специальные с.-х. кооперативы, концентрирующие свое внимание на какой-либо одной отрасли или одном продукте крестьянского хозяйства: молочные, маслодельно-сыроваренные, картофеле-терочные, семенные, животноводческие, машинные, мелиоративные, свекло-сахарные и т. д. и т. д. И в то время, как число универсальных с.-х. т-в (без кредитных функций) становится почти неподвижным, специальные кооперативы за первое, например, полугодие 1924 года показывают рост более, чем на 20%. Вполне естественно, что этот рост вызывает к жизни ряд местных специальных союзов— молочных, маслодельных, картофеле-терочных, семенных, свеклосевов, табаководов и т. д.; на 1 октября 1924 г. их насчитывалось не менее 40. Организуются, наконец, и специальные центры, которые уже достаточно известны».

Для всякого, кто знаком с основными фактами развития нашего сельского хозяйства, характер процессов, происходящих в с.-х. кооперации, не представляет решительно ничего неожиданного. В таком, именно, разрезе взята тема и А. А. Мининым, который в той же статье, несколько ранее, дает таблицу соотношения различных отраслей с.-х. продукции и сопровождает ее следующими замечаниями:

«В таблице, далее, совершенно явственно выражено значительное падение роли зерновых хлебов в общей массе с.-х. продукции (с 50,8% в 22 г. до 39,1% в 24 г.), наряду с ростом роли

технических и интенсивных растений (с 12,4 до 14%), продуктов скотоводства и птицеводства (с 27 до 33,5%) и продуктов садоводства, виноградарства и бахчеводства (с 9,8 до 13,4%). Таким образом, доля валового дохода от незерновых продуктов в 1924 году достигает 61%».

Нам кажется, что в указанных процессах, представляющих одновременно и костяк и основной фон жизни нашего сельского хозяйства и с.-х. кооперации, заключено и то важнейшее звено, за которое нам следует, в данный момент, ухватиться в своей кооперативной политике.

Мы можем теперь уже с большой определенностью утверждать, что влияние оказываемое нэпом на сельское хозяйство, заключается в том, что крестьянин вынужден постепенно увеличивать товарную часть своего хозяйства, т.-е. работу на рынок, и, соответственно этому, постепенно приспособлять свое производство к требованиям рынка. Например, к запросам нашей внутренней промышленности, требующей сырья определенных видов, или к условиям экспорта, т.-е. требованиям и вкусам иностранных потребителей наших сельских товаров. При чем мелкое хозяйство, предоставленное только своим собственным силам, как это подтверждается практикой, не в состоянии удовлетворить все требования рынка, ни со стороны качества продукта, ни в отношении себестоимости производства, и выход из положения отыскивается самим крестьянством в укрупнении производства и в применении машин.

Последнее обстоятельство имеет для нас исключительно важное значение и на нем следует несколько долее остановиться.

В капиталистических государствах переход к более совершенному производству совершается, главным образом, путем образования крупных единоличных (или акционерных, т.-е. тоже частнособственнических) сельскохозяйственных экономий, вытесняющих мелкое производство и только в небольшой части, посредством об'единения мелких хозяев в сельскохозяйственные, кредитные и прочие кооперативные товарищества. В наших советских условиях процесс укрупнения производства точно так же совершенно неизбежен, но мы стремимся направить его по второму, кооперативному, пути. Опорой для нас является национализация земли (препятствующая сосредоточению земли в частном владении), национализация промышленности (исключающая применение накопленного деревенского капитала в городском производстве) и диктатура пролетариата (вообще не симпатизирующая частному капиталу и находящая много налоговых и всяких иных способов влияния) и, что также крайне важно, чувство самосохранения мелких и средних хозяев, составляющих огромное большинство сельского населения.

Таким образом, проникновение социализма в нашу деревню может произойти не в результате того, что городские организации помогут деревне навешать электрические провода (эта помощь носит исключительно подсобный характер) и применить к мелкому производству последнее слово техники, а в результате постепенного приспособления к рынку отдельных отраслей крестьянского хозяйства. С этой точки зрения, образование специальных сельскохозяйственных товариществ и организация коллективных предприятий по обработке масла, льна, картофеля и т. п. имеет гигантское значение.

Переработка продуктов подвергается в первую очередь кооперированию под влиянием товарного обращения. Крестьянство легко идет на организацию какого-либо предприятия по обработке льна, масла, картофеля, потому что в данном случае еще не задевается его святая святых—единоличный труд и единоличное производство. Но каждый следующий шаг на пути технического прогресса, неизбежно связанный с введением машин, заставляет постепенно укрупнять, т.-е. в наших условиях кооперировать, и все остальные отрасли крестьянского хозяйства.

Теперь о понимании смычки. Когда мы говорили о работе кооперации на рынок, то здесь, собственно, и заключалась в значительной степени сущность смычки. Вернее в той степени, в какой государственная промышленность является потребителем с.-х. сырья и с.-х. продуктов и продавцом средств производства и предметов потребления. То-есть, в экономическом смысле слова, смычка рабочего класса с крестьянством в наших условиях это—процесс товарного обращения и вместе с тем об'ективный процесс преобразования крестьянского хозяйства.

Значит, дело не в «содействии», а в деловом взаимодействии. Содействие это чрезвычайно важное, но не основное обстоятельство, решающее вопрос о строительстве социализма в деревне.

Как ни просты эти выводы на первый взгляд, но они еще далеко не основательно продуманы всеми партийцами. Недостаточное понимание того, что мы в нэпе развязали об'ективные силы, действующие в желательном для нас направлении, заставляет перегибать палку, в вопросах регулирования торговли, создавать мелочную регламентацию смычки.

Поэтому для нас чрезвычайно важна популяризация политико-экономических знаний, в первую очередь в отношении процессов обращения. За время нэпа мы издали колоссальное количество литературы, писали о чем угодно, но не об этом основном звене, за которое мы должны, во что бы то ни стало, ухватиться.

Рядовой партиец, не говоря уже о широких массах рабочих и передовых крестьян, еще не вполне ясно представляет себе, каким именно образом организованной промышленности и организованного кредита постепенно подчиняет себе неорганизованное или менее организованное сельское хозяйство.

Рабочий, партиец отдают себе отчет в преимуществах нашей организации промышленности, по сравнению с буржуазной анархией производства. Но мы должны растолковать им, почему национализация, т.-е. государственная организация промышленности и кредита, позволяет нам, при правильной постановке дела, в несравненно большей степени, чем в буржуазном строе, во-первых, расширять смычку, увеличивать процесс обмена между промышленностью и сельским хозяйством; во-вторых, укреплять смычку, направлять этот процесс в сторону, выгодную также для большинства крестьянского населения, т.-е. в сторону кооперирования, коллективизации одна за другой всех отраслей крестьянского хозяйства.

Именно таким путем преобразования одной за другой различных отраслей крестьянского хозяйства, до тех пор, пока оно не будет реорганизовано целиком, и пойдет развитие социалистических предпосылок в деревне.

Только в свете такого об'яснения может быть понята мысль Ленина о кооперации в условиях нэпа: «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

При известных условиях, мы можем получить в недрах сельскохозяйственной кооперации такой же об'ективный материальный процесс подготовки социализма, какой мы имеем в городе, на заводе или фабрике. Но с одной существенной разницей: на фабрике рабочий непосредственно воспитывается (партия помогает только выявлению и оформлению его убеждений) социалистом, в деревне крестьянин в массе и при кооперации остается собственником, приобретая только некоторые общественные навыки.

II.

Этот важнейший пробел, зияющий в процессе подготовки социалистических предпосылок в деревне, может нам восполнить, возместить только соответствующий рабочий аппарат кооперации. Если бы имели в разветвленной сети с.-х. кооперации достаточное количество технически подготовленных работников-коммунистов (если не по партийной принадлежности, то по своим взглядам), тогда, на ряду с усилением процесса коллективизации сельского хозяйства, мы получили бы также и направление накопленных крестьянством общественных навыков в нужную сторону.

Следующую важную услугу, которую нам может оказать аппарат сельскохозяйственной кооперации, это содействие расширению и укреплению смычки в том смысле, в каком мы этот вопрос только что излагали. Вот где содействие может быть проведено наиболее безболезненно, в соответствии с интересами крестьянства и вернее всего.

Предвосхищая образование крупных с.-х. кооперативных центров, следовательно повышение хозяйственной организованности крестьянства, тов. Крицман, в статье, помещенной во втором номере «Большевика», говорит, что в политику пролетариата должна быть включена, в качестве одной из мер,—«экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного сельского хозяйства».

Нам кажется, что именно в условиях пролетарской власти, опирающейся на союз с крестьянством, в такой голой форме противопоставлять классовые интересы нельзя. Не только в политике, но и в экономике, и не только практически, но и, следовательно, теоретически.

Во всяком случае, если что-либо можно сделать (а по нашему безусловно можно) в смысле выбора путей, в которых были бы заинтересованы обе стороны, то в проведении политики по выбранным путям ничем незаменимую роль может сыграть аппарат сельскохозяйственной кооперации.

Насколько велико значение аппарата в кооперации, мы видели на опыте своей собственной схватки с ним после Октябрьской революции. Нам не осталось тогда ничего другого, как разогнать реакционную массу, так называемых, «старых кооператоров» и вместе с тем лишить себя возможности использования кооперации, как общественно-хозяйственной силы.

Сейчас трудно делать догадки, в каком направлении пошло бы использование сельской кооперации при доброжелательном отношении аппарата. Судя по практике отдельных губерний, в которых кооперация вела активную заготовительную работу еще в 1920 году, ее значение было бы и тогда огромно. От некоторых товарищей приходилось слушать даже такие утверждения, что, при благожелательном отношении кооперативного аппарата, вся история нашей экономической политики имела бы другой вид и другие перспективы.

Несомненно, здесь допускаются преувеличения, но в известной доле правоты отказать нельзя. В выступлениях наших вождей не раз указывалось, что углубление методов военного коммунизма происходило в результате и в меру сопротивления буржуазии. Сюда следует, очевидно, отнести и сопротивление кооперативного аппарата.

При чем, в одном отношении последствия от сопротивления кооператоров были для нас более тяжки, чем от сопротивления буржуазии. Прогнав фабриканта, мы, с помощью рабочих этого предприятия, овладевали фабрикой и производством. Ряд других обстоятельств (гражданская война, наступление германской армии, разруха, которая была до революции и вызвала ее) помешал надлежащим образом использовать отобранные фабрики. Но в кооперации тогда была исключена возможность самого овладевания производством, потому что крестьянин не склонен пустить в свое святая святых людей, недостаточно ему знакомых в качестве организаторов.

Крестьянство точно так же, как и отражающий его настроения кооперативный аппарат, проявляет в этом отношении колоссальную инерцию. Примеры могут быть лучше всего прослежены в Западной Европе. Там, сплошь и рядом, во главе крестьянской кооперации стоят от'явленные реакционеры, отнюдь не всегда выражающие политические взгляды кооперированных. Больше того. Иногда члены кооператива резко отмежевываются в политическом отношении от своих кооперативных вождей и тем не менее сохраняют их во главе организации. Даже рабочей кооперации за границей свойствен в этом отношении большой консерватизм.

Оговариваемся, что под аппаратом мы понимаем как выборные органы, так и технических работников.

III.

Сведениями о составе аппарата нашей с.-х. кооперации мы располагаем только на 1 января 1924 г. по СССР без Украины. К тому моменту вся сеть насчитывала 301 союзное об'единение и несколько менее 30.000 первичных кооперативов с числом членов до двух миллионов человек.

В союзах, на 1.581 выборное лицо, коммунистов было 765, т.-е. 48,4%. В первичной сети, на 9.072 чел. выборных, коммунистов было 824 или 9,1%.

Данные о соотношении между коммунистами и беспартийными взяты не по всем организациям, а на выборку, только по тем, которые заполнили соответствующие графы в анкетах. Но в общем и целом отражение получается правильное и «участие членов РКП в органах управления кооперативов 1-й степени колеблется от 8,3 до 10,5%» (Хозяйственная работа с.-х. кооперации. Издание Сельского союза—1924 г.).

По всему аппарату, распространяя имеющиеся средние цифры на всю сеть, мы имеем армию почти в 200.000 чел., распределяющуюся следующим образом:

	Выборных работников.	Наемных работников.	Всего.
По союзам	1.260	19.500	20.760
По коопер. 1-й ст.	80.000	94.000	174.000
	81.260	113 500	194.760

В союзах из 19.500 чел., приблизительно, одну треть следует отнести на рабочих и две трети на служащих. По первичным кооперативам из 94.000 на рабочих приходилось около 51.000 и на служащих—43.000.

Наибольшей кооперативной обработке, в смысле технической подготовленности и понимания советских задач, естественно, должны подвергнуться выборный состав и служащие, т.-е. та масса, которая фактически творит политику и практику в кооперативных организациях.

Здесь перед кооперацией встают такие трудности, которые собственными силами ей никак не разрешить. Допустим, что из 60.000 служащих 30.000 счетоводов и что продолжительность кооперативной жизни каждого счетовода равняется в среднем десяти годам. Тогда, значит, нам нужны ежегодно 3.000 новых подготовленных счетоводов.

Но, ведь, и члены правления не рождаются в своих должностях и также нуждаются в знаниях по счетоводству. Следовательно, количество потребных лиц с подготовкой в отношении счетоводства нужно считать, по крайней мере, до 5.000.

Но и это не все. Сейчас с.-х. кооперация об'единяет только до 15% крестьянских хозяйств. При нормальном же охвате количество нужных счетоводов должно повышаться в 2—3—4 и т. д. раз, вплоть до ежегодной цифры в 30.000 чел. Если же сюда присоединить увеличение количества счетоводов вследствие развертывания самой хозяйственной работы, в пределах существующих кооперативов, то цифры могут увеличиваться в неопределенной степени.

Все это не догадки досужей фантазии, а реальная нужда, больно ощущаемая на местах.

При чем, следует иметь в виду, что не всякий счетовод, хотя бы он и был технически подготовлен, представляет ценное приобретение для деревни, где счетовод, в большинстве случаев, и руководитель всей технической, а иногда и не только технической жизни сельскохозяйственного товарищества. Кооперативная грамотность здесь совершенно необходима.

Разумеется, работа должна итти одновременно в двух направлениях: подготовки нового персонала, т.-е. соответствующего обучения подрастающего поколения, и переподготовки наличного состава. Вторая часть еще может быть кое-как проделана средствами с.-х. кооперации. Первая же прямо относится к ведению органов Наркомпроса.

Нами сделан только черновой набросок программы в отношении счетоводов. Но совершенно очевидно, что **должна быть разработана большая программа, предусматривающая все категории необходимых работников.**

В отношении высоко-квалифицированной силы: агрономов, инструкторов, ревизоров и т. п.—также может быть сделана разбивка функций между Наркомпросом и союзами с.-х. кооперации. Приобщение агрономов к кооперативным знаниям должно производиться Наркомпросом путем соответствующей переработки важнейших дисциплин, читаемых в высших агрономических учебных заведениях. Подготовка же инструкторов и ревизоров может быть проделана союзными центрами с.-х. кооперации, располагающими теми практическими работниками, которые совершенно необходимы для правильной подготовки дела обучения, т.-е. придания ему специального практического уклона.

IV.

В аппарате с.-х. кооперации в ближайшие же годы примут участие большие массы крестьянства. Поэтому для нас чрезвычайно важно проанализировать ту среду, которая будет выделять своих представителей в аппарат.

Некоторые общие законы движения классового состава с.-х. кооперации можно вывести при сопоставлении дореволюционной практики с нынешней. В изданном Сельскосоюзом в 1924 г. сборнике «Сельскохозяйственная кооперация в системе государственного капитализма», в статье под заглавием «Социальный состав крестьянских кооперативов», приведен ряд таблиц, на основании которых сделаны следующие выводы относительно дореволюционного состава:

1) в состав крестьянских кооперативов почти на ¾ входили бедняцкие и середняцкие хозяйства;

2) в начальный период организации кооперативов коэффициент участия в них различных слоев крестьянства возрастает с ростом хозяйственной обеспеченности;

3) с течением времени и укреплением кооперации зажиточные слои отходят постепенно на второй план и растет кооперированность прочих групп.

В настоящее время классовый состав с.-х. кооперации характеризуется преобладанием середняков, сильным участием бедняцкого элемента и крайней незначительностью участия зажиточных групп. В той же статье, на которую мы только что ссылались, приведена следующая таблица, составленная по данным обследования трех губерний:

В процентах.

РАЙОНЫ.	Самарская губ.			Пермская губ.			Козловский уезд.		
	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.
Б злошадных	49,5	57,5	0 86	23,1	31,1	0,74	40	50,5	0.79
С 1 лошадью	36.7	31,1	1,18	73,4	62,1	1.18	50	47,4	1,06
С 2 лошадьми	11,7	9,1	1,25	3,3	6,4	0,52	8	2,2	4.00
С 3 лош. и более	2,4	2 3	1,04	0 2	0,4	0,50	2	0,1	2.00
	100	100	—	100	100	—	100	100	—

«Эта таблица с полной определенностью устанавливает связь динамики социального состава общей массы крестьянских кооперативов с динамикой крестьянского хозяйства вообще. По сравнению с дореволюционным временем чрезвычайно сильно вырос % безлошадных хозяйств среди членов кооперативов, колеблясь от 23,1 до 49,5%. Высшие группы крестьянских хозяйств представлены в кооперативах чрезвычайно слабо: от 0,2 до 2,4%. На первом месте среди членов стоит группа середняков, затем идет, немного уступая ей, группа бедняцких хозяйств; обе вместе составляют не менее 97% всех членов. Зажиточный крестьянин и кулак в качестве членов кооперативов отодвинуты революцией на задний план.

Что касается коэффициента участия в кооперативах разных групп, то и здесь следует отметить весьма существенную трансформацию. Он не возрастает упорно от низших групп к высшим, а делает по Пермской и Самарской губерниям сначала восходящую, а затем падающую кривую: повышаясь для однолошадных (Самар. губ.) и двухлошадных (Пермск. губ.), для группы с 3 и более лошадьми он дает снижение. Однако, Козловский уезд резко нарушает эту картину: здесь мы видим стремительный рост коэффициента участия от низших групп к высшим, во много раз превосходящий довоенный».

При рассмотрении вопроса по специальным видам с.-х. кооперации получается та же картина. Так, классовый состав картофелетерочных товариществ Костромской губ. ярко вскрывает преобладание середняцких и бедняцких элементов:

	Члены товарищ.	Все население.
Безлошадных	24,3	31,7
С 1 лошадью	73,4	67,1
С 2 лошадьми	2,2	1,3
С 3 и более	0,1	—

По маслодельной кооперации процент участия бедноты в обследованных местах несколько ниже, но участие тех элементов, которые можно было бы причислить к кулацким, также незначительно. На вопрос, какие группы пока наиболее охотно идут в маслодельную кооперацию, дает ответ нижеследующая таблица, в которой приведен коэффициент участия разных групп населения:

Категории хоз.	РАЙОНЫ.					
	Ярославский.	Смоленский.	Старорусский.	Валдайский.	Краснохолмск.	Татарский
Бескоровные	0,10	0,05	0,21	—	0,32	0,14
С 1 коровой	0,37	0,34	0,61	1,13	0,11	0,32
„ 2 „	3,85	1,73	1,13	1,04	2,06	0,79
„ 3 „	19,50	4,89	2,07	1,23	1,14	1,80
„ 4 „ и более	20,00	7,00	1,91	1,52	1,00	6,47

Здесь картина несколько иная.

Автор цитированной статьи дает такое об'яснение этому обстоятельству:

«Активные участники артелей должны обладать определенным абсолютным минимумом коров, гарантирующим достаточную товарность молока, чтобы быть жизненно заинтересованными в их организации и работе. Вследствие этого общее понижение уровня коровности всего населения повышает коэффициент участия в артели средних и зажиточных групп: будучи сами весьма сильно понижены по своей абсолютной численности, они по степени кооперированности чрезвычайно резко «выпячиваются» на общем фоне бескоровных и малокоровных».

Нам это об'яснение представляется правильным. Дальнейшие обследования ряда губерний: Ново-Николаевской, Московской, Курской и др. подтвердили правильность приведенных выводов.

В общем можно сказать, что, хотя уровень обеспеченности кооперированного населения выше, чем некооперированного (в кооперацию идут наиболее активные в хозяйственном отношении элементы деревни), процент участия и даже коэффициент участия зажиточных слоев не грозит кулацким засильем. В сущности говоря речь может итти пока о недостаточном вовлечении кулака в кооперацию, а не о его засилии. Это, конечно, не исключает случаев индивидуального засилья кулака. Но здесь должен притти на помощь политический курс на середняка и бедняка, который позволил бы нейтрализовать влияние крупно зажиточных групп (устранять их из кооперации, если их деятельность не носит злостный характер, как известно, не предполагается). Особо важную роль в поддержке слабых элементов кооперации может сыграть производственное кредитование, которое в наших руках, вообще, может явиться могучим средством оздоровления кооперативной среды и вовлечения в с.-х. кооперацию широких масс крестьянства.

Поскольку с.-х. кооперация широко открывает двери для всех слоев населения, можно считать, что она способствует, в известной степени, сохранению однородности крестьянского хозяйства. Участие середняка, повидимому, в ней и останется преобладающим и, очевидно, именно с середняцкой психологией нам и придется больше всего считаться при построении аппарата с.-х. кооперации.

V.

Процент участия коммунистов в с.-х. кооперации, как мы это видели из цифр (к 1925 году процент, вероятно, несколько повысился), нельзя признать достаточным. В союзных об'единениях он держится на уровне паритета, хотя, именно, в союзах увеличение коммунистического состава может быть произведено наиболее целесообразно и безболезненно. Что же касается низовых организаций, то в них процент коммунистов определенно мал.

К первичным кооперативам следует подходить с большой осторожностью при усилении коммунистического состава. Но осторожность должна быть соблюдена, главным образом, в методах проведения коммунистов на выборные и технические должности

и в подборе товарищей из числа достаточно подготовленных и пользующихся доверием местного населения.

Из числа других групп, которые должны быть привлечены к построению аппарата, мы уже называли середняцкие слои и представителей беднейшего населения, разумеется, в меру участия каждой группы в средствах и работе товарищества. Этим наиболее заинтересованным представителям крестьянского хозяйства должно быть в максимальной степени обеспечено действительное участие в органах управления и контроля.

Затем идет беспартийная сельская интеллигенция, от которой можно требовать некоторой технической подготовленности и безусловной лойяльности, как политической, так и кооперативной. В отношении учительства нам следует широко использовать организуемые повсеместно летние курсы по переподготовке и поставить на курсах, главным образом, практическое ознакомление с интересующими местное население отраслями кооперативной работы. Об участии агрономов мы уже упоминали. Оно имеет исключительно важное значение при кооперировании производственных процессов, в широком смысле этого слова, т.-е. включая сюда семенные, случные пункты и т. п.

Наконец, в аппарате с.-х. кооперации работает довольно большое число беспартийных кооператоров, ведущих свой стаж от дореволюционных времен. Часть этих «старых кооператоров» настолько сработалась с нами, настолько ориентировалась в новых условиях, что пора окружить и их той атмосферой доверия, которую мы считаем необходимым создавать вокруг преданных специалистов. Теперешнее положение нельзя признать нормальным. Вследствие прежних трений со «старыми кооператорами» в период военного коммунизма, когда они, частью вольно, частью невольно, остались не у дел (кооперативных), по отношению к ним остался осадок недоверия. На деле это сказывается во взаимной отчужденности, особенно вредной, когда эти раобтники занимают выборные посты.

Отсюда не вытекает вывод, что у них следует учиться идеологии. Большинство работников старой кооперации—представители земской, либеральной или народнической интеллигенции, т.-е. люди со сложившимися общественными убеждениями, которые перенесены ими в кооперацию, как общественное дело.

Но в отношении идеологии мы, пожалуй, отдали бы предпочтение им перед некоторыми бывшими работниками кооперации—коммунистами, ушибленными старыми кооперативными идеями. К счастью, таких коммунистов незначительное число.

Всю эту огромную разношерстную массу аппарата нужно спаять общими идеями, вдохнуть в нее веру в творчество, энтузиазм, ибо никакое большое общественное дело не может быть сделано без, так называемого, под'ема духа. Старая кооперация умела это делать. Она развила колоссальную культурную работу, в которой принимали участие квалифицированнейшие инструктора, раз'езжавшие по всей стране. Выпускались специальные популярные журналы для разных категорий читателей, создавались библиотечки, работала теоретическая мысль. Все в одну точку...

Между тем, у нас, еще по сей день, спорят о том, должны ли кооперативные организации вести культурно-просветительную работу, не будет ли здесь, упаси боже, дублирования с издательскими и всякими другими органами, претендующими на монопольное удовлетворение всех культурных потребностей нашей, еще совершенно необслуженной, некультурной страны.

Конечно, новая идеология не должна иметь ничего общего со старой, провозгласившей кооперацию пупом земли, самодовлеющей величиной, ведущей к социализму независимо от общих хозяйственных и политических условий. Поскольку в кругах старых кооператоров такая идеология еще сохранилась, мы должны об'явить ей идейную войну, разоблачая фантазерство и оппортунизм.

Наша кооперативная идея должна быть построена исключительно на той роли, которая обеспечена кооперации в системе государственного капитализма и советской власти.

В пределах этой роли мы должны выявить и углубить стоящие перед кооперацией социалистические задачи, как реально осуществимые и осуществляющиеся, в отличие от прежних фантастических и ложных. Здесь открывается громадное поле для агитации, пропаганды, для самых разнообразных форм воздействия.

На ряду с этим должна заработать теоретическая мысль, как в среде наличных теоретиков партии, так и в высших учебных заведениях. Часть, так называемых, «старых кооператоров» приспособилась к новой обстановке и создает уже новые теории приспособленчества, нечто вроде кооперативного «сменовеховства». От всех этих теорий отдает крепчайшим запахом ревизионизма и они тем опаснее, что играют на струнках нашей середняцкой политики, избегая, конечно, глубокого экономического анализа.

Наши молодые кооперативные кадры пока самостоятельно пытаются преодолеть новое теоретическое наваждение. Но нужна авторитетная помощь партии.

Вот в каком грандиозном масштабе встает задача технической подготовки и идейной спайки аппарата с.-х. кооперации. Нам благоприятствует и самое течение процесса коллективизации и классовый состав большинства кооперируемых. Остановка за работой.

Найдутся, вероятно, умники, которые скажут: что за шум об аппарате, когда еще не разрешены хозяйственные задачи кооперации, когда еще так слаба активность крестьянства.

Все это будет болтовня. Никакие задачи и не будут разрешены без аппарата. Здесь вполне уместно сравнение с партией, в которой мы сумели с достаточной исторической наглядностью проверить значение аппарата. Создание и укрепление кооперативных штабов, больших и маленьких, должно итти, не отставая ни на шаг, параллельно с основной хозяйственной работой кооперации.

Постановления XIII с'езда и последовавшие затем мобилизации на кооперативную работу свидетельствуют о том, что партия отдала себе отчет в значении кооперативного аппарата и, нам кажется, что одним из способов исполнения принятых решений должно явиться углубление имеющихся представлений.

Е. Полюдов.

Волостной бюджет и советское строительство в деревне.

XIII партийный с'езд указал на всю хозяйственно-политическую важность скорейшего проведения в жизнь волостного (районного) бюджета. Местами проделан еще только первый опыт этой работы. Между тем, жизнь не только оправдала, но и опередила уже закон о волостном бюджете 1923 года. Узкими оказались рамки этого закона и совсем недостаточным тощий перечень доходов и расходов, передаваемый в непосредственное распоряжение волисполкомов. Неясны еще фин.-хозяйственные взаимоотношения между уездом и волостью. А, между тем, в двери волостного бюджета стучится уже село—сам «мужик»...

В обоих случаях нужна более четкая разграничительная линия в рамках местного бюджета в целом. И этот вопрос, действительно, приобретает не только финансово-хозяйственное, но и важнейшее политическое значение. Правильным построением волостного бюджета мы сможем содействовать ослаблению «элементов разобщения между городом и деревней» и уже совсем не сможем без этого самого—на первый взгляд «не стоющего внимания»—волостного бюджета оздоровить политической обстановки в деревне и оживить деятельность низового советского аппарата.

Волостной бюджет на 1924/25 год составляет около 20% местного бюджета в целом по РСФСР и около 25% по УССР.

Тогда как в 1923/24 году по РСФСР он не достигал и 10%. Между тем, местный бюджет по СССР вырос за этот год почти на 40%, достигнув (с субвенционным фондом в 42 м. руб.) 870 милл. рублей, т.-е. удельный вес и об'ем волостного бюджета вырос до 170—175 м. рубл. Это дает около полугора, а где и двух рублей на душу сельского населения, вместо 45 коп. в 1923—24 г. (по РСФСР).

По всему местному бюджету средний расход на душу населения по РСФСР (без Москвы и Ленинграда) достигает почти 5 р. (4 рубл. 92 коп.). Между тем, если подразделить по местному бюджету расходы на город и село, то средний расход с 5 руб. повышается для города до 15 рублей на 1 городского жителя и падает почти до 3-х рублей на одного сельского жителя. Эти немногие цифры красноречиво говорят, насколько нам действительно еще предстоит по настоящему повернуться «лицом к деревне».

Мы не проводим таких же подсчетов по государственному бюджету, ибо они не вносят никаких колебаний в наши выводы.

15 рублей на городского жителя в среднем, конечно, совсем еще не роскошь, если принять во внимание, что на ленинградского жителя приходится 50, а на московского и 70 рублей.

Но 3 рубля на сельского жителя совсем уже никуда не годится, тем более, что из этих 3-х рублей сама-то волость распоряжается только одним рублем и тот на 85% тратится на зарплату. 80—85% всех средств по волбюджету затрачивается на содержание административного аппарата и только 10—15% идет на удовлетворение культурно-хозяйственных нужд и благоустройство села...

Невольно возникает вопрос о необходимости передвижки средств в сторону повышения уровня удовлетворения культурно-хозяйственных нужд деревни за счет города. И это сделать обязательно надо—передвинуть хотя бы еще один рубль в местном бюджете из города в деревню.

Мечтать пока о большем в этом случае не позволяет самая простая арифметика и слабая налоговая платежеспособность самого крестьянства.

Несмотря на оживившийся рост неналоговых доходов, удельный вес их все же еще не велик. Таким образом, в «передвижке средств» мы очень ограничены. И потому вопрос об удовлетворении нужд деревни надо, главным образом, решать в плоскости предоставления большей финансово-хозяйственной самостоятельности волости.

От методов централистического обслуживания всех нужд волости и села из отдаленного уездного и губернского центра надо перейти к приближению самого администрирования волостных расходов и доходов к самой волости, к волисполкому и сельсовету. Надо решительно перейти к оформлению волости, как финансово-хозяйственной единицы, к созданию материальной базы, опираясь на которую, волисполкомы и сельсоветы непосредственно смогут распоряжаться и строить волостное хозяйство.

За уездом (если он не отомрет в ближайшие 2—3 года) и губернией сохранится в этом отношении лишь регулирующее влияние, а не непосредственное управление волостью и селом.

Все неналоговые доходы местного значения на территории данной волости, местные налоги, отчисления и надбавки к государственным налогам должны быть непосредственно включены в доходную часть волостного бюджета.

В этом отношении постановление сессии ЦИК в Тифлисе о передаче 100 милл. руб., т.-е. 1/3 части сельхозналога на волостные нужды надо только приветствовать.

Остается по партийной и советской линии серьезно и решительно нажать на Губисполкомы и Уисполкомы, чтобы был проведен в жизнь закон о распределении государственных имуществ местного значения (земли, рыболовные угодия, мельницы, крупорушки, мелкие заводы и мастерские) между диференцированными единицами местного бюджета—губернией, городом, уездом и волостью.

Опыт уже доказал наиболее хозяйственную постановку эксплоатации этих имуществ волисполкомами, чем это удается уземотделам и другим уездным органам. Волисполкомы и многие уже сельсоветы смогут лучше извлечь и использовать немалое количество средств, утекающих по частно-капиталистическому руслу.

Только при таком условии мы сможем действительно заинтересовать низовой советский аппарат в этой работе, развязать его

инициативу и самодеятельность и чему-нибудь научить и воспитать на этой практической работе. Это освободит многие уездные и губернские организации от мелочной опеки, суеты и «приходской заскорузлости». И только тогда они смогут заняться действительной помощью и регулированием деятельности всего низового советского аппарата, который еще долго и долго будет нуждаться в этом.

Такая—не только «количественная», но и «качественная»,—если можно так выразиться—передвижка средств из губернского и уездного центра в волостной бюджет, построением и исполнением которого, под руководством губ. и уисполкомов, займутся сами волисполкомы и сельсоветы, будет способствовать действительному оживлению низового советского аппарата и советской общественности в деревне. Надо передать, в связи с укреплением доходной части, на волбюджет и расходы по содержанию тех школ, больниц и агрономических участков, которые обслуживают данную (одну) волость. Сюда же отнести и дорожное строительство местного значения, на которое у нас никогда не хватит средств, если мы не проведем натуральной дорожной повинности, с предоставлением отдельным крестьянам и обществам права замены таковой денежным обложением. Местный и государственный бюджет не смогут выделить требуемых сотен миллионов рублей на это дело. А исправление мостов и дорог приобретает уже в ряде районов не только экономическое, но и политическое значение. Выборочное анкетное обследование почти по 40 губерниям показывает, что наравне с другим «самообложением» дорожная повинность беспорядочно вводится почти везде.

Дополнительная передача всех этих расходов на волостной бюджет разгрузит, упростит и удешевит уездный и губернский аппарат. Интересы рабочих в губернских городах, конечно, не пострадают от этого, а некоторое снижение уровня расходов на уездные обывательские центры и «умаление» их значения не повредят ни рабочему классу, ни крестьянству.

Волисполкомы же и сельсоветы через волостной бюджет смогут, путем несомненно более экономного использования средств, чем это мы наблюдаем теперь, повысить уровень удовлетворения неотложных культурно-хозяйственных нужд деревни. Конечно, и в волостном бюджете нужно предусмотреть некоторый минимум финансово-хозяйственной самостоятельности отдельных сел и недопустимость возможного «пожирания» административным разбухшим аппаратом «укрупненной» волости. Таким образом, в области бюджетных финансово-хозяйственных прав, должны быть проведены более четкие разграничительные линии между волостью и уездом и волостью и селом.

За губернским и уездным бюджетом должно быть сохранено лишь регулирующее значение и непосредственное обслуживание мероприятий общегубернского и общеуездного значения.

Такая децентрализация управления волостью и селом не является ни в малейшей мере, «раздроблением власти», как это хотят представить некоторые товарищи. Такие же «соображения» мы слышали и при выделении местного бюджета из общегосударственного. Никакой тут аналогии с «земством» сколько-нибудь серьезно нельзя допустить, если не забывать, что «земский бюджет» по существу не был составной частью государственного довоенного бюджета, а у кормила государственной (царской) власти

и земской «власти» стояли различные боровшиеся между собой группировки, по своему претендовавшие на выражение «воли народа». Серьезнейшей и единственной гарантией против «раздробления» и подобных противопоставлений центральной и местной власти является то, «чтобы один и тот же класс имел политическую власть и в центре и на местах, чтобы там и здесь была вполне последовательно проведена совершенно одинаковая степень демократизма», писал тов. Ленин в своей полемике былых времен с «муниципалистами». «Все остальные гарантии» (против реставрации сверху) «сплошная глупость» (Ленин — «Агр. прогр.», гл. IV). В нашей обстановке, когда рабочий класс тем более имеет в своих руках все командные высоты, нам кажется столь же уместным обратить эти слова против тех, кто опасается той или иной «реставрации» снизу, со стороны «мужика», если последний приблизится к «непосредственному управлению государством» чрез волисполкомы и волбюджет. Местный бюджет в целом у нас является частью государственного бюджета, имущественные и бюджетные права местных исполкомов играют служебную—подчиненную роль. Вместо земских и городских «органов самоуправления» мы имеем, в лице исполкомов, местные органы центральной единой государственной власти рабочих и крестьян.

У нас, действительно, не может итти речь (как правильно сказал на осенней сессии 1923 г. т. Сокольников) о «раздроблении власти», а речь идет лишь о разделении «задач управления».

Такое разделение задач управления и есть не что иное, как оформление волости, как финансово-хозяйственной единицы. Это укрепит волостной центр, даст новое содержание работы низовому советскому аппарату и создаст реальный стимул к действительному вовлечению в работу ВИК'ов и сельсоветов миллионов крестьян и крестьянок.

Именно на этом участке работы мы сможем перейти к «превращению функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно» (Ленин—«Государство и революция», глава IV, стр. 74).

На вопросах строительства городского и волостного хозяйства и бюджета мы можем сделать в этом направлении чрезвычайно много. На это мы обращали слишком мало внимания до последних дней. Теперь к этому есть уже и финансово-хозяйственные предпосылки.

Нельзя эти вопросы предоставлять только кабинетному чиновническому решению. Массы рабочих и крестьян должны быть широко вовлечены в это дело.

Именно на этих участках финансово-хозяйственного фронта мы сможем осуществить один из заветов тов. Ленина: «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д.—все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. (курсив наш. *Е. П.*). Такова диалек-

тика живой истории». (Ленин—«Государство и революция», 74—75 стр.).

При всей нашей «нищете», мы чрезвычайно все же богаты возможностями выявления значительных средств даже в волостном хозяйстве.

Крестьянство, вовлеченное в эту работу, безусловно сосредоточит максимум средств волбюджета на школе, больнице и агрономическом участке. Это «подтолкнет экономику» деревни и улучшит общественный и культурный быт крестьянства.

Именно культурно-хозяйственные нужды мужика надо обеспечить волостным бюджетом. И ко всяким решительным партийным и законодательным директивам надо поставить на службу наиболее гибко-построенную субвенционную систему государственного финансирования (регулирования) важнейших отраслей местного и, в первую очередь, волостного хозяйства. Субвенционный фонд в 42 м. р. (в этом бюджетном году) пошел на 90% по линии зарплаты работников низового советского аппарата. В результате материальное обеспечение этих работников улучшилось в несколько раз, субвенция привлекла на эту же цель новые десятки миллионов рублей местных средств.

В дальнейшем надо перейти к субвенционированию школьного больничного, дорожного и агрономического строительства—в одних случаях по линии восстановления разрушенной сети этих учреждений и в других случаях по линии расширения этой сети, особенно в автономных областях и окраинах. Это можно и должно сделать без мелочной опеки и вмешательства в самодеятельность местных исполкомов. Но регулирующее влияние здесь должно быть сохранено за республиканскими и общесоюзным центрами. Такой централизм не только не вреден, но является неизбежным и полезным. Наше социалистическое государство рождается из капиталистического государства, а это последнее «централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреоборимых требований экономического развития». «Местное самоуправление» «не осуществимо без завоевания политической власти во всем государстве революционными классами»... «этими классами в России могут быть пролетарии и крестьянство» («Ленин—«Агр. прогр.», глава IV).

Только через «общегосударственное», централизованное движение можно бороться с «приходской заскорузлостью», говорит там же тов. Ленин.

Не с теми целями мы выдвигаем централизованное регулирование строительства местного хозяйства, как это делают некоторые товарищи, предлагающие сосредоточить весь субвенционный фонд на полной оплате жалованья, примерно, всех учителей, чтобы тем самым их подчинить влиянию центра, а не «мужика», который, «овладев» волостным бюджетом, заставит учителей преподавать «закон божий». Такие образцы «мудрости» и «методов», регулирования центральной власти царских времен для нас не нужны при наличии нашей партии, кующей «сознательность и организованность масс пролетариата и крестьянства», и при существовании «единой государственной власти» в центре и на местах—власти, которая держит в своих руках все командные высоты государственной экономики. Такая «субвенция» нам не нужна. Наш учитель, милиционер и т. д. именно должен непосредственно подчиняться даже «мужику», если он сидит в волисполкоме или сельсовете (а он должен сидеть там), т.-е. такая «субвенция», ни в какой мере не способствовала бы превращению должностных лиц в «слуг общества», она была бы направлена против тех «уроков борющегося пролетариата», которые сделал Энгельс, спустя 20 лет после Парижской Коммуны, что, приняв целиком и полностью, т. Ленин так блестяще комментировал в «Государстве и революции». Нет, субвенционная система менее всего должна преследовать цели такого «политического» влияния. Субвенция из центра должна оказать влияние на сосредоточение местных средств и сил на важнейших участках общественно-хозяйственного строительства волости и села. Эти цели имеют и большой политический вес во взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством. Построенный самими волисполкомами волостной бюджет, при участии широких кругов крестьянства и сельской интеллигенции, будет действительной гарантией к превращению волости в живой и самодеятельный центр. Децентрализация и разделение «задач управления», при сохранении регулирующего влияния центра, будет серьезным шагом к оживлению деятельности советов, вовлечению миллионов рабоче-крестьянских масс в «непосредственное управление государством». Только при такой системе мы сможем, «взяв поменьше, дать мужику побольше». Повысив, тем самым, культурный и общественный уровень крестьянства, мы направим растущую активность крестьянства в здоровое советское русло и скорее изживем наиболее заостренные «элементы разобщения между городом и деревней».

Только через такой волостной бюджет мы сможем дать крестьянству гуманный и чуткий к нуждам крестьянства низовой советский аппарат. На этом пути наибольшие возможности к оздоровлению политической обстановки в деревне.

Г. Войтинский.

Сун-Ят-Сен и освободительное движение в Китае.

Дать исчерпывающую оценку роли и значения недавно скончавшегося вождя Гоминдана, Сун-Ят-Сена, для рев. движения в Китае в небольшой журнальной статье совершенно не представляется возможным. Придется поэтому остановиться лишь на нескольких наиболее характерных моментах и фактах освободительного движения Китая и выявить в них значение Сун-Ят-Сена — его роль в борьбе китайского народа за свое раскрепощение от цепей империализма и милитаризма.

Собственно, тем, кем Сун-Ят-Сен стал для народных масс Китая и для трудящихся всего Востока, сделала его великая Октябрьская революция. Это не следует понимать, однако, так, что Сун-Ят-Сен немедленно после победы русского пролетариата и после создания советской власти стал сторонником классовой борьбы, сторонником такого революционного движения, которое опиралось бы на трудящиеся слои населения и исходило бы из интересов рабочих и крестьян в своем стремлении к национальной независимости и к демократизации государственного строя.

Старый революционер, начавший собирать силы для свержения монархии в Китае еще с 1895 года, Сун-Ят-Сен имел свое мировоззрение, свои взгляды и принципы, с которыми подходил к вопросу о том, каким образом провести в жизнь поставленную перед собой цель — каким образом освободить китайский народ от династии Маньчжу и от империалистов, начавших в 90-х гг. прошлого столетия наступление на Китай в северо-восточной части страны.

К моменту нашей Октябрьской революции Сун-Ят-Сен уже вел вооруженную борьбу с генералами северного Китая в продолжение почти 6-ти лет. Столько же лет существовала и его партия Гоминдан. Эту партию он образовал из революционных групп, ставивших себе до революции 1911 г. главной задачей подготовку восстаний, с целью свержения существовавшего в то время монархического правительства.

Характер этих групп целиком был перенесен и на вновь образованную народную партию, Гоминдан. Поэтому, деятельность этой партии выражалась, главным образом, в том, что, как глава ее, Сун-Ят-Сен, так и наиболее видные ее члены, горячие поклонники Сун-Ят-Сена, строили беспрестанные комбинации, блоки, союзы из стратегических соображений с военными группами, возглавляемыми генералами, не желавшими подчиняться власти северного правительства, опиравшегося тогда на военную партию генерала реставратора Юань-Ши-Кая.

Сун-Ят-Сен и Гоминдан не стремились в то время сделать свою партию действительно народной, отвечающей ее названию. В том, что Сун-Ят-Сен страстно хотел принести освобождение народным массам уже тогда, в этом нет сомненья, но он верил, что может это сделать без участия самого народа; что народ еще недостаточно зрел для того, чтобы непосредственно принимать участие в своем раскрепощении. Сун-Ят-Сен и его последователи считали, что их исторической миссией является борьба с китайскими милитаристами и иностранным империализмом и что, победив эти враждебные Китаю силы, Гоминдан вернет народу принадлежащую ему по праву врожденности свободу и независимость.

Революция 1911 года, повидимому, не внесла более или менее значительных изменений ни в философию, ни во взгляды на способы борьбы Сун-Ят-Сена и его партии.

Таково было положение Гоминдана и в то время, когда совершилась Октябрьская революция 1917 года. Не может быть сомненья в том, что Сун-Ят-Сен с самого же начала был настроен дружественно к нашей революции; не может быть также сомненья в том, что он чувствовал ее значение как силы, направленной против империализма и потому союзной революционному движению в Китае. Однако, вряд ли и Сун-Ят-Сен и его партия Гоминдан понимали тогда основной характер нашей революции и ее движущую и организующую силу—РКП; вряд ли они понимали то огромное значение беспримерной в истории революционных движений агитации в массах и вовлечения их в борьбу путем понятных и близких им лозунгов, какую развила РКП.

Сун-Ят-Сен, в первые годы нашей революции, так сказать, присматривался к нам дружественными глазами, желая нашей победы, но отнюдь не будучи в ней уверен.

Да это и было понятно. Та часть СССР, которой мы граничим с Китаем, была дольше всего под штыком вооруженной интервенции империалистов. Русский Дальний Восток с 1918 г. был фактически захвачен союзной интервенцией из японцев, американцев, англичан, совместно с остатками белогвардейщины. И лишь осенью 1921 года с Д. Востока окончательно убрались японские империалисты, остававшиеся позже всех на нашей территории. Разумеется, что длительная интервенция на русской территории оставляла глубокое впечатление на Сун-Ят-Сена и на Гоминдан.

Однако, Сун-Ят-Сен искал с нами связи еще в 1920 году. Его внимание, главным образом, привлекало тогда не столько внутреннее положение Советской России, сколько то, каким образом мы все же на западе и на юге могли отбиться от нападений многочисленных врагов. В то время Сун-Ят-Сен искал связи с Советской Россией не с целью борьбы против империалистов в Китае, а с целью облегчения ему борьбы против северных милитаристов. Сун-Ят-Сен тогда еще не представлял себе всего огромного значения Новой России, в первую очередь, как союзника Китая именно в борьбе против мирового империализма, закабаляющего колонии. Сун-Ят-Сен полагал тогда, что он может получить помощь не только от нас, но и от демократической Америки, считая, что последняя способна относиться дружественно к Китаю.

Вообще надо сказать, что в тот период Сун-Ят-Сен придавал куда большее значение возможностям использовать противоречия между империалистами в самом Китае, нежели поднятию народных масс Китая против империалистов, не понимая, повидимому, что само использование противоречий между империалистами возможно лишь при наличии революционной партии, опирающейся на народные массы.

Я отнюдь не желаю здесь умалить хотя бы в малейшей степени ни значения партии Гоминдан, ни тем более значения Сун-Ят-Сена, как вождя народных масс Китая. Но именно для того, чтобы нашим читателям было понятно то огромное значение, какое играет в жизни Китая в настоящее время Гоминдан, чтобы понять, какой сдвиг в сторону интересов народных масс Китая в последние годы сделал Сун-Ят-Сен, дав содержание и боевое направление партии Гоминдан, необходимо указать на то, какова эта партия была раньше и какой она стала теперь.

Без понимания того, чем была партия Гоминдан до ее реорганизации, т.-е. фактически до конца 1923 года, не будут также понятны причины, кроющиеся в социальных перегруппировках в стране и ведущие в настоящее время к отколу от Гоминдана социально-враждебных трудовому населению Китая элементов.

Чтобы покончить с общей беглой характеристикой Гоминдана до реорганизации, следует указать еще, пожалуй, на два факта. Весной 1919 года, когда в связи с Версальской конференцией не оправдались надежды китайской интеллигенции, городской мелкой буржуазии и вообще народных масс, вспыхнуло движение бойкота против Японии во всем Китае. Гоминдан в этом движении не принимал участия. Народная партия не считала важным развернуть анти-японское движение в анти-империалистическое движение вообще. Сочувствуя бойкотистскому движению, очень энергично проводимому преимущественно студенчеством, Сун-Ят-Сен, однако, не выступил с разоблачениями как Версальской конференции, так и империалистов. Это отнюдь не делалось потому, что Сун-Ят-Сен и его партия были на стороне «версальцев». Сун и его последователи не придавали тогда достаточного значения широкой политической агитации и не понимали, что этим путем они могут расширить базу своей партии.

Точно так же в 1920 году, во время анти-христианского движения в Китае, направленного главным образом против английского и американского правительств, Гоминдан не принимал в этом движении участия и не пытался его развить в движение анти-империалистическое.

Я полагаю, что этих двух фактов достаточно, чтобы понять характер Гоминдана еще в 1920 году.

Но уже весной 1922 года, во время первой большой забастовки рабочих в Китае, в Гонконге, правительство Сун-Ят-Сена поддерживает рабочих и тем самым фактически выступает против британских империалистов в Китае. С этого времени отношение империалистов к Сун-Ят-Сену и к Гоминдану начинает принимать все более и более враждебный характер.

Поддерживая морально и материально забастовщиков, Сун-Ят-Сен в то время не ставил себе, однако, еще задачи воспользоваться под'емом в рабочем движении для закрепления партии Гоминдан, для приближения ее к трудящимся массам вообще. С крестьянством партия Гоминдан в то время не имела связи, не имела аграрной программы, несмотря на то, что база Гоминдана, Квантунгская провинция, далеко не является одной из промышленных провинций вообще аграрного Китая.

Гоминдан помимо всего этого в то время была еще партией локальной, охватывающей своей деятельностью собственно лишь одну провинцию и имеющей приверженцев в некоторых местах центрального и северного Китая, но лишь приверженцев, а не членов партии, составляющих организации, имеющих комитет и т. д.

В политической жизни страны вообще партия принимала участие, поскольку она пыталась устанавливать связи с борющимися военными группами, стремясь подчинить своему влиянию того или другого генерала и использовать противоречие между милитаристическими кликами.

Разумеется, что эта деятельность Гоминдана вытекала из всей социально-политической обстановки Китая, продолжавшего переживать период децентрализации, как результат свержения династии Маньчжу и не завершенной буржуазной революции 1911 года. Но ограничиваться лишь этой деятельностью, особенно после мировой войны, когда Китай действительно стал на путь капиталистического развития, когда рабочее движение вполне приняло характер классово-экономической борьбы и когда интеллигенция и мелкая буржуазия организовывались в анти-империалистическое движение, конечно, было анахронизмом со стороны Гоминдана.

Недостаточное участие Гоминдана в политической жизни всей страны и, в частности, недостаточная поддержка Гоминданом рабочего движения в северной и центральной части Китая, как например, известной Пекин-Ханькоуской забастовки в 1923 г., не вытекали из того, что Гоминдан, как партия, была враждебна рабочему классу, что некоторые социальные элементы в Гоминдане, принадлежавшие буржуазии, настолько осознали свои классовые интересы, что тянули партию от рабочего движения; нет, причина заключалась в том, что Сун-Ят-Сен и Гоминдан недостаточно придавали значения массовым движениям, направленным против империалистов. Здесь не было предательства со стороны Гоминдана по отношению к народным массам, как это делали и делают реформистские партии на западе, а лишь недостаточная вера в массы, недостаточная оценка огромных возможностей для Гоминдана и для революционного движения в стране при приближении Гоминдана к народным массам.

* * *

Шаг за шагом, под влиянием молодой коммунистической партии Китая, откликавшейся на все более или менее важные события политической жизни страны, постоянно поддерживавшей как рабочее движение, так и все формы анти-империалистического движения, благодаря все большему сближению Советской России с Китаем и все большему проникновению в Китай нашей информации, Гоминдан, под непосредственным руководством Сун-Ят-Сена, начинает эволюционировать в сторону преобразования в настоящую народную массовую партию.

Уже с половины 1923 года Сун-Ят-Сен использовывает конфликт между гоминдановским правительством в Кантоне и британским колонизаторским аппаратом в Гонконге, по вопросу о таможенных сверх-доходах, чтобы обратиться к народным массам южного Китая. По вопросу о Линчженском инциденте[1]) Сун-Ят-Сен выпускает обращение к империалистам, предупреждая о том, что китайский народ не будет платить налагаемых ими штрафов за случившееся. Осенью 1923 г. Сун-Ят-Сен решает впервые созвать с'езд гоминдановцев, как находившихся на территории Китая, так и зарубежных, проживающих на Малайском Архипелаге, в Сингапуре, в Америке, на Гавайских островах. С'езд был созван в январе 1924 года.

Это, без сомнения, было крупнейшим событием в истории революционного движения в Китае. Впервые с'ехались несколько сот делегатов гоминдановцев, чтобы принять программную платформу и тактику для осуществления задачи раскрепощения китайского народа. Душой и направляющим центром с'езда был старый испытанный революционер Сун-Ят-Сен. Можно уверенно сказать, что с'езд был не только поворотным пунктом в истории Гоминдана, но и поворотным пунктом в политической биографии Сун-Ят-Сена. На с'езде основные принципы Сун-Ят-Сена— национализм, демократизм, социализм, лежавшие в основе всей деятельности Гоминдана, но имевшие до этого времени абстрактный характер, лишь отражавшие идеализм самого Сун-Ят-Сена и чаяния широких масс к освобождению, получили конкретное содержание.

Впервые, с помощью китайских коммунистов, эти принципы были интерпретированы в интересах трудовых масс Китая, в интересах тех элементов, которые составляют социальную базу анти-империалистического движения в Китае. И первым из всех гоминдановцев, кто, несмотря на долгую традицию старого Гоминдана орудовать этими принципами абстрактно, идеалистически, решился стать на конкретную почву интересов определенных слоев китайского народа, был вождь старого Гоминдана, Сун-Ят-Сен. Национализм, как принцип реорганизованного Гоминдана, был изложен в смысле не только стремления к национальной независимости Китая, но и как право на самоопределение угнетенных народностей, населяющих Китай и угнетенных существующим на севере центральным правительством. Добиться такого толкования принципа национализма в Гоминдане, партии, в которой имеется не малое представительство от молодой буржуазии, партии в стране исторически находящейся на перевале от феодализма к капитализму, разумеется, было делом нелегким. Тем более выявляется в данном случае во всю свою величину личность Сун-Ят-Сена, страстного борца за освобождение своего народа, ненавидящего все формы угнетения.

Принцип демократизма в программе Гоминдана был истолкован на с'езде, как право на все свободы и на гражданство для всех тех, кто идет вместе с народом против империалистов и милитаристов. Этими правами не могут пользоваться, согласно нового толкования демократизма, элементы, идущие против народа, связывающие свои интересы с интересами империалистов. Демократизм в смысле врожденного права человека, был изобличен как мешающий в настоящее время освободительному движению лозунг.

[1]) Летом 1923 г. китайские партизаны остановили поезд в Линчжане, идущий с севера в центральный Китай (Пекин—Нанкин), и захватили в плен пару десятков иностранцев, которых впоследствии выпустили за выкуп.

В принцип «социализм» было вложено конкретное содержание, заключающееся в конфискации в пользу китайского народа иностранного, в Китае, капитала и крупного китайского капитала, а также проведение коренной аграрной реформы, уничтожающей систему посредников и снимающей с крестьянства все непосильные налоги.

Уже на самом с'езде стало ясно, что многие делегаты Гоминдана подчинялись большинству, не откололись немедленно от партии только благодаря непоколебимому авторитету Сун-Ят-Сена. Однако, Сун-Ят-Сену пришлось выдержать немалый отпор со стороны некоторых старых его соратников.

Устав и конституция партии закрепляли организационно содержание программы и закладывали основы партийного аппарата, через который Гоминдан мог бы становиться массовой политической партией. Тут ломались традиции старого Гоминдана работать без организации. Впервые выбирался, а не назначался Сун-Ят-Сеном Исполнительный Комитет. Впервые начали организовываться местные комитеты в губерниях и областные бюро для нескольких губерний. Впервые, словом, Гоминдан перестает быть группой или группами последователей Сун-Ят-Сена, а становится организацией, как таковой.

Разумеется, что этот переход не делался в продолжение месяца и не происходил гладко, без трений и даже кризисов в Гоминдане. И в данном вопросе, как и в вопросе о программе, Сун-Ят-Сен шел впереди, ломал старое и закладывал основы для нового. Вокруг Сун-Ят-Сена сплотились лучшие элементы Гоминдана. Их, разумеется, поддерживали коммунисты и Гоминдан постепенно, шаг за шагом, стал выходить на дорогу анти-империалистического движения, на дорогу завершения революции 1911 года.

* * *

Особенно велика становится роль Сун-Ят-Сена в освободительном движении Китая за последние 6—7 месяцев его жизни. Этот коротенький период конца жизни Суна как бы подводит итоги всему пройденному пути борьбы за освобождение народных масс, определяет и дает наглядное представление о путях и способах дальнейшей борьбы с империализмом.

В конце лета и в начале осени прошлого года Сун-Ят-Сен, стоявший во главе юного правительства в Кантоне, выступает против британских империалистов и против организуемого ими контр-революционного купечества. Впервые в истории освободительного движения в Китае (за исключением прямых восстаний) открыто и подготовленно, в смысле вовлечения и поддержки широких народных масс, была поведена борьба против колонизаторов империалистов и против внутренней контр-революции.

Нашему читателю памятны недели в сентябре прошлого года, когда по всему СССР были организованы комитеты общества «Руки прочь от Китая». В это время Кантону действительно угрожала смертельная опасность. Английские и американские крейсера стояли в водах Кантона, в то время, как внутри этого

города готовилось вооруженное выступление отрядов купеческой милиции «тигров».

Тогдашние события на юге Китая давали яркую картину того, как глубоко связаны силы внутренней контр-революции в Китае с иностранным империализмом.

И поэтому столь огромное, поистине спасающее революционное движение в стране, значение имели проявленное Сун-Ят-Сеном мужество, решительность и уменье быстро повернуть политику правительства в сторону интересов городских трудовых слоев и крестьянства.

Ничего этого, разумеется, не удалось бы достигнуть Гоминдану, если бы не была реорганизована партия, если бы внутри этой партии не было коммунистов. В эти недели Сун-Ят-Сен и ближайшие соратники левого крыла партии сами впервые глубоко ощутили значение масс и значение массовой агитации. Эти несколько недель покончили со множеством предрассудков и традиций Гоминдана, накопившихся впродолжение многих лет и не дававших ему стать массовой народной партией.

Роль Сун-Ят-Сена, в эти критические дни, для Гоминдана и для революционного движения во всем Китае (поражение на юге означало бы, без сомнения, наступление реакции во всей стране) была решающей.

Сун понял, что дело освобождения страны от империализма и внутренних реакционных сил невозможно достигнуть без участия самих масс и что вовлечь массы в борьбу можно только в том случае, если массы видят, что защищаются их интересы. Сун-Ят-Сен осенью прошлого года решил принять бой с неравным врагом, зная, что нет иного выхода, если желать оставаться верным революционному движению в стране, если быть на стороне огромного большинства трудящихся слоев китайского народа. В этом решении Суна сыграла, без сомнения, большую роль волна сочувствия южному правительству в его борьбе с империализмом, шедшая со стороны народов СССР, через общество «Руки прочь от Китая» и со стороны пролетариата Запада.

Победа Гоминдана над контр-революционным купечеством и отпор английским империалистам в октябре прошлого года являются исходным пунктом для дальнейшего развития освободительного движения в Китае в небывалых до этого времени размерах.

Почти одновременный разгром самой сильной милитаристической клики во главе с генералом У-Пей-фу, вызвал под'ем в революционном движении и на севере. Это создало обстановку, которая не только сделала возможным для Сун-Ят-Сена впервые за 13 лет (со времени революции 1911 года) прибыть в Пекин, но вновь сделала его центральной фигурой всего Китая, олицетворением борьбы Китая с мировым империализмом и отечественными милитаристами.

Этот период деятельности Сун-Ят-Сена самый богатый в его жизни и самый значительный для китайского народа.

Сун-Ят-Сен становится, в истинном смысле слова, народным трибуном 400 миллионного Китая. Он выпускает манифест к народу, разоблачая империалистов с убедительностью, способной поднять массы и вызвать смертельную ненависть к нему со стороны всего империалистического мира.

Его путешествие с юга на север превратилось в грандиозную демонстрацию китайского народа против иностранных угнетателей. Наглое выступление против Суна английской прессы в Шанхае, требовавшей, чтобы ему не дали высадиться в этом городе, вызвала ответ Суна, имевший огромное политическое значение, разоблачивший смысл экстерриториальности в Китае.

Прибытие Сун-Ят-Сена в Тяньцзин, а затем в Пекин, становится огромным политическим событием, все больше и больше разворачивающимся в прямой вызов империализму и клике милитаристов во главе с Чжан-Цзо-лином.

Роковая болезнь сваливает Суна, он не может непосредственно выступать перед массами, но через ЦК Гоминдана он направляет всю анти-империалистическую кампанию и борьбу за установление народной власти. В ответ на все старания китайских милитаристов и теперешнего временного президента Китая Дуань-Ци-Чжуя привлечь Суна на свою сторону, умерить его «беспокойную» деятельность, окружить его с этой целью всеми видами почестей, вплоть до инспирирования прессы о ближайшей возможности выбора Суна в президенты Китая,—Сун-Ят-Сен выставляет требование о созыве Всекитайского Народного Собрания, призывает к бойкоту «потешной» конференции из назначенцев и генералов, созванной Дуань-Ци-Чфуем. Сун требует, помимо того, уничтожения неравных договоров, навязанных Китаю империалистами вооруженной силой при преступном содействии китайских милитаристов.

Вокруг этих лозунгов Сун-Ят-Сена, до последних дней его жизни, собираются все большие и большие массы китайского народа. И хотя эти же требования выставляла компартия Китая три года тому назад, но в то время они не получили такого резонанса в стране—тогда характер и деятельность Гоминдана не были такими, как теперь.

Как видно по последним телеграммам из Пекина, похороны Сун-Ят-Сена превратились в грандиозную революционную демонстрацию китайских масс против империалистов. Эта демонстрация является лучшим венком китайского народа на свежей могиле борца за независимость страны, лучшей памятью о заветах народного вождя.

Роль и значение Сун-Ят-Сена в освободительном движении Китая и Востока не были бы здесь даны даже и в той неполной форме, о которой я говорил вначале, если не сказать о влиянии Сун-Ят-Сена в колониях Америки, Голландии, Японии и Англии на Тихом Океане.

События в Кантоне за последнее полугодие получили несомненно широкий отклик на Филиппинах, в Голландской и Британской Индии, в Сингапуре и в Корее. Конференция представителей транспортников Т. Океана в Кантоне летом прошлого года, посещение делегациями Сун-Ят-Сена, доклад представителя ЦК Гоминдана и китайской компартии, участие на с'езде представителя Профинтерна—все это оставило глубокое впечатление на делегатов конференции и было разнесено по соответствующим островам и странам южной части Тихого Океана. Ибо впервые летом прошлого года на территории Сун-Ят-Сеновского правительства рабочие колонии получили возможность собраться легально на с'езд и создать ядро будущего об'единения Тихоокеанских транспортников. Политический смысл этого начинания дей-

ствительно велик. Сун-Ят-Сен это понимал, он знал, что конференция рабочих угнетенных стран дает зарождение новой силе против империализма, и он с радостью предоставил возможность для ее созыва.

Сун-Ят-Сен умер. Что будет с Гоминданом, что будет с революционным движением в Китае?

Этот вопрос с тревогой задают друзья китайского народа. Этот вопрос злорадно обсуждают его враги.

Не успел Сун-Ят-Сен умереть, как правые элементы Гоминдана образовали под названием «Клуб - Гоминдан» анти-гоминдановскую организацию. В эту организацию входят, вокруг нее собираются элементы, которые скорее способны итти на компромисс с мировым империализмом, составить союз с китайскими милитаристами, нежели дать возможность дальше развиваться освободительному движению в стране на основе последних манифестов и обращений Сун-Ят-Сена. Это элементы китайской буржуазии, уже осознавшие свои классовые интересы.

Образование буржуазной партии в Китае в настоящее время неизбежно. Но правым элементам Гоминдана не удастся эту партию организовать под знаменем Гоминдана. Им не удастся расколоть реорганизованный Гоминдан путем запугивания массы мелкой буржуазии и городской бедноты большевистской опасностью. Им никогда не удастся сделать мертвого Сун-Ят-Сена своим и его именем организовать партию, которой историей суждено итти на компромиссы с теми, против кого вел борьбу всю свою жизнь Сун-Ят-Сен.

23 марта 1925 г.

С. Тимов.

Противоречия империализма и национальный вопрос на Балканах.

Балканский полуостров населяют: албанцы, болгары, греки, македонцы, румыны, сербы, хорваты, турки, черногорцы и многие другие, но над всеми этими народностями господствуют четыре националистических клики: болгарской, греческой, сербской и румынской буржуазии. Так как балканские страны—земледельческие, экономически отсталые, то их буржуазия, не располагающая средствами усовершенствованной эксплоатации и экономического подчинения, какими располагает буржуазия передовых стран, видит залог своего благополучия в непосредственном владении бо́льшей территорией и бо́льшим количеством душ-подданных, которые служили бы ей об'ектом непосредственной и грубой экономической и внеэкономической эксплоатации. Поэтому каждая из господствующих буржуазных клик имеет свой национальный идеал: «Великой Сербии», «Великой Румынии» и т. д., который и старается осуществить, а по осуществлении—вновь территориально расширить.

Географически Балканы служат ключом к Малой Азии, сухопутным звеном между Западом и Востоком. В системе мирового хозяйства они являются поставщиком сырья и рынком сбыта для западно-европейской промышленности. Царская Россия, стремившаяся к захвату Константинополя и проливов, видела в политической гегемонии над балканскими странами одно из средств для достижения своих целей. Для австро-венгерского империализма Балканы также не были лишены значения. Предполагавшийся в свое время путь Берлин-Багдад должен был пересечь Балканы, следовательно, и германский империализм был в них кровно заинтересован. Послевоенный революционный шквал смел все эти империалистические колоссы, но от этого полуостров не потерял, конечно, своего значения и он стал, главным образом, об'ектом притяжения для французского, английского, итальянского и американского капиталов. Они заинтересованы в балканских странах не только как в рынке для своей промышленности. Эти страны обладают неизмеримо большими подземными и надземными богатствами, разработка которых не под силу одной туземной буржуазии и поэтому могут служить и **рынком для размещения капиталов. Экономически завладеть и политически себе подчинить**—вот цель, которую стремится осуществить каждая из конкурирующих на Балканах великих держав. Поэтому интересы великих держав на Балканах не тождественны, а интересы туземной и иностранной буржуазии

также, в конечном счете, не совпадают. Все эти факторы и определяют поэтому три ряда противоречий империализма на Балканах: 1) между господствующими националистическими кликами балканской буржуазии; 2) между великими империалистическими державами, заинтересованными на Балканах и 3) между буржуазией балканских стран и западно-европейским империализмом.

1. Противоречия между националистическими кликами балканской буржуазии.

В настоящее время состояние противоречий между балканскими странами рисуется в следующем виде. Из всех балканских стран *Болгария*, как государство побежденное в последней войне, находится в самом плачевном состоянии. Нейский мирный договор возложил на нее столько обязательств, что сколько бы болгарская буржуазия не выжимала пота из рабоче-крестьянских масс этой страны, ей не справиться со своими обязательствами перед победителями. По данным болгарской статистики, Болгария выплатила межсоюзной комиссии под видом репараций, реституций и пр. только по 1922 год 110 милл. золотых франков и передала той же комиссии государственного имущества на сумму 175 милл. зол. фр. Размеры болгарской армии строго ограничены, но Болгария имеет такого сильного внутреннего врага, как коммунистическая партия, поэтому она и добивается усиления своих вооруженных сил для того, чтобы быть в силах справиться с рабочим движением. Она для этой цели спекулирует на «большевистской опасности» в Болгарии и пугает буржуазное общественное мнение Западной Европы всякими измышлениями о «кознях» советов на Балканах и пр. Домогательства Болгарии в этом направлении вызывают опасения политики реванша со стороны болгарской буржуазии. Эти опасения тем более не лишены основания, что жизненные интересы Болгарии толкают ее на нарушение положения вещей, созданного мирными договорами. Она прежде всего настаивает на уменьшении размеров репараций, а также не оставила мечты о выходе через Эгейское море и поныне направляет свои взоры на Кавалду и Салоники. Болгарский министр иностранных дел Калфов в свое время об'езжал европейские столицы, где каялся и выпрашивал снисходительного обращения к своей родине. Подобные поползновения встречают, однако, отрицательное отношение со стороны Греции и Юго-Славии, для которых усиление Болгарии представляет определенную опасность. Юго-Славия и Греция владеют частями Македонии, на которую претендует Болгария и всякое послабление этой последней означало бы увеличение угрозы их собственному господству.

Только одна *Румыния* не слишком враждебно встречает домогательства Болгарии. Это обязано тому обстоятельству, что между Румынией и Юго-Славией существует резкий антагонизм, почему она и склонна ориентироваться на любое государство, которое бы ее поддержало. После войны оба эти государства значительно увеличились и заняли господствующее положение на Балканах. Это их, однако, не удовлетворяет и каждое из этих двух государств стремится к *монопольному* господству на полуострове, стараясь с этой целью друг друга ослабить. Этот антагонизм увеличился еще благодаря разграничению Баната, венгерской промышленной провинции, между Юго-Славией и Румынией, которым обе стороны остались недовольными. Несмотря на то, что оба государства состоят в договорных отношениях в Малой Антанте, Юго-Славия совершенно не скрывает своего враждебного отношения к своей союзнице. И когда происходила венская конференция между СССР и Румынией, то юго-славская печать не поддержала румынской точки зрения на бессарабский вопрос. Враждебно настроены к Румынии не только официальные правительственные круги, но и политические партии страны. Например, Радич, вождь Хорватской крестьянской партии, заявил в свое время, когда шла речь о его вступлении в состав правительства, одной пражской газете: «Румыния не зиждется на национальном принципе, и я не допущу, чтобы юго-славский народ расплачивался кровью за экспансивный аппетит Румынии. *Юго-Славия не должна бороться за Бессарабию на стороне Румынии*. В правительстве я создам фронт против Румынии. Малая Антанта, если она станет на точку зрения Румынии, не найдет во мне поддержки».

Сложная сеть противоречий не исчерпывается приведенными нами фактами. Для полноты картины мы должны здесь коснуться *национального вопроса* на Балканах, используемого националистскими кликами буржуазии в качестве орудия своего империализма и значительно усложняющий положение вещей в этом заколдованном кругу.

2. Национальный вопрос и национально-освободительное движение.

Источниками национально-освободительного движения и национальных антагонизмов служат в настоящее время: Македония, расщепленная между Болгарией, Юго-Славией и Грецией; Фракия, разделенная между Турцией, Болгарией и Грецией; Хорватия, Словения и Черногория, поглощенные бывшей Сербией, с которой образовали нынешнюю Юго-Славию, и, наконец, Бессарабия, Буковина, Добруджа и Трансильвания, захваченные Румынией. Над всеми этими провинциями господствует какая-нибудь великодержавная буржуазия, не признающая никаких прав за национальными меньшинствами и ведущая, по отношению к ним, беспощадную *политику денационализации*. Правда, иногда мы видим обратное явление, когда на правах взаимности устанавливается «защита» национальных меньшинств. Так, был заключен договор (правда, потом не ратифицированный греческим парламентом) между Болгарией и Лигой Наций, с одной стороны, и Лигой Наций и Грецией, с другой, о покровительстве над болгарским и греческим меньшинствами в этих двух странах. Чем об'ясняется подобная политика? Да тем, что каждая буржуазия старается оторвать от другой какой-нибудь лакомый кусок и для этой цели стремится избавить «свое» национальное меньшинство от денационализации чужой буржуазии. Каждая провинция, населенная чужой национальностью, сохраняющей свой язык и культуру, дает повод претендовать на нее соседней господствующей буржуазии данной национальности. Балканская буржуазия думает друг друга перехитрить, надеясь на свою силу и слабость противника. *Национальный вопрос на Балканах каждая буржузия старается превратить в*

орудие своего империализма, захватнической политики.

Поэтому наши компартии на Балканах и ставят своей целью извлечение национально-освободительного движения угнетенных масс из-под влияния своей буржуазии. Шовинистическим лозунгам «Великая Сербия», «Великая Румыния» и лицемерному требованию буржуазии о покровительстве нацменьшинств они противопоставляют лозунги: «Единая Македония», «Единая Фракия» и «Балканская Коммунистическая Федерация».

Последняя империалистическая война, ведшаяся каждой буржуазией под лозунгом национального об'единения, ни в какой степени не разрешила национального вопроса на Балканах. Мало того, она только расширила количество источников национальных антагонизмов и увеличила угнетение нацменьшинств. Новый раздел Фракии и Македонии, которым не осталось довольной ни одна страна, служит источником конфликтов между Грецией, Болгарией, Турцией и Юго-Славией. Бывшую «самостоятельную» Черногорию просто на-просто преподнесли в удовлетворение великодержавных аппетитов сербской буржуазии. У Венгрии отняли промышленные провинции Трансильванию и Банат и наделили ими Юго-Славию и Румынию. Бессарабия и Буковина также оказались в пределах «Великой Румынии» и все это во имя и под предлогом «самоопределения народов». Ясно, таким образом, что любой клочок земли на Балканах должен, рано или поздно, явиться источником войны и вооруженных конфликтов.

Национальный вопрос на Балканах приобретает для нас, коммунистов, тем большее значение, что этот вопрос является одновременно и крестьянским вопросом. Подавляющее большинство населения полуострова—крестьянское и большинство нацменьшинств, поэтому, также приходится на крестьянство. А оно испытывает не только тяжести национального, но и социального угнетения. Следовательно, Балканы могут явиться,—и явятся,—не только источником войн на почве национальных антагонизмов, но и революционных потрясений, в которых крестьянству будет принадлежать не последняя роль. Вот почему в резолюциях последней конференции Балканской Коммунистической Федерации и обращается внимание наших компартий на необходимость расширения и укрепления нашего влияния на крестьянские массы. Наше сближение с крестьянскими массами тем более возможно, что в крестьянских партиях балканских стран сейчас намечается определенный процесс дифференциации, выражающийся в образовании левых крыльев в этих партиях. Крестьянских масс не удовлетворяет политика официальных вождей. Известна политика Стамбулийского, диктовавшего, в конечном счете, волю сельского кулачества и городской мелкой буржуазии. Вожди Хорватской крестьянской партии также «революционны» на словах и консервативны на деле. Партия эта называется республиканской, но когда к власти в Юго-Славии пришло «пацифистское» правительство Давидовича, которое Радич поддерживал, то он, в беседе с корреспондентом газеты чешских националистов «Рьен», в конце сентября заявил следующее: «Республиканской идеей я только оперировал, чтобы, таким образом, парализовать габсбургскую идею, которая глубоко укоренилась в хорватском народе. Я—не республиканец и никогда им не был. Необходимо теперь примирить хорватский народ с его национальной династией. Монархия является символом нашего национального существа...» и т. д. Но монархия, ведь, является воплощением господства великодержавной крупной сербской буржуазии над остальными народами. Следовательно Радич призывал хорватское крестьянство не более и не менее, как примириться со своим классовым врагом и со своим положением угнетенной нации. В другой беседе (через несколько дней позже) с сотрудником сербской газеты «Словенски Денник», тот же Радич заявил дословно: «В вопросе о форме государственного правления, хотя я являюсь убежденным республиканцем (?!), я стою за монархию, считая ее для нас самой лучшей формой государственного правления. Король не должен допускать вмешательства камарильи в решение политических вопросов, он должен управлять вместе с народом и парламентом. И я не поколеблюсь создать компромисс между республиканизмом и монархизмом». Македонский вопрос является, по мнению Радича, чисто внутренним сербским вопросом, который сами сербы должны разрешить. Так Радич, поддавшись, благодаря тактическому приему сербской буржуазии, допустившей на очень короткий срок к власти либеральные элементы страны, пацифистским иллюзиям, сдал все свои идейные позиции.

Если мы обратимся к Румынии, то мы увидим то же. Там существует царанистская партия (крестьянская), признающая классовую борьбу и... монархический образ правления. В национальном вопросе она хотя и за мягкое отношение к нацменьшинствам, но стоит за сохранение «Великой Румынии» в нынешних пределах и против отделения Бессарабии и др. провинций. Недавно верхушки этой партии сделали попытку соединиться с Национальной партией, представляющей самую реакционную партию в Румынии и имеющую в своих рядах остатки бывшей помещицьей партии Таке-Ионеску. Слияние состоялось, но потом под давлением масс было уничтожено.

Вожди крестьянского движения на Балканах являются далеко нередко не только выходцами из чужих классов, но и перебежчиками из враждебных пролетариату и крестьянству политических партий. Они прибегают к радикальной фразеологии, как к средству запугивания господствующего класса, у которого пытаются вынудить частичные уступки в целях спасения от крушения капиталистической системы в целом. Этой же радикальной фразеологией они берут на буксир крестьянские массы для того, чтобы совлечь их с пути открытой национально революционной и классовой борьбы и направить крестьянское движение в русло буржуазной легальности. Такова об'ективная роль лидеров национально-освободительного и крестьянского движения на Балканах, которые об'ективно же являются не чем иным, как агентами националистической буржуазии в ее враждебном лагере.

Но это, конечно, ни в какой степени не означает, что приведенные в движение крестьянские массы не выйдут за пределы поставленных им целей. Наоборот, крестьянские восстания в Румынии и раскол македонского движения на две части, одна из которых ориентируется не на буржуазию, а на пролетариат, сви-

детельствует о том, что национально-освободительное крестьянское движение перерастает за свои ограниченные рамки, поставленные его официальными руководителями. Также не умаляются и социальный состав и массовый характер этих самых партий. Именно это обстоятельство и служит причиной того, что наши партии на Балканах стремятся—и далеко не неудачно—создать единый фронт с крестьянскими организациями для борьбы за рабоче-крестьянское правительство. Разрешение национального вопроса наши компартии связывают с разрешением аграрной проблемы, и наш контакт с крестьянскими организациями, при полном сохранении нашей идеологической и организационной независимости, не может не привести к еще большему полевению крестьянских масс, означающему постепенное высвобождение их из-под влияния буржуазии.

В заключение нельзя не упомянуть о том, что национальная политика СССР, как и позиция в данном вопросе Коминтерна в целом, является одним из самых могущественных факторов в деле расширения, углубления и обострения национально-освободительного движения и классовой борьбы на Балканах. В заявлениях разных балканских министров мы неоднократно встречаем горькие жалобы на резолюцию Коминтерна по данному вопросу. Резолюция V Конгресса Коминтерна по национальному вопросу в Средней Европе и на Балканах, декларация т. Раковского на лондонской конференции по бессарабскому, галицийскому и буковинскому вопросам, требование СССР плебесцита в Бессарабии, образование Молдавской ССР—все это вызвало столь же сочувственное отношение к ним национально-угнетенных народов, сколько и припадок бешенства у балканской буржуазии. Наша национальная политика ущемляет ее в самом больном месте и она в бессилии и злобе обрушивается за это на наши компартии.

Разрешение национального вопроса наталкивается, однако, не только на противодействие националистической буржуазии, но и мирового империализма, ибо политическая карта полуострова всегда выкраивалась, прежде всего, соответственно стратегическим и экономическим интересам великих империалистических держав. Поэтому мы теперь и обратимся к характеристике противоречий интересов этих последних.

3. Итальянская экспансия и крах французского империализма на Балканах.

В положении великих держав на Балканах происходит перегруппировка сил. Эта перегруппировка вызвана авантюристской политикой Франции, проводившейся ею против СССР и Германии и ставшей тягостной малым державам, опасавшимся новых осложнений в Европе, которые грозили бы их «национальному единству», и активной политикой Италии на Балканах.

Империализм Италии кроется в факте развития итальянской промышленности, лишенной, однако, угля и нефти. Ей нужны поэтому, одновременно новые рынки сбыта и минеральное топливо. Но Италия—государство замкнутое в берегах Средиземного моря, над которым безраздельно господствуют Англия и Франция. Получать от них уголь—означает лишиться всякой видимости государственной независимости; в своей колониальной политике она наталкивается на препятствия со стороны той же Англии и Франции. Ей ничего не остается, как стремиться к расширению на Восток. «Дорога для мирного распространения Италии лежит на Восток, ибо на Западе находятся могущественные государственные образования, куда Италия может доставлять только рабочие руки».—так заявил Муссолини на заседании своего совета министров в феврале истекшего года. В начале того же года итальянский коммерческий банк предоставил Польше крупный заем и этим открыл путь Италии к польскому углю. Балканы нужны поэтому Италии, как транзитный путь для польского угля, так же, как и для русского на тот случай, если западно-европейский империализм запрет Дарданеллы для СССР или Италии. Удачным маневром в Болгарии, где Муссолини способствовал установлению фашистского режима, ему удалось запугать сербскую буржуазию возможной политикой реванша Цанкова и вынудить у нее уступки Фиуме, важного порта на Адриатическом море.

Заключение соглашения с Италией было со стороны Юго-Славии первым независимым от Франции шагом во внешней политике и означало ослабление французского влияния на Балканах. Вторым ударом по Франции было последовавшее затем соглашение Италии с Чехо-Словакией о соблюдении существующих мирных договоров, поддержке «порядка» в Центральной Европе, взаимной помощи на случай будущих конфликтов и пр. (в этом отношении соглашение аналогично соглашению с Юго-Славией). Наступление итальянского империализма означало начало краха французского империализма.

4. Разложение Малой Антанты и усиление английского влияния.

Это наступление Италии на Балканы стоит в противоречии с интересами Англии и Франции. Вовлечением Юго-Славии в орбиту своих интересов, а потом заключением соглашения с Чехо-Словакией о соблюдении status quo в Центральной Европе, Италия поставила под знак вопроса существование Малой Антанты, созданной, как инструмент Франции против Германии и СССР. Малая Антанта, в состав которой входят Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия, фактически заменена сейчас итало-юго-славо-чешским блоком. Малой Антанты сейчас больше нет, как политически-единой единицы, она сохраняет видимость своего существования только благодаря тому, что она умудрилась исключить из своей программы вопросы, в которых сталкиваются их интересы. Малой Антанте грозил открытый раскол в вопросе об отношении к СССР. Чехо-Словакия, как промышленная страна, всегда была заинтересована в СССР и находится на пути к признанию нашего Союза. Юго-Славия не имеет непосредственных точек соприкосновения с СССР, и поэтому она относится более или менее индиферентно к данному вопросу. Зато Румыния, находящаяся в конфликте с СССР из-за Бессарабии, не только враждебно настроена к признанию нашей Республики, но настаивает на поддержке со стороны своих союзников ее претензий на Бессарабию. Мало того, как Франция, так и Румыния все время добивались приема Польши в состав Малой Антанты. Румынии это выгодно потому, что она заключила с Польшей военный дого-

вор о взаимной гарантии неприкосновенности восточных границ, т.-е. направленный против СССР. Но принятие Польши в свое об'единение обязало бы Юго-Славию и Чехо-Словакию также гарантировать восточные границы, т.-е. выразить готовность расплачиваться кровью в случае конфликта между Польшей, Румынией и СССР. На это оба государства не соглашаются, они исключали и исключают из своих конференций русский вопрос, оставляя Румынию в положении блестящего одиночества.

Поражение Румынии в Малой Антанте завершило крах Франции; оба они, до признания де-юре нас последней, мечтали о создании блока между Балтийским и Эгейским морями против СССР. Румыния и сейчас не оставила этой мысли и вновь делает попытку втянуть в Малую Антанту Польшу и... Болгарию. Лишне, однако, говорить, что она и сейчас не увенчается успехом.

Поражение Франции знаменует, однако, усиление Англии. Румыния, например, определенно ориентируется сейчас на Лондон: она пытается получить у английских капиталистов заем, она сдала заказы на вооружение Англии и предоставляет последней свои порты на побережье Черного моря для морских баз. Так что будет не преувеличением сказать, что сейчас на Балканах встречаются лицом к лицу два противника: Италия и Англия.

5. Англо-итальянское соперничество, революция и контр-революция в Албании и реакция на Балканах.

Противоречие интересов между Италией и Англией не исключает, однако, того, что они, не будучи сейчас в силах разрешить эти противоречия вооруженным путем из опасения восстания народных масс, вступили во временное сотрудничество в том или ином вопросе. Примером тому может служить последняя авантюра в Албании.

Албания—это одна из самых отсталых балканских стран. До настоящего времени там сохранились феодальные земельные отношения, служащие препятствием к проникновению в страну иностранного капитала. Географическая близость этой страны к Италии и Юго-Славии неизбежно привлекает внимание капиталистов этих стран. В частности для Италии Албания представляла интерес, потому что она расположена на берегу Адриатического моря, в котором Италия непосредственно заинтересована. В середине прошлого года в Албании произошла буржуазная революция, свергнувшая власть феодалов. Новое правительство, возглавлявшееся Фан-Ноли, стремилось подготовить почву для создания буржуазно-капиталистических отношений в стране. Вот некоторые пункты из «декларации программы» этого правительства ...5. Радикальное разрешение аграрного вопроса, разрушение феодализма и введение демократических начал в жизнь Албании. ...7. Создание честной администрации из патриотических чиновников. ...8. Определение прав и обязанностей чиновников. ...11. Введение новой системы налогов. ...12. Улучшение положения крестьянства и организация помощи для его экономического раскрепощения. ...13. Облегчение доступа иностранному капиталу и т. д.

Новое правительство не соответствовало, однако, видам иностранного капитала. В то время, как глава прежнего, свергнутого, правительства, Ахмед бей Зогу, был игрушкой в руках иностранного, в частности, сербского капитала, новое правительство стремилось к сотрудничеству с иностранным капиталом, но на основе национальной независимости страны. Выражением этой тенденции нового буржуазного правительства явилось немедленное признание им СССР.

Признание Албанией СССР явилось как бы олицетворением союза угнетенных и стремящихся к своей независимости народов с СССР и свидетельствовало о решимости народившейся власти действительно вступить на путь более или менее самостоятельной, в интересах нации, политики. Этот шаг Фан-Ноли вызвал возмущение не только балканских реакционных правительств, но и беспокойство великих империалистических держав. Эти последние кровно заинтересованы в Албании. Несчастье этой страны заключается в том, что она имеет большие минеральные залежи и источники нефти. Италия пытается завладеть железнодорожным строительством в стране, а Юго-Славия надеется превратить ее в рынок для своей промышленности. Курс же на национальную политику и ориентация на СССР ни в какой степени не соответствовали интересам иностранного капитала.

Что иностранные державы готовят интервенцию в Албанию было для нас более, чем ясно. Тревожные сведения, которые балканская печать распространяла о положении в этой стране, свидетельствовали о том, что заинтересованные правительства подготовляют к тому общественное мнение и выжидают только благоприятного момента. Таким моментом и явился приезд нашего полпреда в Тирану.

Интервенция империалистических держав в Албанию приняла, однако, форму не непосредственного внешнего вмешательства. Для этого империализм достаточно хитер, чтобы не загребать жар чужими руками. Они прибегли к услугам свергнутого Ахмед Зогу, которого вооружили и при помощи его банд свергли правительство Фан-Ноли. При этом они сочли нужным заранее скомпрометировать этого последнего, потребовав устранения нашего полпреда, влияния на события которого они серьезно опасались.

Было бы, однако, ошибочно рассматривать албанские события изолированно. Они составляют только звено в ряде мероприятий, разработанных, по всей видимости, под завесой одной из сессий Лиги Наций, во время слета европейских министров в Риме. Как мы увидим ниже, английский империализм, за которым и в данном случае стоит американский, пытается создать новую комбинацию из малых государств, подчиненную своему контролю. Этого Англия может достигнуть при условии изгнания итальянского влияния из Балкан. Для этой цели она старается взять на борт Италию для того, чтобы, втянув и создав с ее помощью новые комбинации, в то же время в процессе этого временного сотрудничества окончательно подчинить себе или парализовать ее влияние. Англо-американское сотрудничество в албанской контр-революции, которым Англии удалось спровоцировать Италию против СССР—первые шаги в этом направлении. Но для того, чтобы вообще иметь возможность маневрировать, нужно обеспечить себя от возможности революции. Отсюда и вытекает бешеная травля коммунистических и крестьянских партий, развиваемая за последнее время на Балка-

нах. Позиция наших компартий в национальном вопросе, требующих самоопределения, вплоть до отделения наций, как и полевение крестьянских масс, нашедшее свое выражение в присоединении Хорватской крестьянской партии к Крестинтерну, внушает сильные опасения буржуазии и она предприняла крестовый поход против коммунизма. В настоящее время компартии поставлены вне закона во всех балканских странах. Распространяя небылицы про коммунистическую опасность и про «связь» крестьянских партий «с Москвой», правящая олигархия подготовляет общественное мнение к применению тех же мер против крестьянского движения. Поход на политически организованный пролетариат и крестьянство означает поэтому создание таких условий, которые, гарантируя от всяких возможностей со стороны революционного национально-освободительного, крестьянского и коммунистического движения, обеспечили бы туземной буржуазии и иностранному капиталу спокойную и усиленную эксплоатацию масс, а мировому империализму—вовлечение этих стран в новые авантюры.

Однако, более отчетливо планы Англии выступают в другой затее.

6. Проект Дунайской конфедерации и интересы СССР.

В некоторых кругах Малой Антанты начал обсуждаться, за последнее время, вопрос о создании Дунайской конфедерации. Цель последней—тесное экономическое сотрудничество между государствами, унаследовавшими земли бывшей Австро-Венгрии. Сама по себе эта идея имеет под собой вполне здоровую экономическую почву. Государства юго-восточной Европы расположены в бассейне Дуная, одной из важнейших водных артерий, омывающей поля Южной Германии, Австрии, Венгрии, Юго-Славии, Болгарии и Румынии и впадающей в Черное море, соприкасаясь в устье с нашей Бессарабией. Все перечисленные только что государства кровно заинтересованы в этой реке, связующей их с Черным морем, но рациональное использование ее тормозится государственными границами и таможенными перегородками. Рассечение Австро-Венгрии привело к уничтожению экономического значения ее железно-дорожной сети. Эти обстоятельства не могли не оказать пагубного влияния на послевоенную экономику этих стран. Великие империалистические державы, заинтересованные в «оздоровлении» юго-восточных стран и подали на одной из сессий Лиги Наций их представителям идею конфедерации, на основе тесного экономического сотрудничества. Центром последней должна была стать, по проекту Бенеша, Прага. По сообщению нашего «Роста», инициатива создания этого об'единения исходит из англо-американских кругов, желающих с помощью нового «плана Дауэса» изгнать из юго-восточной Европы влияние Италии и Франции, уничтожить Малую Антанту и прибрать к своим рукам придунайские государства.

В самом деле. Юго-Славия и Румыния, в результате последней войны получили от бывшей Австро-Венгрии некоторые промышленно развитые провинции. Разными искусственными мерами они взращивают свою собственную индустрию. В значительной степени это касается и Венгрии. Румыния осмелилась даже «национализировать» подземные богатства и поставить довольно чувствительные ограничения иностранному капиталу. Всего этого западно-европейский капитал не может стерпеть, ибо промышленное развитие земледельческих стран, означает сужение рынка сбыта для его промышленности, с одной стороны, и опасность его политическому господству над ними, с другой. В то же время, он должен получить с них свои долги, достигающие грандиозных цифр. Юго-восточные страны могут стать исправными кредиторами только при условии хозяйственного под'ема. Но они не могут этого добиться без помощи западно-европейских финансистов. Отсюда и необходимось создания такой группировки государств, которая, уничтожив в своих рядах таможенные границы, с денежной помощью Запада, на основе общих путей сообщения (жел. дороги, Дунай), создала бы предпосылки для своего экономического возрождения и развития, но не в направлении индустриализации, а интенсификации земледелия и связанных с ним отраслей народного хозяйства. Подобная комбинация обеспечила бы англо-американскому капиталу: 1) рынок сырья и сбыта; 2) размещение своих капиталов и 3) политическое господство над юго-восточными странами, что одновременно усилило бы их позиции против Италии и СССР.

Весть о проекте создания Дунайской конфедерации вызвала сильное беспокойство в придунайских странах. Румынская и сербская печать встретили эту идею определенно враждебно, также отрицательно отозвался о ней и быв. австрийский канцлер Зейпель. В настоящее время разговоры о конфедерации заменены разговорами о таможенном союзе и пр., но не подлежит сомнениям, что всякая идея об'единения этих стран, в силу противоречий их буржуазии, заранее обречена на неудачу. Эта идея не лишена для нас интереса, однако, потому, что выявляет замыслы империалистов против нашего союза. Одна видная бухарестская газета писала: «Вена не останется на Востоке, если на месте нынешнего беспорядка не родится новый порядок, который свяжет дунайские страны, имеющие одинаковые экономические интересы на Дунае и одинаковые политические интересы на Днестре». На Днестре! Эта обмолвка газеты не случайная и она имеет особый интерес для нас. Устье Дуная—омывает границы Бессарабии, а последнюю узурпировала у нас Румыния. Для того, чтобы удержать за собой владение этой провинцией, она выражает готовность предоставить пользование другим государствам устьем Дуная и его портами, при условии гарантии владения Бессарабией за Румынией. Поэтому всякая комбинация, под руководством англо-американского капитала, может превратиться в непосредственную угрозу СССР.

7. Наступление англо-американского империализма и обострение антагонизмов на Балканах.

Способно ли наступление англо-американского капитала хоть в какой-нибудь степени смягчить противоречия на Балканах? Вне всяких сомнений, что нет.

Наступление англо-американского капитала означает в данном случае попытку: 1) экономического и политического закабаления всех придунайских государств; 2) уничтожения всех завоеваний, сделанных за последнее время Италией на Балканах

и 3) окончательного изгнания французского влияния. Италия добивается сближения с придунайскими странами, между прочим, с той целью, чтобы превратить их в hinterland для своих портов (Фиумэ и Триест) на Адриатическом море, через которые направлялись бы экспорт и импорт этих стран. Но конфедерация под сенью англо-американского капитала преследует совершенно противоположные цели. Поэтому попытка ее создания должна повести к антагонизму между Италией и Англией, т.-е. наступление англо-американского капитала означает обострение отношений между великими империалистическими державами в Дунайском бассейне.

Но если, так или иначе, иностранному капиталу удается, даже вопреки их интересам, подчинить себе правительства балканских стран, то как рабочее, так и национально-освободительное движение на Балканах остаются вне его досягаемости. Наступление англо-американского капитала несет с собой еще большее усиление реакции против рабочего, коммунистического и национально-революционного движений, т.-е. обострение классовых противоречий и национальных антагонизмов. Поэтому лозунг наших партий о рабоче-крестьянском правительстве, так же, как и лозунг Балканской Коммунистической Федерации, т.-е. об'единение всех балканских народов в союз против балканской буржуазии и против мирового империализма, приобретают сейчас наиболее актуальное значение.

А. Слепков.

„Не согласны!“

(Ответ т. Покровскому).

«Приятно быть предметом критики. Во-первых, чувствуешь, что тебя замечают: уже это лестно. Во-вторых, можешь отвечать—завести разговор. Перестаешь быть гласом вопиющего в пустыне. А то стоишь, как статуя Мемнона из учебника Иловайского и «вещаешь». А вокруг тебя «гулкая тишина»... и вот тишину разрезает звонкий и ясный голос: «не согласны!» С кем не согласны? «Со всем вообще, все не так!»

Так красочно изображает тов. М. Н. Покровский наше критическое выступление по поводу его книги «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX в.в.» [1]).

В нашей рецензии мы, действительно, выразили несогласие с рядом весьма существенных положений автора.

Познакомившись с ответом тов. Покровского, мы вынуждены вторично нарушить «гулкую тишину».

Не из любви к «разговору» вообще, а «для ради» практических целей: книга тов. Покровского, вопреки его скромному утверждению, разумеется, не оставалась незамеченной, и по ней учится наша партийная и комсомольская молодежь.

Именно поэтому неверное в основных положениях автора должно быть отмечено, выявлено, критически преодолено.

Ответ тов. Покровского ни капли нас не убедил.

Мы утверждали в нашей рецензии, что тов. Покровский неправ, определяя самодержавие, как «политически-организованный торговый капитализм», ибо это определение смазывает динамику социального содержания самодержавия и, тем самым, ведет к неисторической постановке вопроса о социальной базе царизма. Тов. М. Н. Покровский решил разоблачить нас, уличив, прежде всего, в непоследовательности.

«Это, видите ли, неправда, будто «самодержавие—политически организованный торговый капитализм».

«Положим, когда я спорил на этот счет с тов. Троцким, я был прав,—соглашается и тов. Слепков: но, повидимому, правота моя заключалась именно в том, что я спорил с тов. Троцким».

Нет, мы более высокого мнения о той критике, которой т. Покровский подверг тов. Троцкого.

Тов. Троцкий пытался в своем анализе самодержавного государства оторвать последнее от его классовой базы, доказать,

[1]) Рецензия помещена в № 14 „Большевика“, 1924 г., а ответ т. Покровского в журнале „Под Знаменем Марксизма“ № 12, 1924 г.

что это государство являлось «самодовлеющей», «надклассовой» силой.

Это было неверно и не совсем случайно для т. Троцкого.

Переоценка роли государственного начала, придание государственной власти «самодовлеющего» характера, — несомненно, было скрытой теоретической посылкой целого ряда политических выступлений тов. Троцкого уже после установления Советской власти (в профсоюзной дискуссии—огосударствление профсоюзов; в дискуссии о плановости хозяйства).

Тов. Покровский разоблачил методологическую ошибку тов. Троцкого: он показал, что самодержавие имеет классовые корни в российском обществе; что оно возникло как аппарат купеческого капитала и торгового дворянства [1]).

Эту заслугу тов. Покровского мы признавали и признаем сейчас. Однако, вытекает ли с неизбежностью из этого признания правильности положения т. Покровского о происхождении самодержавия—признание правильности его формулы: «самодержавие—политически организованный капитализм»? Отнюдь нет. Можно ли сказать, что самодержавие, возникшее как аппарат купеческого капитала и торгового дворянства, выступало в революциях XX века аппаратом этих же социальных групп?

Ни в какой мере.

Возникновение самодержавия тов. Покровский рисует правильно, но развития самодержавия, динамики его социального самодержавия автор «Очерков» не отражает.

---

[1]) Мы указывали, однако, что уже в эту эпоху противоречия между помещиком и купцом давали себя знать. Весьма забавно возражение нам со стороны тов. Рубинштейна (см. № 12 „Под Знаменем Марксизма", 1924 г., стр. 322—323).

„Тов. Слепков,—пишет т. Рубинштейн,—возражает против определения тов. Покровским самодержавия, как „политически организованного торгового капитализма", указывая на то, что в „истории имели место случаи борьбы торгового капитала с помещиками".

„С этим утверждением нельзя согласиться,—продолжает т. Рубинштейн.— В том-то и дело, что и помещик и купец выкачивали свои доходы из одного резервуара,—из мелкого производителя, т.-е., главным образом, из крестьянина. Значит по основной линии была общность их интересов, а не „некоторые общие интересы", как это думает тов. Слепков"

Едва ли стоит останавливаться подробно на этом возражении.

Марксисты до сих пор полагали, что конститутивным признаком класса является определенное место в производстве и распределении, а т. Рубинштейн находит, что помещики и купцы—образуют один класс торгового капитала, потому что у них общий об'ект эксплоатации. (Строго говоря, это тоже неверно, ибо купец эксплуатирует и городского ремесленника). Воображаем, до каких умных вещей договорится т. Рубинштейн, если с этакой методологией начнет анализировать современность.

Помещик и купец—в целом ряде европейских стран—борются между собою за прибавочный продукт крестьянина. По этой линии у них общий об'ект эксплоатации, но только тов. Рубинштейн может сделать из этого факта вывод, что помещики и капиталисты один класс.

Больше всего забавно то, что тов. Рубинштейн говорит об этом в самом серьезном тоне:

„Помимо фактической неверности в возражениях т. Слепкова кроется некоторая методологическая опасность (слушайте! слушайте! А. С.) Приняв резкое отграничение купцов и помещиков, мы лишаем себя возможности правильно об'яснить всю государственную политику самодержавия с XVI века до 1917 года".

Серьезное лицо т. Рубинштейна выражает непоколебимую уверенность, ибо над ним реет „Знамя марксизма".

Забавная картина!

Таким образом следует признать аргумент т. Покровского от «противоречий»—неосновательным.

Но как же возражает тов. Покровский против нашей критики по существу?

Мы отвергли формулу «самодержавие—политически организованный капитализм», потому что она не исторична, и предполагает неизменность социального содержания царизма, что не правильно и методологически и фактически.

Тов. Покровский не согласен, что «во 2-й половине XIX века происходит социальное перерождение» самодержавия. «Правда—пишет он—и после раз'яснения тов. Слепкова я не совсем схватываю, в чем это «перерождение».

Правда, тов. Покровский не пожелал обратиться к разбираемой нами конкретной проблеме о динамике российского самодержавия.

Он предпочел поговорить о самодержавии вообще.

Это уже подмена проблемы. Ибо стоит ли об'яснять нашим читателям, что не во всякой стране самодержавие существует в условиях финансового капиталистического развития.

Но даже если признать закономерной эту подмену,—что доказывает цитата из Гильфердинга?

Гильфердинг пишет, что «капитализм создает для него (крупного землевладения) большой внутренний рынок и открывает возможность развития таких сельско-хозяйственных отраслей промышленности, как винокурение, пивоварение, фабрикация крахмала и сахара и т. д.».

На основе этой капитализации помещичьего хозяйства, между прочим, вырастает меркантилистическая политика абсолютизма.

Может быть, т. Покровский попытается доказать, что превращение помещика из простого получателя ренты, кроме того, и в капиталистического предпринимателя (винокурение, пивоварение и т. д.) не является «социальным перерождением»?

Едва ли эта попытка будет продуктивной.

Она тем менее вероятна со стороны т. Покровского, что ему хорошо известно исследование т. Ленина о капитализации помещичьего хозяйства (мы имеем в виду «Развитие капитализма в России»), что и сам т. Покровский в других случаях жизни отмечал этот процесс, указывая на социальное перерождение помещичьего государства. Не угодно ли, например, познакомиться со следующей цитатой:

«Трудно найти лучший образчик исторической диалектики: помещичьи именья вызывают к жизни железную дорогу, чтобы добраться до наиболее выгодного широкого европейского рынка; железная дорога родит металлургию, металлургия создает наиболее революционный отряд пролетариата, хоронящий прадеда всей системы—помещичьи имения» («Правда» от 12/III—24 г. Статья т. Покровского, 12-го марта 1917 г.).

Это писал тов. Покровский. Нижеследующее писали мы: «Во второй половине XIX века происходит социальное перерождение и помещика и помещичьего самодержавия. Под влиянием мировых экономических связей и роста вывоза хлеба, помещик капитализирует свое хозяйство. Помещичье государство строит железные дороги, являющиеся крупными капиталистическими пред-

приятиями, и поощряет развитие индустрии, связанное с желдорстроительством».

Тов. Покровский ехидно отвечает, что и т. Троцкий признает факт капитализации государственного хозяйства самодержавия (желдороги и т. д.); как видит читатель из приведенной цитаты т. Покровского, последний здесь тоже согласен с т. Троцким. Впрочем мы не делаем из этого никакого вывода, кроме того, что наряду с многим неверным теоретически и политически т. Троцкий высказывал и многое верное.

Тов. Покровский пытается доказать, что самодержавие и периода Грозного и периода Николая II—«политически организованный торговый капитализм». Мы опровергаем это, подчеркивая момент социального перерождения государства, стоящего в тесной связи с социальным перерождением помещика, подчеркивая неизбежность «капитализации помещичьего государства в мировом капиталистическом окружении». Выяснению существа вопроса очень поможет следующая цитата из тов. Ленина, характеризующая временное правительство Львова—Гучкова—Милюкова.

«Это правительство не случайное сборище лиц. Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса *капиталистических помещиков и буржуазии*, который давно правит нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 г., так и за время контр-революции, за время 1907—1914 г., как, наконец, и притом с особенной быстротой, за время войны 1914—1917 г. чрезвычайно *быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и с'езды разных видов, и думу, и военно-промышленный комитет* и т. д. Этот новый класс *почти совсем был уже у власти* к 1917 г. (Ленин: Собр. Сочинен. т. 14, часть 1-я «Первый этап первой революции» стр. 9—10).

Трудно более убедительно высказаться против универсальной формулы: «самодержавие—политически организованный торговый капитализм». *Империалистическая партия финансового капитала* частично была носителем политической власти уже при самодержавии, была суб'ектом власти в политической системе самодержавного государства. Неправда ли, европейский банкир XX в. не совсем то же, что «гость» эпохи Ивана Грозного?

* * *

Тов. Покровский в своих итогах заявляет: «Тов. Слепков правильно подметил неточность некоторых формулировок, данных в «Очерках». *Особенно правильным является его замечание о моей характеристике империализма*...А затем, в моем скромном лице, попробовал сразиться с т. Лениным по вопросу об исторической роли крестьянства»[1]).

[1]) Тов. Рубинштейн пишет в унисон т. Покровскому: „Присоединяясь к той части (наших замечаний. А. С.) которая касается трактовки империализма, мы должны указать на то, что тов Слепков несправедливо обвиняет тов. Покровского в „сплошной" постановке вопроса о социальном характере „крестьянского движения"...

Итак, об империализме мы почти правы. Правда, т. Покровский пытается нам доказать, что мы не правы в утверждении, что до Ленина Гильфердинг дал наиболее правильную теорию финансового капитализма, с которой т. Ленин в общем и целом согласен.

Общеизвестно, что Ленин был несогласен с Гильфердингом, как автором «Финансового капитала» по вопросам теории денег и загнивания капитализма (здесь Гильфердинг был явным оппортунистом). За этим исключением т. Ленин солидаризируется с Гильфердингом, констатируя, что «это сочинение представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ новейшей фазы в развитии капитализма»...

Поскольку у нас с т. Покровским не было спора ни по теории денег, ни по вопросу о загнивании капитализма,—разногласия между т. Лениным и Гильфердингом—в нашей дискуссии не при чем.

Теперь посмотрим, как это мы сразились «в скромном лице т. Покровского с т. Лениным по вопросу об исторической роли крестьянства».

Тов. Покровский, ознакомившись с нашей критикой, торопится наклеить нам пугающие ярлычки.

«Если в первой части рецензии попытка ревизии обще-марксистского учения о государственном абсолютизме привела т. Слепкова очень близко к Троцкому, то в третьей части начинают звучать почти народнические нотки».

Тов. Покровский уловил в наших писаниях по части троцкизма те же нотки, которые звучат и в его писаниях и тем самым без достаточного основания наклеил ярлычек и на себя.

Но, может быть, т. Покровский, как полемист, счастливее в критике третьей части нашей рецензии?

Посмотрим. Для установления истинного хода нашей аргументации мы вынуждены привести цитату из нашей рецензии.

Итак, в чем же наше «народничество» тов. Покровский?

«Тов. Слепкову чрезвычайно не нравится, что крестьянин собственник и имеет соответствующую идеологию[1]). Нехотя признав факт этих собственнических черт крестьянина для революции 1905 г., т. Слепков стремится, по крайней мере, хронологически ограничить это зло, отрицая с одной стороны крестьянскую собственность Московской Руси, а с другой стороны, изображая современное нам крестьянство, как уже чуть-чуть не социалистическое».

Т. Слепкову приписывается, таким образом, три вины:

1) Он «*нехотя*» признает факт собственнических черт крестьянина для революции 1905 года.

2) Он «отрицает крестьянскую собственность Московской Руси».

3) Он, наконец, «изображает современное нам крестьянство, как уже чуть-чуть не социалистическое».

Мы очень уважаем т. Покровского, но допустимость его полемических приемов вынуждены поставить под знак вопроса.

На самом деле.

[1]) Мы не позволяли себе переносить анализ в плоскость „нравится" или „не нравится". Если же действительно перенести обсуждение вопроса в эту плоскость, то едва-ли сей факт „нравится" и тов. Покровскому.

1) О крестьянстве в революции 1905—1907 г. мы писали:

«Крестьянское движение 1905 года было, несмотря на дифференциацию среди крестьянства, в общем и целом общекрестьянским фронтом против помещика за буржуазно-демократический переворот, за американский фермерский путь развития».

Где же это «нехотя»?—Если бы мы хоть описались или оговорились, то т. Покровский, мог бы, руководствуясь теорией ошибочных действий Фрейда,—вытянуть из нашего «подсознательного» это «нехотя»,—и заявить, что мы пишем не то, что думаем. Но, к сожалению, для т. Покровского этого формального повода даже для фрейдистского обоснования своего положения ему не дал ни я, ни наборщик. «Нехотя» вынуждены мы констатировать, что т. Покровский здесь приписал нам лишнее.

2) Об отрицании крестьянской собственности Московской Руси.

Мы писали:

„Тов. Покровский, желая показать, что крестьянская революция имеет глубокие исторические корни, допускает еще раз перегиб палки". На самом деле, как доказал еще Рожков, лет, примерно, 20 назад, наше крупное и среднее помещичье землевладение XVI века возникло на развалинах мелкой свободной крестьянской земельной собственности, следов которой в тогдашних писцовых книгах мы найдем сколько угодно, найдем уже в состоянии вымирания, но не совсем естественной смертью" (8—9 стр.).

Здесь вновь неосторожная формулировка. До сих пор мы полагали, что земельная собственность развивалась из феодального землевладения, что первым собственником был феодал, раньше крестьянской массы захваченной товарным обращением.

Если это, с точки зрения тов. Покровского, неверно, то тогда следовало бы не ограничиваться вскользь брошенным замечанием, и развить свое положение; если же это и, по мнению автора книги, верно, то тогда нужна большая ясность и точность.

Однако, у тов. Покровского, в цепи этих цитат заковано одно положение, логика которого подчиняет себе частность.

«1905 год напомнил, что инстинкты мелкого производителя глубоко сидят в крестьянине».

Тов. Покровский в своем ответе не стал доказывать, что крестьянское личное землевладение появилось раньше помещичьего. Очень хорошо сделал, что не стал. Но зачем же, приписывать нам, что мы отрицаем «крестьянскую собственность Московской Руси»?

Мы ее не отрицаем, но полагаем, что она появилась после помещичьей.

Это мы считали и считаем необходимым утверждать, поскольку у тов. Покровского проскальзывают нотки о биологически-«инстинктивном» характере крестьянской собственности.

3) О «чуть-чуть не социалистическом» характере современного крестьянства. Что мы писали по этому вопросу?

В 1917 году мы видим более сложную картину. Масса бедного и среднего крестьянства разносит помещика и кулака под руководством пролетариата, держащего в своих руках государственную власть.

Тот ли это «мужицкий капитализм», что в 1905 году?

Крестьянское хозяйство осталось частно-собственническим и товарным, но, во-первых, кулак сделался об'ектом революционного движения, а не суб'ектом Во-вторых, и это самое важное, победа крестьянского движения была обусловлена в революции 1917 года победой социалистического пролетариата в его борьбе за власть.

Мелко-буржуазные устремления крестьянства могли быть осуществлены в нашей революции только в том случае, если социалистический пролетариат установит и укрепит свою диктатуру.

В силу этого крестьянское движение приобрело совершенно иной смысл.

Здесь нельзя сказать просто «мужицкий капитализм». Если бы дело обстояло так, то наши перспективы были бы безнадежны.

С одной стороны, развитие товарных отношений имеет своим следствием развитие в крестьянстве капиталистических отношений и рост буржуазии. Но с другой стороны, масса среднего крестьянства является нашей опорой в борьбе против капитала.

Наша задача заключается не в том, чтобы «третировать мужицкий капитализм», а бороться за социалистическое кооперирование крестьянства.

«Нехотя» мы вынуждены заявить, что и здесь тов. Покровский высосал «народничество» из пальца.

В «Очерках» тов. Покровского, действительно, не учтена диалектика крестьянского движения.

Мы были целиком правы, когда писали:

«Современное революционное крестьянское движение, разумеется, имеет известную историческую преемственность с прежним революционным движением крестьян. Однако, функциональный исторический смысл крестьянского движения в различные эпохи различен, как различен и социальный облик крестьянства».

Может ли т. Покровский отрицать, что в борьбе с империализмом мы опирались на крестьянство?—Конечно, нет.

Может ли он отрицать, что, несмотря на мелко-буржуазный характер крестьянского движения,—мы вступили в полосу «социалистического кооперирования» крестьянства?—Конечно, нет.

Напрасно т. Покровский стремится приписать нам тенденцию тащить крестьянина в коммуну.

О «социалистическом кооперировании», которое мы имеем в виду, писал именно т. Ленин в своих статьях о кооперации:

«В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна?

В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества, без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров.

И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (т. наз. гражданский мир)...

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политически власть эксплоататоров свергнута и т. д.

Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма...».

Вся суть дела в том, что т. Покровский выяснял роль крестьянского движения без учета влияния на него всего контекста классовой борьбы; вся суть дела в том, что роль крестьянского движения изменяется в зависимости от соотношения сил всех классов в данный исторический момент.

Исходя из анализа этого соотношения сил в России, т. Ленин наметил перспективу «социалистического кооперирования» крестьянства.

Многие партийные товарищи не принимают всерьез тех мыслей, которые развил Ильич в своих статьях о кооперации. Пример тому—статьи т. Преображенского (в «Вестнике Комакадемии») и Гольцмана в «Большевике» (См. дискуссионный отдел № 5—6).

Они склонны кивать на народничество, когда говорят о «социалистическом кооперировании» крестьянства.

Тов. Покровский вместе с ними не принимает всерьез теорию «социалистического кооперирования».

Но он чувствует некоторую неловкость, и в своем ответе на нашу рецензию пишет, что «смешно бояться того факта, что в русской деревне кулак не только существует после 1917 года, но и сидит кое-где в этой деревне на командующих высотах».

Мы не отрицаем факта существования кулака, но мы «боимся», когда он «занимает в деревне командующие высоты».

Мы допускаем даже, что нам придется, быть может, легализовать в деревне аренду и наем рабочей силы для крепкого мужика,—но это будет не опасным только тогда, когда будет расти и крепнуть «социалистическое кооперирование» крестьянства.

Тов. Покровский может многому научить, многому научил и еще поучит, учащееся партийное поколение (в том числе и нас), но в критикуемых нами положениях он безусловно не прав.

И это должен иметь в виду каждый, пользующийся весьма интересной, весьма ценной книжкой, каковой являются «Очерки» т. Покровского.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

А. Гольцман.

Наши задачи в деревне [1]).

(По поводу ст. тов. Крицмана „Союз Пролетариата и большинства крестьянства").

I. Новые веяния в наших аграрных воззрениях.

В № 2 (18) «Большевик» тов. Крицман открывает совершенно новые перспективы для дальнейшего развития революции. Речь идет о статье «Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции».

Истины, открытые тов. Крицманом, мы изложим здесь читателю в кратком виде, отсылая его за подробностями к оригиналу этой поучительной статьи.

Истина № 1. Оказывается, что нам пора пересмотреть девиз «союз рабочего класса и крестьянства». «Прежде всего в наши дни этот лозунг не точен» [2]).

«Лозунг «союз пролетариата и крестьянства» не заключает в себе указания на классовое расслоение крестьянства—на буржуазию и пролетариат. Не потому, что это расслоение не принималось в расчет или отрицалось, а потому, что союз против крепостничества был союзом с крестьянством, как целым».

«...Лозунг «союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата»—есть лозунг кануна мировой пролетарской революции».

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает большее—это лозунг самой мировой пролетарской революции. После уничтожения помещиков союз большинства крестьянства под руководством пролетариата может означать только союз в деле совместного движения по пути от капитализма к социализму».

Итак, весь глубокий смысл первого откровения тов. Крицмана заключается в том, что до победы октябрьской революции пролетариат действовал в союзе против царизма с крестьянством, как целым. Что это значит? Надо полагать, что это означает, что, если не поголовно все крестьянство стояло на стороне пролетариата в его многолетней борьбе против самодержавия, то,

---

[1]) **От редакции.** Редакция *радикально* расходится с основными положениями автора. Она считает их и *теоретически и политически ошибочными*, требующими критического преодоления.

Однако 1) поскольку проблема представляет исключительный интерес, 2) поскольку круг идей автора *типичен* для мышления *определенной категории* партийных товарищей,—редакция помещает настоящую статью в порядке дискуссии, считая необходимым в последующих №№ дать место критическому разбору системы положений автора.

[2]) Курсив везде тов. Крицмана, если противное не оговорено.

во всяком случае, *все элементы* крестьянской массы, *все составляющие эту массу слои* стояли на стороне пролетариата, хотя, конечно, отдельные лица из каждого слоя могли быть и против рабочего класса. Но суть не в отдельных лицах. И в самом рабочем классе были отдельные лица, состоявшие членами союза «Истинно русских людей» или «Михаила-Архангела» или прямо на службе в охранке. Но рабочий класс, как целое, вел борьбу с самодержавием. Так и здесь по смыслу этого первого поставленного тезиса нашего автора, крестьянство, как целое, вело борьбу с рабочим классом против самодержавия.

Но так было до октябрьского переворота? После этого начинает (по нашему автору) сказываться расслоение крестьянства. Часть крестьянства идет с пролетариатом, другая часть против пролетариата. Во всяком случае нужно понимать нашего автора так, что после октября пролетариат имеет на своей стороне уже не сплошную дружескую массу, а встречает в деревне и противников. Вследствие этого теперь наступает время провозгласить выдвинутый тов. Крицманом новый лозунг—лозунг союза пролетариата и *большинства* крестьянства под руководством пролетариата. «В наши дни в СССР происходит уже не преодоление остатков крепостничества, а преодоление остатков капитализма (где: в деревне? А. Г.). Здесь пролетариату не по пути с *капиталистической* частью крестьянства. Поэтому лозунг «союз пролетариата и крестьянства» теперь неточен. В современных условиях его точное выражение—это «союз пролетариата с большинством крестьянства», притом, с подавляющим «большинством крестьянства». При этом тов. Крицман подсчитывает: каково именно то большинство, с которым пролетариат связывает союз после октябрьского переворота. И он находит, что «слой зажиточных крепких хозяев, кандидатов в крестьянские капиталисты, едва-ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств». Итак, рабочий класс имеет на своей стороне от 90 до 93% крестьянских хозяев в деревне. В этих условиях, однако, все же тов. Крицман считает, что нужно обязательно «из-за этих нескольких %» переменить лозунг, ибо, видите ли, тут дело не в процентах, а дело в принципе, а принцип таков, что до октября *вся* крестьянская масса была с пролетариатом, а после октября только 90—93%.

Истина № 2. Из этой первой истины вытекает другая, не менее оглушительная истина. Оказывается, что союз пролетариата с большинством крестьянства направлен не только к тому, чтобы защитить страну советской диктатуры против окружающих ее капиталистических противников и не только к тому, чтобы насаждать в стране новые социалистические, а в дальнейшем и коммунистические формы хозяйства, но и сверх этого к тому, чтобы с помощью диктатуры пролетариата *укреплять мелкое крестьянское хозяйство*. Таким образом, *политический* и экономический союз рабочих и крестьян превращается уму непостижимым образом в поддержку пролетариатом той технической базы (т.-е. мелкого производства), которая, в свою очередь, явилась экономической базой для союза рабочих и беднейшего крестьянства. Как сказано, эта истина № 2 вытекает непосредственно из истины № 1. Автор довольно убедительно доказывает (что, впрочем, многим известно), что союз пролетариата и «большинства крестьянства» под руководством про-

летариата означает не только то, что пролетариат может проводить систему государственного капитализма, т.-е. систему развертывания капиталистических элементов при политической диктатуре рабочего класса, но также и то,—и вот тут-то и заключается самое главное,—что «если при господстве капитала кооперация мелких хозяев носит капиталистический характер и включается в систему капитализма, то при господстве пролетариата она принимает характер социалистический, т.-е. включается в общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму». Тут-то и зарыта собака.

Кооперация мелких буржуа не становится социалистической от того, что она имеет природу кооперации *). 10 мелких буржуа не составят вместе одного пролетария. Если же вы сомневаетесь, то есть об'яснение: это происходит потому, что эти десять мелких буржуа включаются в «общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму». Хорошо, однако, когда у нас есть десять мелких буржуа и сто пролетариев. Тогда, конечно, и мы можем пренебречь несколькими процентами. 10% мелких буржуа, при всей своей закоренелости, могут все-таки когда-нибудь приобрести «характер социалистический», но вопрос несколько осложняется, когда на 100 миллионов населения «мелких буржуа» имеется 30 с небольшим миллионов—городского населения, при чем далеко не все они представляют собою почетных пролетариев.

Истина № 3. Эта истина, согласно применяемого тов. Крицманом метода «оглушения», еще более интересна. Тут выясняется, каким образом хозяйство мелкого буржуа может принять социалистический характер. Тов. Крицман раскрывает перед нами экономическую механику всего этого дела и нужно отдать ему полную справедливость, он формулирует свои законы с достаточной ясностью, если и не с достаточной убедительностью. Этот закон 4-й говорит о том, что «союз пролетариата и большинства крестьянства»—означает не только усиленное развитие находящейся в руках пролетариата крупной промышленности и не только рост влияния ее на все ее народное хозяйство. Он означает и то, что для мелкого хозяйства *открывается путь его некапиталистического превращения в крупное*».

Итак, сперва мы имеем кооперацию мелких буржуа—эта кооперация мелких буржуа, сидящих, разумеется, на частно-собственнических владениях, и должна приобрести социалистический характер. Для этого мелкое хозяйство кооперации мелких буржуа должно превратиться в крупное хозяйство. Но в этом еще нет никакого чуда. Вся история капитализма есть показательный процесс превращения части мелких хозяйств в крупнейшие концерны и, связанной с этим превращением, гибели сотен и сотен тысяч других мелких хозяйств. Чудо заключается в том, что это мелко-буржуазное хозяйство превращается в крупное хозяйство *некапиталистическим путем*. Нужно эту истину очистить от всей словесной шелухи, чтобы она предстала перед нами в своем натуральном виде. Раз имеется мелко-буржуазное хозяйство, то этим самым дано в зародыше *капиталистиче-*

¹) Здесь, как и у тов. Крицмана, слово «кооперация» употребляется в общем смысле «сотрудничества», как увидим дальше, тов. Крицман имеет в виду преимущественно производственные об'единения крестьян.

ское хозяйство. Это—позиция № 1. Дальше, это мелко-буржуазное хозяйство нужно превратить в крупное хозяйство—позиция № 2. Однако, не капиталистическим путем! Значит, в процессе метаморфозы наше мелко-буржуазное хозяйство должно преодолеть свою буржуазную природу, извергнуть из последней капиталистические элементы и привить себе социалистическую сыворотку.

Есть, правда, один путь превращения капиталистического хозяйства в некапиталистическое. Этот путь указан К. Марксом. «По Марксу» капиталистическое хозяйство может превратиться в некапиталистическое, только разорвав окружающую его оболочку имущественных взаимоотношений. Этот разрыв будет сопровождаться «экспроприацией экспроприаторов», при чем она будет иметь насильственный характер. Конечно, тут возможна оговорка, что при господстве пролетариата на одном из полюсов народного хозяйства—в промышленности,—такая экспроприация экспроприаторов может произойти более медленным и, вследствие этого, более болезненным путем. Но от этого она не теряет своей сути имущественного переворота.

Но тов. Крицман нашел новый путь, который гораздо более выгоден и приятен. Этот путь он указывает в

Истине № 4. Здесь открывается, что уже в утробе капитализма существуют элементы социализма, т.-е., проще сказать, уже в современном сельском хозяйстве и именно на территории СССР имеются те элементы, которые развиваясь дадут нам социалистическое хозяйство и притом не капиталистическим путем. Эти элементы—суть сельско-хозяйственные общества, промысловые кооперативы, артели и пр. и пр.

Тов. Крицман заявляет следующее: «Хотя предоставленное самому себе (а тем более в условиях господства капитала) развивающееся мелкое хозяйство неизбежно превращается в капиталистическое, ибо капитализм есть ни что иное, как развитие общественного хозяйства в формах частного хозяйства, т.-е. в формах вырастающих из форм хозяйств мелких хозяев, однако, мелкое хозяйство несет в себе и другую тенденцию развития и потому не исключает и социалистической линии развития». Хотя здесь терминология и туговата, но дело не в терминологии, тут есть кое-что и покрепче, а покрепче тут говорится следующее: «И поскольку в условиях господства пролетариата эта другая тенденция получает перевес,—работа мелких хозяев над под'емом своего хозяйства означает об'ективно, в основной своей массе, подготовку почвы для их будущего товарищеского об'единения и перехода к социалистическому хозяйству».

Дальше идут некоторые «туманности». Тов. Крицман заводит речь о части крестьянства, которую разорила империалистическая и гражданская война. Он указывает на то, что земельные наделы этой части крестьянства являются абсолютно недостаточными для содержания их владельцев. Вследствие этого мелким хозяевам (но надо полагать,—не всем?) ничего не остается, как об'единиться друг с другом и создать крупное хозяйство. «У этой части мелких хозяев только два выхода: отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата или об'единение для товарищеского хозяйства». Вот эти-то товарищества, повидимому, призваны сыграть

большую роль и тов. Крицман обращает наше сугубое внимание на них.

Но он в достаточной мере скромен и отказывается от авторских прав. Он указывает на то, что среди крестьянства уже давно живы элементы товарищеской работы. Так, например, говорит он: «еще в конце XIX века в Екатеринославской губернии обрабатывали вспашку супрягой» и он приводит таблицу, из которой явствует, что дело именно так и было, и супряга, действительно, имела место. Для нас, впрочем, непонятно, чего хочет тов. Крицман от этой супряги XIX столетия?

Разумеется эти супряги, помочи и прочие формы совместной запашки [1]) имеют примерно такое же отношение к социалистическим элементам в мелком хозяйстве, как русская община или сербская задруга к коммунистическому строю. Сообщение о родстве этих двух полярных форм есть уже подлинно старые перепевы.

Из всего этого тов. Крицман делает выводы, которые сводятся к тому, что для того, чтобы мелкое хозяйство превратить некапиталистическим путем в крупное хозяйство, мы должны оказывать «посильную помощь под'ему мелкого хозяйства, пока оно остается мелким хозяйством». Мы должны организовать особую помощь «товарищескому об'единению мелких хозяйств в коллективы, в которых работают только их члены». Должны организовать защиту сельско-хозяйственных пролетариев, батраков и проч.

Рассмотрим теперь несколько подробнее основные положения тов. Крицмана.

II. О союзе с крестьянством, как целым.

Первое утверждение тов. Крицмана, сводится к тому, что теперь наступила пора замены союза рабочего класса с крестьянством союзом пролетариата с большинством крестьянства под руководством пролетариата. Крестьянская революция завершила, по его мнению, первую стадию своего развития, именно, стадию борьбы с крепостническим и помещичьим строем. «То обстоятельство—говорит он—что численность капиталистической части крестьянства невелика, дела не меняет. Раз крестьянская противопомещичья революция закончена, крестьянство, как целое, как класс—сословие крепостнического общества исчезло и исчез, следовательно, и союз с крестьянством, как с целым». В этом утверждении имеются, по крайней мере, две ошибки.

1. Крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало. Такое выражение как «класс-сословие» может быть было терпимо во времена Лассаля, когда великий агитатор развивал свои соображения «об идее рабочего сословия», но, ведь, и лассалевская формулировка может быть только об'яснена, но не может быть

[1]) Во время войны 1914—17 г. совместная запашка вспыхнула с новой силой. Община помогала семьям первых мобилизованных обрабатывать свою землю. Когда капитализм и связанная с ним пауперизация крестьянской массы врываются в жизнь общины, последняя вынуждена волей неволей нести первое время на себе *в целом* тяготы поддержки нищенствующих, которых за обилием резервной армии не принимает и город. Старый быт цепляется за жизнь и помогает первым жертвам капитализма однако, только до тех пор, пока он сам еще не разложен. Впоследствии, когда разрушительное действие войны коснулось масс, супряга снова исчезла с поверхности.

защищена. Тем более странно слушать такую формулировку в устах марксиста.

2. Мы категорически утверждаем, что большевики никогда не проповедовали союза рабочего класса с крестьянством, как с целым, независимо от того, является ли это целое классом, сословием, или «классом-сословием». Идея союза рабочего класса с крестьянством как с целым—это народническая, более того, Бакунинская идея. Разница между народниками, бакунистами и Крицманом заключается лишь в том, что первые и даже такие из них, как, например, Желябов, мыслили себе «народную революцию», как восстание всей громадной народной массы под руководством крестьянства, в то время, как тов. Крицман признает возможным предоставить руководство в революционной борьбе рабочему классу. Что же касается большевиков, то с первого дня своего существования эта партия провозгласила союз рабочего класса с беднейшим и, отчасти, с середняцким крестьянством. Еще 30 лет тому назад, когда Ленин только задумывал свою книгу «Развитие капитализма в России», он уже знал, что в революционной борьбе рабочий класс будет опираться не на все крестьянство в целом, а лишь на часть крестьянства, хотя эта часть и будет подавляющим большинством. Ленин дал тогда тщательный экономический анализ сельского хозяйства, в котором показал, что крестьянская масса разлагается на три части, как он их тогда назвал: «бедные, средние и богатые крестьяне». Он указал, что от основной крестьянской толщи все время откалываются в одну сторону бедняцкие элементы, образовывая собою резервуар для сельского, а потом и для промышленного пролетариата и, с другой стороны, капиталистическая крестьянская буржуазия. «Разложение крестьянства, говорил Ленин, развивая на счет среднего крестьянства его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов—товарный, денежный характер хозяйства» [1]).

Первый новый тип—это сельская буржуазия, мелкие аграрии, как их называл Ленин. Это либо настоящие кулаки, либо кандидаты в кулаки. Второй тип—это пролетаризованные уже или находящиеся в активном процессе пролетаризации—мелкое крестьянство, обладающее недостаточными наделами для того, что бы своим натуральным хозяйством поддерживать свое пропитание. Между ними находится громадная масса крестьянской середины. «Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства... В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д.» [2]).

Как относится рабочий класс к этому факту разделения крестьянства на три социальные группы? Он рассчитывает на активную поддержку со стороны мелкого, т.-е. бедняцкого крестьянства. Он ведет прямую борьбу с высшей группой, с группой «аграриев», которые уже крепко осели в деревне и ведут торгово-капиталистическое хозяйство, хотя капиталистические формы этого хозяйства вовсе не всегда связаны с производством пред-

[1]) Соч. т. III, стр. 132.
[2]) Там же, стр. 136.

метов на рынок и с наймом рабочей силы. Что касается среднего крестьянства, то какова должна быть его роль, по мнению Ленина в будущей революции? Ленин отвечает совершенно недвусмысленно: «по своим общественным отношениям эта группа (т.-е. середняцкая. *А. Г.*), колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому числу счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции» [1]).

Рабочий класс не заключал союза с крестьянством, как с целым, т.-е. поголовно со всей крестьянской массой ни до, ни после октябрьского переворота. Уже указанные цитаты из Ленина показывают, что даже в борьбе с самодержавием, пролетариат мог рассчитывать только на одну (в лучшем случае, на две части) крестьянской массы. Отсюда и произошел известный тактический маневр в нашей партии, направленный не только к тому, чтобы привлечь на свою сторону симпатии крестьянской массы, но и к тому, чтобы нейтрализовать эту крестьянскую массу в том случае, если ее симпатии не могут быть привлечены. Что эта двойная формула обозначает? Симпатии могут быть привлечены со стороны беднейшей части крестьянства, уже пролетаризованной или, во всяком случае, достаточно сильно «столкнутой» из мелко-буржуазной формы хозяйства в сферу влияния рабочего класса. Нейтрализация же относится к середняцкой массе крестьянства постоянно колеблющейся между высшими, явно контр-революционными элементами и низшими. Что касается кулаков, действительных «мелких аграриев», то они представляли собой в деревне базу самодержавия и никогда не выступали в качестве, даже временных, союзников пролетариата. Если бы это было не так, мы бы не имели знакомства с ноябрьским Столыпинским законом 1907 г. «об отрубах». Ведь цель этого закона всем ясна—легализовать и усилить положение капиталистической крестьянской буржуазии, ибо эта последняя являлась в политическом отношении оплотом самодержавия против растущего революционного недовольства промышленных и сельских пролетариев. Далее, когда победила октябрьская революция и начался земельный переворот, то разве этот переворот был направлен только против помещиков, разве передел земли не коснулся также кулаков? Если бы это было не так, то нужно ли было бы создавать «комбеды, комнезамы» и др. организации маломощного крестьянства? Разве эти организации, и по сию пору существующие в некоторых местах СССР, (как, напр., на Украине) имеют своей целью ликвидацию помещичье-крепостнической системы, а не борьбу с кулацким хозяйством? Откуда же при таких условиях взялась мысль о том, будто бы до сих пор, дескать, пролетариат шел в союзе со всей крестьянской массой, а теперь, видите ли, борьба против помещичьего землевладения кончилась и наступает новая фаза ограничения сферы распространения рабоче-крестьянского союза? Такой эклектической жижы как союз с крестьянством, никто никогда в рядах коммунистической партии не проповедовал. Теперь, посмотрим, на этот вопрос еще и с другой стороны. Мы видели, что тов. Крицман подсчитывал, как велико количество крестьянской буржуазии и пришел к заключению, что она составляет от 7 до 10% всех кре-

[1]) Соч. т. III, стр. 136.

отьянских хозяйств. Он делает из этого вывод, что капиталистическая буржуазия в деревне количественно ничтожна. Мы не хотим понимать этого утверждения абсолютно и считаем необходимым произвести некоторое сравнение: что это значит—«количественно ничтожна». По сравнению с каким периодом? Надо полагать, что она претерпела этот процесс «количественного изничтожения» в процессе революции. Так ли это? Имеются ли для этого достаточные данные и приведены ли они в статье тов. Крицмана?

Нет, они не приведены. Но зато мы имеем таблицу, данную Лениным в его автореферате об аграрном вопросе. Этот автореферат был напечатан в польском «Голосе Социал-Демократа», кажется, в 1908 году и появился на-днях в № 1 «Воинств. Материалиста». Вот таблица, данная Лениным.

Землевладение в Европейской России [1]).

(Данные относятся к 1905 г.).

	Число владений.	Число десятин	Десятин на 1 влад. в среднем.
	в миллионах.		
а) Разоренное крестьянство, задавленное крепостнич. эксплоатаций	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство . .	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капитал. землевлад. .	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии.	0,03	70.0	2333,0
Всего:	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениями.	—	50,0	—
Итого:	13,03	280,0	21,4

Эта таблица показывает, что среднее крестьянство составляло, по расчетам Ленина, в 1905 году около полутора миллиона владений, т.-е. хозяйств, в то время, как всего было хозяйств 13,03 миллиона, т.-е. здесь имеем именно те 7—8%, о которых говорит тов. Крицман. Если полагать, что у тов. Крицмана верные цифры, а мы не имеем основания ему не доверять, и если предположить, кроме того, что и у тов. Ленина верные цифры (а тем менее мы имеем основание подозревать здесь ошибку), то должны придти к заключению, что количественно «уничтожения» капиталистической крестьянской буржуазии на деле не имело места [2]).

[1]) См «Воинствен. Материалист» № 1, стр. 126.

[2]) Конечно, только относительно количество кулацких хозяйств осталось неизменным. Но в связи с общим процессом обмельчания крестьянского хозяйства и хозяйственные единицы крестьянской буржуазии подверглись уменьшению в своих абсолютных размерах.

III. О поддержке мелкого хозяйства.

Должны ли мы поддерживать, исходя из экономических соображений, мелкое хозяйство? Для тов. Крицмана это—решенный вопрос, притом в положительном смысле. Для него несомненен переход мелкого хозяйства в крупное (как мы видели, некапиталистическим путем). Кроме того, он полагает, что растущее мелкое хозяйство есть внутренний рынок для промышленности.

«Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими, что увеличившиеся производительные силы требуют работы не одного работника, а нескольких».

«...под'ем мелкого хозяйства не стоит ни в каком противоречии с переходом к социализму.

В исторических данных условиях он является, напротив того, одной из предпосылок этого перехода. Под'ем народного хозяйства невозможен без под'ема сельского хозяйства, которое является для промышленности и рынком сырья (и продовольствия), и рынком сбыта».

Разберем оба эти довода. Мелкое сельское хозяйство отличается от мелкого хозяйства городского (напр., ремесленнического) прежде всего своим натуральным характером. Городской мелкий хозяйчик продает продукты своего труда, вынося их на рынок. Он находится в полной зависимости от рынка, при чем каждое колебание этого рынка может привести его в положение продавца уже не продуктов своего труда, а своей рабочей силы. Укрепление мелкого городского хозяйства влечет за собою усиление его товарности, увеличение оборота его маленького капитала. На всем протяжении своего существования мелкий городской хозяйчик остается в пределах капиталистического обращения, хотя до своего превращения в фабриканта он не применяет капиталистических методов в производстве.

Происходит ли то же самое с мелким сельским хозяином? Можно согласиться с тем, что под'ем мелкого хозяйства означает, в известной мере, «техническое вооружение работника». Но неизвестно и далеко не доказана «необходимость кооперации». Здесь нет ни технической, ни экономической необходимости.

По этому вопросу партия должна иметь определенную точку зрения, так как здесь ось всего «аграрного вопроса» современности. «Техническое вооружение работника» в мелком хозяйстве до тех пор, пока последнее остается таковым, есть, в первую голову, рабочий скот. Мелкий земельный надел, небольшая площадь посева делают невыгодным применение другой механической движущей силы, приобретение тракторов и пр. Самообольщение на счет беспрерывного технического вооружения не имеет под собой никакой экономической почвы. Как только мелкое хозяйство становится на ноги, оно теряет связь с рынком. Оно оформляется как замкнутое натуральное хозяйство, довольствующееся тем малым, что оно приносит. Владельца такого замкнутого натурального хозяйства не вгонишь никакими силами ни в кооператив, ни в с.-х. товарищество, ни в какую-либо

иную организацию. У него не будет для этого никаких побудительных стимулов. Стало быть укрепление мелкого хозяйства, а тем более «пока оно остается мелким хозяйством», не только не открывает пути к превращению его в крупное, но, наоборот, в особенности, при наших условиях, неблагоприятствующих капиталистическому превращению мелкого хозяйства в крупное—эти пути закрывает.

«Из крестьян—сообщает т. Карпинский—идут в колхозы преимущественно маломощные бедняки, безземельные, малоземельные» [1]). Это понятно. Не владельцы окрепшего мелкого хозяйства, т.-е. справляющиеся уже сами с землей, а те, которые не могут с ней справиться, у которых нет скота, нет инвентаря, нет семян. Фактический сельский пролетарий, имеющий, благодаря разделу земли, небольшой надел и свою рабочую силу, но сверх этого—ничего, такой пролетарий вместо того, чтобы оторваться от земли и итти в город, организует коммуну, колхоз, товарищество. Поэтому т. Карпинский и приводит в той же статье данные, по которым 62% товариществ, 55% артелей и 44% коммун организованы на надельных землях.

И вместе с тем 41% колхозов не землеустроены; продуктивным и рабочим скотом обеспечены меньше, чем единоличные крестьянские хозяйства [2]). Это сопоставление кое о чем говорит. Оно подтверждает заявление тов. Карпинского о том, что в колхозы идут действительные бедняки. Вместе с тем приводимые в той же статье данные об обеспечении машинами показывают, что именно колхозы, т.-е. земледельческие об'единения безземельных и малоземельных крестьян, а не «окрепшего» мелкого крестьянства идут по пути «технического вооружения работников».

Миф о превращении мелкого хозяйства в крупное путем усиления мелкого хозяйства упускает из виду замкнутый натуральный характер этого хозяйства. Из этой ошибки непосредственно вытекает другая ошибка, будто под'ем мелкого хозяйства расширяет внутренний рынок. Это народническая «теория реализации» только навыворот. Внутренний рынок для индустрии, к сожалению, расширяется не благодаря росту мелкого хозяйства, а благодаря расширению и укреплению хозяйства так называемого «крепкого крестьянина». Мы говорим о том расширении, которое фактически имело место до настоящего времени. Но расширение спроса со стороны крепкого крестьянина имеет свои пределы. Эти пределы даны рабочей силой крестьянской семьи крепкого мужика и величиною надела. Поскольку наем рабочей силы представляется невыгодным, постольку приобретение средств производства, расширение «постоянного капитала» встречает предел. Между тем именно расширенное из года в год применение орудий производства в земледелии является базой внутреннего рынка. Крепкий крестьянин—не кулак и поэтому лишен возможности найма рабочей силы и расширения спроса на промышленные изделия в значительном размере, но он—кандидат в кулаки и именно тем, что использует на последнем пределе рабочую силу своей семьи и инвентарь, который можно применить на своем наделе. Оба эти положения признает и т. А. Смирнов в своей

[1]) «Правда» № 277 за 5/XII—24 г.

[2]) На 100 едоков приходится у единоличников 23,2 коровы и 18 лошадей, а в колхозах 15,5 коров и 10,8 лошадей.

статье «О трудовом крепком крестьянстве» [1]). Указывая на то, что «возможность той или иной эксплоатации маломощных со стороны этого слоя конечно есть», т. Смирнов далее подчеркивает: «Вместе с тем в трудовом крепком крестьянстве владение инвентарем даст возможность использовать до пределов труд своей семьи и тем самым получить более высокую его оплату... Таким образом большее благосостояние крестьянского хозяйства будет результатом не только наличия капитала, но и больших затрат труда».

Крепкий крестьянин это полное опровержение теории т. Крицмана. Он (этот крепкий крестьянин) есть окрепший мелкий хозяйчик. Однако он не обнаруживает никакой тенденции к «некапиталистическому превращению» своего мелкого хозяйства в крупное и вместе с тем очень быстро доходит до предела в своем расширении рынка для сбыта промышленных товаров.

Конечно, на известной стадии революции не исключена возможность и прямой поддержки пролетариатом единоличного мелкого хозяйства. Такую стадию в частности сейчас переживает революция в связи с массовым обеднением крестьянства, обусловленным голодом и недородами 1921—24 г.г. Такая поддержка мелкого сельского хозяйства есть необходимый политический маневр пролетариата, направленный к закреплению за собою симпатии своего колеблющегося союзника. Неправильно, однако, было бы видеть в этом политическом маневре «естественный» экономический закон развития народного хозяйства на пути к социализму. Хотя вопросы политической стратегии каждоминутно перекрещиваются со стремлением пролетариата к конечной цели, тем не менее исследование должно разделять оба эти элемента.

Указанный маневр поддержки единоличного мелкого хозяйства есть уступка со стороны пролетариата крестьянству. Как таковая, она, с чисто-экономической точки зрения, отдаляет нас от конечной цели, т.-е. от момента внедрения социалистического строя в сельское хозяйство. Конечно, будучи противной коммунизму с точки зрения экономической, эта уступка является необходимой с политической точки зрения, закрепляя союз победившего социалистического пролетариата с мелко-буржуазным крестьянством в единственной в мире стране диктатуры рабочего класса, окруженной враждебными и достаточно еще сильными капиталистическими странами.

Но на эту уступку мы и должны смотреть как на уступку, а не изображать дело (как это делает т. Крицман) так, как будто эта поддержка мелкого единоличного сельского хозяйства «не противоречит социализму» и представляет собою один из этапов последовательного и прямолинейного развития социалистической экономики. На деле, как мы видели, в ней выражается противоречивое положение пролетариата, строящего социализм в мелкобуржуазной крестьянской стране.

Но этот маневр, как всякий маневр, в котором отражаются противоречивые элементы действительности, имеет и свою вторую сторону. Закрепляя связь обширной крестьянской массы с пролетариатом, она позволяет последнему усиливать свою деятельность по укреплению коллективных, связанных с социалистическим государством сельских хозяйств. Таким образом поддержка

[1]) «Правда» № 27 3/II—25 г.

мелкого хозяйства несет в себе свое собственное ограничение, поскольку она проводится сознательно, как политика уступок. Этой стороны вопроса мы коснемся в дальнейшем.

IV. О некапиталистическом превращении мелкого хозяйства в крупное.

Отчасти этот вопрос был уже затронут выше. Мы видели, что окрепшее сельское мелкое хозяйство имеет непосредственно перед собою перспективу превращения в крепкое. зажиточное хозяйство. Здесь не видно никакого «социалистического характера». Разговоры об «особенной стати» периода пролетарской диктатуры, когда дело якобы меняется в сторону, противоположную тому, что было при капитализме, не имеют в данном случае никакого значения. Мы не знаем как долго могут держаться юридические затруднения для крепких мужиков, существующие ныне и препятствующие втягиванию их в усиленный товарооборот. Несомненно, однако, что эта форма землепользования самостоятельно не имеет никакой тенденции к превращению в социалистическую.

В самом деле, при каких условиях возможно превращение капиталистического или мелкого буржуазного землепользования в социалистическое? Для этого нужно прежде всего, чтобы произошел имущественный переворот в землепользовании, чтобы от частной собственности на средства производства перейти к общественной собственности. Частная собственность на землю отменена, но она существует применительно к средствам производства. Откажется ли добровольно крепкий крестьянин, т.-е. крестьянин, восстановивший свое мелкое хозяйство, от собственности на средства производства для того, чтобы уступить их сельско-хозяйственному товариществу или колхозу?— Нет, не откажется. Впрочем, это понимает и сам т. Крицман, так как он заявляет, что около половины мелких хозяев «разорены настолько, что возможность под'ема на основе мелкого единоличного хозяйства для нее, как для массы, закрыта». «У этой части мелких хозяев,—говорит он дальше,—только два выхода—отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата или об'единение для товарищеского хозяйства». Этим он как будто намекает на то, что другая половина не подвержена этой коллективистской тенденции.

Все это верно. Но как отсюда делается вывод о том, что коллективное хозяйство образуется вследствие роста, под'ема мелкого единоличного хозяйства—одному аллаху известно.

В только что приведенной цитате правильно указан путь «некапиталистического» превращения мелкого хозяйства в крупное. Это—путь ликвидации, уничтожения единоличного хозяйства, ставшего уже слишком невыгодным, чтобы его обрабатывать; фактическая полупролетаризация его владельца. Следовательно, не рост, не под'ем мелкого хозяйства. На этом последнем пути нет органического превращения в «социалистический характер» даже в эпоху пролетарской диктатуры.

Связь с «общей системой хозяйства, руководимой пролетариатом», здесь тоже не при чем. От того, что мелкобуржуазное земледелие связано с социалистической промышленностью, оно не перестает быть мелкобуржуазным. Родовой быт восточных скотоводов остается родовым бытом, несмотря на то, что они втянуты в общую систему хозяйства и пр. Конечно, они играют в этой системе подсобную роль; конечно, благодаря такой подсобной роли, эти отсталые формы скорее ликвидируются, погибнут, уступив свое место более высоким формам. Мелкобуржуазное земледелие играет в народном хозяйстве страны гораздо большую роль, чем родовой быт скотоводов Зауралья. Оно не мало влияет и на развитие социалистической промышленности. Поэтому здесь еще труднее процесс ликвидации старых отсталых форм землепользования и, во всяком случае, переход от одних имущественных отношений к другим.

«Крепкий» мужик будет «крепко» держаться за свою частную собственность. Поскольку это будет возможно, он будет вступать в сферу товарооборота, усиливая тем самым частно-собственнический характер своего хозяйства. Нэп питает эти частно-собственнические тенденции мелкого хозяйства и с своей стороны ими питается. Конечно, можно сказать, что в известном смысле и нэп служит цели социалистического строительства, но от этого ее экономика не теряет своей буржуазной природы. При системе нэп нет никаких перспектив на некапиталистическое превращение хозяйства крепкого мужика в крупное. Оно будет себе жить и развиваться, как живут и развиваются в советских условиях, например, концессионные предприятия. Как последние не имеют никаких видов на превращение в социалистические «мирным» путем, так равно и окрепшие мелкие хозяйства при своем дальнейшем укреплении усиливают свою буржуазную природу не «сращиваясь» и не «врастая» в социализм, а приходя с ним во все большие и большие противоречия.

V. О сельско-хозяйственных обществах, кооперативах и пр.

Но,—скажут нам—не сыграют ли тут некоторой роли всякого рода сельско-хозяйственные организации. Может быть они помогут этому некапиталистическому превращению мелких хозяйств в крупные?

Для ясности мы снова хотим этот вопрос поставить в его имущественном разрезе. Являются ли сельские кооперативы, сельско-хозяйственные общества, сельско-хозяйственные товарищества, кредитные организации и т. п. ячейками социализма? Как известно, т. Ленин придавал громадное значение кооперированию сельского населения. Послушаем, что он говорит об упомянутых организациях.

«При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».[1] (курсив мой. *А. Г.*).

Как видно, В. И. совершенно не обольщался насчет сельско-хозяйственных организаций. Он требовал перехода собственности

[1] Соч., том XVIII, часть II, стр. 143. «О кооперации».

на средства производства в руки государства. Конечно, мы очень далеки от того, чтобы начать немедленно выполнение этого требования. Но в приведенной цитате указан путь и из статьи В. И. вытекают определенные практические выводы.

Что же собою представляют эти общества? В справочнике ЦСУ находим некоторые элементарные данные.

Число кооперативов в 1913—14 г.г. и в 1923 г.[1]).

	1913—14 гг.	1923 г.
Кредитных коопераций	10.785	1.436
Сельско-хозяйственных товариществ	2.546	30.515
Сельско-хозяйственных обществ	2.713	
Промысловых кооперативов	—	7.362
Потребительских кооперативов	8.052	17.154
Прочих	367	1.154
	34.463	57.611

Бросаются в глаза три факта. Громадное уменьшение кредитной кооперации (почти в 8 раз); увеличение количества сельско-хозяйственных обществ и товариществ (почти в 6 раз) и удвоение числа потребительских кооперативов. Уменьшение кредитной кооперации легко об'ясняется политическим разгромом кулацких и тяготеющих к ним элементов деревни, составлявших, как известно, до революции, основную массу этого вида кооперированного населения[2]). Увеличение потребительской кооперации может быть об'яснено общим об'единением крестьянской массы, разрушением натурального строя хозяйства, вызванного голодом, падежом и ликвидацией скота и вызвавшего, в свою очередь, рост покупки продовольствия и др. предметов личного потребления за деньги. Наконец, рост сельско-хозяйственных обществ и товариществ так же об'ясним об'единением крестьянской массы, уменьшением рабочего и молочного скота, трудностью индивидуального возделывания земли. Таким образом, указанные цифры обличают современные трудности сельско-хозяйственного промысла.

Можем ли мы, однако, на основании этих общих соображений утверждать, что в эти организации идет преимущественно беднейшее крестьянство, лишенное скота и инвентаря, вполне—или полупролетаризированное? К сожалению, данные отнюдь не позволяют утверждать это категорически. Поскольку имеет место общее обеднение деревни, значительное уменьшение отдельных хозяйств (обмельчание), затрудняющее промысел, рост сельско-хозяйственного пролетариата, живущего продажей своей рабочей силы (отхожие промысла и т. п.), поскольку наиболее устойчивым ядром кооперации может легко оказаться как раз не беднейшее крестьянство, стоящее на грани пролетаризации, а более зажиточные слои середняков и «крепышей». Так, например, А. Хрящева приводит следующую характеристику кооперированного населения по 28 губерниям[1]).

---

1) Упомянутое, стр. 221 и 222.

2) Вот как характеризовал дореволюционную с.-х. кредитную кооперацию один из кооператоров, которого нельзя причислить к противникам этого вида кооперации: «Если же мы вспомним, что в кредитные товарищества вообще входят крестьянские хозяйства более состоятельные, и, во всяком случае, за бортом их остаются крестьяне наименее обеспеченные вообще и землею в частности, и, следовательно, более нуждающиеся в ней, то окажется, что товарищества эти обслуживают, главным образом, если не всецело, хозяйства не ниже среднего по зажиточности», см. ст. Зюрюкина в «Вестнике Кооперации» № 1 за 1915 год.

ГРУППЫ ПО ПОСЕВУ.	На 100 хоз. нанимающ. рабоч. кооперировано.	На 100 хоз. отпускающ. батраков в чуж. хоз. кооперировано.	На 100 хоз. без своих работников кооперировано.
С посевом до 2-х дес. земли	21,7	14,8	8,5
С посевом:			
2,1—4 дес.	27,1	13,8	6,9
4,1—6 дес.	37,4	13,9	5,5
6,1—10 дес.	35,6	24,5	8,5
Св. 10 дес.	42,0	22,0	14,5
Всего	30,1	14,6	7,4

На основании этих данных автор приходит к выводу, «что и по типу хозяйств и по размеру их, кооперируются более зажиточные хозяйства». Быть может, этот вывод нуждается в более подробных статистических подкреплениях[2]), но приведенные цифры обращают на себя внимание. Если выводы т. А. Хрящевой подтвердятся, то наша задача ставится в такой плоскости: каким образом направить деятельность кооперативных организаций в такое русло, чтобы они пришли к обобществлению инвентаря и рабочего скота? Совершенно очевидно, что голая формула т. Крицмана: «социалистический характер, так как втягиваются в руководимое пролетариатом хозяйство» (истинно, ибо верую) абсолютно не подходит. Корень вопроса находится гораздо глубже. Конечно, нам вряд ли угрожает опасность нарождения крупной буржуазии из этих кооперативных об'единений, но, несомненно, что если партия не определит своего отношения к этим организациям, то они могут оказаться поставщиками оппозиционной мелкой буржуазии, достаточно зажиточной, чтобы стремиться в кулаки и ограничиваемой в этом стремлении советскими законами. Тут нужны экономические мероприятия, которые дали бы государству преобладающее влияние или контроль в этих организациях. Такое влияние может дать в частности умелая кредитная политика.

Разумеется, легче провести эту линию по отношению к колхозам, в которые идет, если подтвердятся данные т. Карпинского, крестьянская беднота. Здесь уже в более практической и злободневной форме встают вопросы участия государства в обработке земли и достижения его преобладающего влияния в коллективных хозяйствах.

---

1) «Экономическая Жизнь», № 41. 19/II — 25 г.

2) В № 1 «Сельско-хозяйств. Кредит». за октябрь 1924 г. проведены некоторые данные, из которых видно, что бедняки также принимают участие в кооперативах (по крайней мере в некоторых районах).

VI. Выводы.

Мы подвергли рассмотрению основные вопросы, возбужденные т. Крицманом в его статье. Из вышеуказанного напрашиваются следующие выводы:

1) Лозунг — «Союз пролетариата и большинства крестьянства». Этот лозунг поставлен чисто формально. Он не имеет никакой практической ценности и не прибавляет ничего нового к той тактике, которая проводилась пролетариатом по отношению к крестьянству до сих пор. Пролетариат всегда опирался в деревне на союз с большинством крестьянства, а не со всеми элементами крестьянской массы. Если союз пролетариата с большинством крестьянства формулировался как «союз рабочего класса и крестьянства», то это об'ясняется только желанием сделать этот лозунг наиболее понятным и ясным для подавляющего большинства трудового крестьянства, ибо он действительно в общем и целом отвечал своему содержанию. С математической точки зрения он, конечно, был не точен. Точно так же можно, однако, сказать, что формула Ньютона о взаимодействии масс (обратно пропорционально квадрату расстояния между ними) не точна, потому что, как известно, на деле размер расстояния должен быть возведен в степень—$2^{1}/_{16}$. Однако, эта 16-я часть отбрасывается, ибо только благодаря такому упрощению, Ньютоновская формула становится понятной не только для специалистов, но и для громадной массы обучающихся.

2) О мелком хозяйстве. Ни об'яснения, ни практические предложения тов. Крицмана не могут быть приняты. Восстанавливающееся мелкое хозяйство, поскольку оно остается индивидуальным, приобретает замкнутый натуральный характер, а отнюдь не социалистический; уходит из сферы товарооборота и этим ослабляет базу для городской индустрии. Второй ступенью развития мелкого хозяйства при дальнейшем его укреплении становится возврат в сферу товарооборота. Однако, на этой стадии укрепленное мелкое хозяйство входит в сферу товарооборота уже как зажиточное крепкое хозяйство, стоящее на последней грани между трудовым землепользованием и кулацким хозяйством. Укрепляющееся мелкое хозяйство обнаруживает тем меньше склонности к отказу от индивидуального землепользования и к переходу к общественной собственности на инвентарь и рабочий скот, чем более интенсивно оно переживает процесс своего укрепления.

3) О кооперативах. В настоящее время трудно сказать, какие социальные элементы составляют основную массу кооперированного крестьянского населения. Однако, есть достаточно оснований предполагать, что зажиточное крестьянство играет далеко не последнюю роль в этих организациях. Политика государства по отношению к кооперации, в особенности производственной, должна быть направлена к усилению государственного контроля, а там, где это возможно, даже и участие в имуществе кооперативов, с тем, чтобы постепенно сделать эти организации экономически зависимыми от рабочего государства. Одной из мер в этом направлении является—умелая и гибкая политика сельско-хозяйственного кредита, проводимая органами государственной власти.

4) Колхозы. Поскольку позволяют судить имеющиеся данные, эти организации привлекают в большей мере бедняцкие и середняцкие полупролетаризированные элементы деревни. Здесь в особенности налицо благоприятные условия для внедрения государственной власти в имущественные взаимоотношения между членами колхозов. Снабжение инвентарем, семенами, рабочим скотом и проч. могут здесь привести, при более развитых формах, к прямому участию государства в качестве главного руководителя и собственника средств производства. Поэтому эта форма является наиболее подходящей для проведения такого кооперирования населения, при котором в дальнейшем будет иметь место обобществление средств производства в руках государственной власти.

5) Предложение о поддержке сельско-хозяйственных обществ и товариществ до тех пор, пока они не пользуются чужим трудом, как это предлагает т. Крицман, подлежит коренному пересмотру. Как раз наоборот, именно расширение применения живой человеческой силы, которое обусловливается усиленным применением сельско-хозяйственных машин, является наиболее желательной формой с точки зрения создания внутреннего рынка для городской промышленности. Однако, такое привлечение наемной рабочей силы в различного рода сельско-хозяйственные общества, товарищества, колхозы, кооперативы и проч., должно быть связано с политикой внедрения государства, в качестве одного из участников, в экономическую деятельность этих организаций.

Батырев.

По поводу статьи тов. Крицмана.

1. Кое-что о «необходимом превращении в капиталиста».

Основным вопросом при исследовании аграрных отношений в СССР является установление—неизбежно ли и в какой мере в современной деревне преобладание тенденции к расслоению над прочими возможными тенденциями. Т. Крицман по сему вопросу дает самые общие ответы, в роде того, что «Развитие мелкого хозяйства означает его развитие в сторону крупного хозяйства. По мере под'ема той части мелких хозяев, которые располагают необходимыми для ведения хозяйства средствами производства, будет расти и растет число зажиточных хозяйств, т.-е. таких, которые стремятся расширить свое хозяйство за пределы, ограничиваемые их собственной рабочей силой»... «Беднота—это потенциальные, возможные пролетарии... Зажиточные—это потенциальные, возможные капиталисты; преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа, а превращается, поскольку он остается собственником, в капиталиста... Применение наемного труда является для него необходимостью и означает необходимое превращение его в капиталиста».

Действие происходит в межпланетном пространстве, в условиях «идеального» капитализма. Но ведь для т. Крицмана не секрет, что описанный им процесс, процесс капиталистического развития сельского хозяйства протекает чрезвычайно своеобразно, видоизменяясь под влиянием целого ряда условий, привносимых из внешней среды: под влиянием условий мобилизации земельной собственности, ипотечной задолженности, хлебных цен, фискального нажима, наконец, такого внутреннего фактора (хотя, конечно, такое деление чрезвычайно условно), как семейные разделы! Именно поэтому, говоря о расслоении деревни в связи с накоплением, нельзя брать абстрактной формулы процесса, надо рассматривать явление в определенной конкретной обстановке. И темп и самая форма расслоения при накоплении в условиях неограниченного земельного простора значительно разнятся от темпа и формы расслоения в условиях парцеллярного земледелия или в условиях неизжитых крепостнических отношений, при низких хлебных ценах и хищнической «экстенсивной» фискальной политике. Правда, т. Крицман считает, что две аграрных революции расчистили почву в нашей деревне, сметя все пережитки крепостничества и устранив влияние крупного капитала. На этом т. Крицман и строит неизбежность накопления в идеально-капиталистических тонах («преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа», т.-е. накопляя, он

превращается в капиталиста), но тем самым он и допускает недопустимую абстракцию, при чем «абстрагируется» от такого «пустяка», как диктатура пролетариата и социалистическое хозяйствование в промышленности. Является ли в такой конкретной обстановке неизбежным превращение «преуспевающего мелкого буржуа» в капиталиста или под влиянием окружающей социальной среды, в условиях охвата деревни социалистическим хозяйством города, возможны иные пути накопления—этого вопроса т. Крицман не пытается даже поставить. Его основной аргумент в том, что накопление толкает крепкого крестьянина на капиталистический путь. Разве лучше будет, спрашивает т. Крицман, если капитал, стремящийся в сельское хозяйство, натолкнувшись на рогатки законодательства, направится в сферу торговли и ростовщичества? Но позвольте, а если накопляемый в сельхозяйстве капитал будет вовлечен в кооперативную систему торговли и кредита—в потребительскую, сельскохозяйственную или кредитную кооперацию? У нас вклады населения в низовую кооперацию не превышают 2—3 милл. руб. против довоенных 450 мил. руб. Это значит, что кредитная и с.-х. кооперация работают почти исключительно на средства государства, превращаясь из организации взаимного кредита в аппарат распределения гос. помощи нуждающимся хозяйствам. Конечно, в настоящее время нельзя создать кооперативного аппарата без солидной государственной поддержки, но задача привлечения средств населения вполне осознана кооперативными работниками, как основная. Подобное же положение мы имеем и в потребительской кооперации, работавшей до сих пор увязанными в торговый оборот средствами промышленности; теперь же, по мере оттягивания этих средств, мы стоим перед настоятельной необходимостью вовлечения средств населения. Рассчитывать при этом, что те 160 милл. р., в которых приблизительно выражается накопление крестьянского хозяйства, могут создать опасность капиталистического перерождения деревни—не значит ли это слишком недооценивать наши организационные возможности, если учесть, что у нас до 15% хозяйств уже вовлечены в аппарат сельскохозяйственной кооперации, и задача заключается лишь в том, чтобы превратить эту, в известной мере механическую, формальную связь в связь органическую, при которой развивающееся крестьянство врастало бы в кооперативную систему, отдавая ему излишки накопления и получая реальную поддержку в постановке рационального хозяйства «трудового» (мелкобуржуазного, т. Крицман, но врастающего в социалистическую систему) типа. Нам представляется, с «преуспевающим мелким буржуа» дело обстоит вовсе не так плохо. За хороший процент, вполне реальные льготы и поддержку в рационализации он будет иметь возможность вложить в кооперацию часть средств от своего «преуспевающего» хозяйства. Другое дело—захочет ли. Но тут уж вопрос организационных возможностей, вопрос умения направить процесс по желательному руслу, законопатив покрепче русла нежелательные, т.-е. прямопротивоположное тому, что предлагает тов. Крицман.

Посмотрим теперь, как обстоит с «потенциальными пролетариями»—с безлошадной частью крестьянства. Тов. Крицман определяет количество безлошадных хозяйств для 1924 г. в 32,6% всего количества хозяйств, т.-е. по сравнению с количеством без-

лошадных в 1922—33,7% и 1923—33,6%, оставшихся почти без изменений. Отождествляя безлошадные хозяйства с такими, которые из-за отсутствия средств производства не могут хозяйствовать, т. Крицман отсюда выводит необходимость открыть для этой категории возможность работать по найму. Но правильно ли это отождествление? Возьмем данные о действительном хозяйствовании, данные о группах по величине посева. Цифры эти, приводимые А. Хрящевой [1]), охватывают 1920, 1922 и 1923 г.г., но для нашей цели они достаточны, так как за 1924 год, год твердой валюты и относительного сжатия ножниц, восстановительные процессы, несмотря на неурожай, в общем и целом продолжались. Мы разбиваем данные на 4 группы (у т. Хрящевой разбивка несколько другая)—беспосевные, приблизительно то, чем для тов. Штерна являются безлошадные, т.-е. действительно не могущие приложить рук в своем хозяйстве, до двух десятин—беднота, «потенциальные пролетарии», от двух до шести—середняки с перевесом зажиточной части, и свыше шести—«крепкие хозяйства». Таблица такова (в %%).

	Год.	Беспосев.	С посевами дес.			
			До 2.	От 2 до 6.	Свыше 6	
6 потреб. губ.	1920	8,3	66,5	24,5	0,7	100
	1922	6,3	65,0	27,6	1,1	100
	1923	5,4	62,0	31,2	1,4	100
3 производ. губ. не пострадавш. от неурожая.	1920	2,6	35,9	55,3	6,2	100
	1922	2,4	34,8	53,9	8,9	100
	1923	1,0	25,8	61,4	11,8	100
4 производств. губ. пострадавш. от неурожая.	1920	4,6	25,5	55,9	14,0	100
	1922	5,2	50,1	40,5	4,2	100
	1923	5,1	36,7	49,7	8,5	100
Юго-Восток (1 область).	1920	31,4	17,7	23,6	27,3	100
	1922	17,3	27,5	33,8	21,4	100
	1923	18,6	19,9	34,6	26,9	100

Не касаясь пока Юго-Востока, что мы видим в остальных районах? По сравнению с 1920 г., годом максимальной нивеллировки, осереднячения крестьянства—количество беспосевных хозяйств падает в районах, непострадавших от неурожая 21 г., и незначительно (увеличение процента на 0,5) растет в районе пострадавшем; абсолютно беспосевные в 1923 г. составляют от 1,0 до 5,4% хозяйств. Число хозяйств с посевами до двух десятин почти без изменения в потребляющей полосе, значительно уменьшается в производящей, не пострадавшей от неурожая, и опять-таки растет в полосе пострадавшей. Хозяйства от 2-х до 6-ти десятин и свыше 6-ти дес. посева дают рост процента в двух непострадавших районах и падение в пострадавшем, при чем удельный вес последней (свыше 6 дес., т.-е. зажиточной) категории измеряется всего от 1,4 (в потребл. полосе) до 11,8 (в производ. не пострадавшей) процента.

[1]) «Экономическое Обозрение» № 9—10.

Следовательно, там, где не внесено временного перемещения неурожаем 1921 г. мы видим относительное уменьшение числа не только беспосевных, но и малопосевных хозяйств, и рост хозяйств устойчивых середняцкого и выше середняцкого типа (при чем в полосе потребляющей преобладают первые — 67%, а в районах производящих вторые — 72,2%). Во всяком случае, эта картина значительно отличается от типичного для процесса расслоения роста двух крайних групп при уменьшении групп средних. Повидимому, наряду с этой последней тенденцией действуют какие-то другие моменты, уравнивающие ее влияние. Известный сдвиг вниз мы находим в районе, пострадавшем в 1921 г., но и тут наряду с ростом беспосевных и малопосевных падает процент середняцких и зажиточных хозяйств, что опять-таки ничего общего не имеет с преобладанием тенденции к расслоению, при чем и тут, если сравнивать 1923 г. не с 1920, а с 1922 г., т.-е. взять только восстановительный процесс, движение цифр идет в направлении, характерном для непострадавших губерний—падение % без-и малопосевных, при росте высших групп.

Совершенно особняком по абсолютным цифрам стоит Юго-Восток, типичный район капиталистического земледелия до войны, во многом сохранивший свои характерные черты, район с 18,6% беспосевных и 26,9% свыше шести дес. посева; но исключение только подтвердит правило, если мы от статики перейдем к динамике, к движению отдельных групп за те же годы. При падении крайних групп—значительном для беспосевных и почти незаметном для зажиточной группы—процент средних хозяйств растет, при чем особенно заметен рост в сравнительно «самостоятельной» группе от 2-х до 6-ти десятин. Следовательно, и тут общая передвижка вверх получает преобладание над силами расслоения.

Особенно характерны для того же процесса другие данные, приводимые т. Хрящевой для 1.523 хозяйств в Тульской губернии, где при общем для данных хозяйств проценте расширения посева с 20 по 23 г. в 20%—наибольшее расширение—50% прежнего засева дали хозяйства, имевшие в 20 г. до двух десятин, на втором месте—21% дали хозяйства от 2-х до 4-х дес. посева, хозяйства же, сеявшие в 20 г. свыше 6-ти дес.—эти потенциально капиталистические хозяйства, увеличили посев только на 17%. И эта черта в конце концов характерна вовсе не только для советской экономики. Даже при самых благоприятных капиталистических условиях создание капиталистического земледельческого хозяйства тормозится целым рядом факторов — разделами, уходом капиталов в торговлю, в ростовщичество, в города

и т. д. Для современного положения характерны два основных условия. Во-первых, что эти процессы протекают на фоне общего народно-хозяйственного под'ема, когда, с одной стороны, по десяткам русел в крестьянское хозяйство притекают добавочные средства (отхожие промысла всякого рода), с другой стороны, даже безлошадное хозяйство, пользуясь в порядке отработок чужим инвентарем, может, благодаря сравнительно благоприятной рыночной кон'юнктуре, не только поддерживать, но и расширять запашки. Вторым характерным моментом является определенное государственное воздействие со стороны пролетарской диктатуры.

Вот, не угодно ли кое-что из этой области.

Процент безлошадных в захваченных кооперацией хозяйствах по губерниям: Самарская—40,1%, Козловский уезд Тамбовской губ.—40,0%, Уфимская—30,7%, Пермская—23,1% и т. д. Правда, наряду с этим существует, напр., Курская губ. (при меньшем среднего общем проценте безлошадных), дающая 5,6% из об'единенных в с.-х. кооперацию по отношению ко всем кооперативным хозяйствам; правда, даже 25—30% безлошадных из 15% кооперативных хозяйств вообще, т.-е. процента 4 всех хозяйств страны совсем не много по сравнению с долей безлошадных по республике—33—34%,—но разве это не дает картины *возможного перераспределения накапливающихся в сельском хозяйстве средств*, если учесть при этом ставку на вовлечение в систему кооперации средств населения.

Экономическое расслоение в деревне далеко не всегда проявлялось в форме выделения на одном полюсе наемного рабочего, на другом — предпринимателя-капиталиста. Гораздо чаще деревня выделяла на одном полюсе ростовщика, «поддерживающего» посредством кредита (или денежного или натурального) падающее мелкое хозяйство, на другом—«пролетария с наделом», ведущего только по видимости «самостоятельное» хозяйство. Очень характерен в этом отношении период низких хлебных цен мирового рынка, т.-е. 80-е, начало 90 г.г., у нас в России, когда в силу ряда условий (хлебные цены, налоговой пресс, крепостнические пережитки) капиталистическое хозяйствование являлось *экономически* невозможным, накопление же, хотя и чрезвычайно затрудненно, все же происходило; накапливающиеся средства, ища приложения, как капитал, шли именно в ростовщичество, тормозя, таким образом, пролетаризацию крестьянства (наряду с юридическими моментами) и давая юридически-прикрепленному к наделу падающему крестьянину экономическую возможность кое-как существовать на наделе, т.-е. вести потребительское хозяйство. Этот исторический пример может послужить для уяснения современного положения. Вложение капитала в с.-х. производство выше определенной трудовой нормы сейчас невозможно *юридически*. Пустив в ход более жесткие меры против всевозможных форм ростовщичества и вовлекая одновременно крепкие слои в сельско-хозяйственную и кредитную кооперацию, мы безусловно сумеем и накопление этих слоев, стремящееся по руслу кредита ростовщического, вовлечь в русло кредита кооперативного, после чего возможно и *перераспределение* этих средств, вложение их (конечно, не в порядке собезовском) в беднейшие, но способные подняться при наличии поддержки извне, хозяйства. Известное сходство с описанными процессами прошлого века в том, что и тут и там затруднено

вложение капитала непосредственно в с.-х. производство, невозможно капиталистическое хозяйствование, но возможна передача этого, если угодно, «капитала» (капитала для передающего, а не для применяющего в хозяйстве) в нуждающиеся в чужих средствах хозяйства трудового типа. Коренное же отличие в том, что, во-первых, эта передача в прошлом веке происходила в обстановке упадка сельского хозяйства под гнетом рыночных и фискальных условий; теперь же перераспределение средств происходит на фоне общего под'ема, *кредит является производительным и служит к выпрямлению падающего хозяйства*, к превращению его в самостоятельную товаропроизводящую единицу. Во-вторых, отличие в том, что кредит оказывает не ростовщик, а кооперативная организация, входящая в экономическую систему диктатуры пролетариата, т.-е. вместо кабального подчинения кулаку имеет место *увязка как кредитующего состоятельного хозяина, так и кредитующегося бедняка в одно целое со всей системой социалистического хозяйства.*

2. «Экономический базис» и «политическая надстройка» тов. Крицмана.

Таково конкретное содержание, которое нам представляется необходимым внести в абстрактные формулы тов. Крицмана. В об'ективной обстановке, следовательно, на ряду с тенденциями к расслоению действуют известные факторы, которые приводят *к обратному рассасыванию отслаивающихся групп*, к осереднячиванию на фоне общего под'ема, при чем имеется об'ективная возможность *социалистического охвата* этих процессов через кооперативный аппарат. Не разглядеть этой стороны вопроса, говоря об экономической политике в деревне, не значит ли проявлять величайшее легкомыслие.

Но, конечно, одной *возможности* социалистического охвата недостаточно. Это именно только *возможность*, для реализации коей надо и немного понимания дела, и организационной энергии, и уменья подойти к деревне. Конечно, то, что выдвигает т. Крицман, есть *линия наименьшего сопротивления*. Потому-то для защиты этой линии он и утверждает предварительно, что собственно наша с.-хоз. политика есть не более, как уступка мелкобуржуазным уравнительным иллюзиям крестьянства, что с под'емом сельского хозяйства эти иллюзии изживаются, что «пролетариат сам по себе не заинтересован, чтобы ставить капитал в сельском хозяйстве в иные условия, чем в промышленности». Если т. Крицман прав и для нас действительно безразлично, будет ли деревня деревней «просвещенных кооператоров» или деревней не менее «просвещенных» капиталистов, тогда действительно—к чему «огород городить»? Не проще ли покончить со всевозможными «утопиями» и «пойти на выучку»... т.-е., виноват, это из другой оперы... пойти по линии наименьшего сопротивления т. Крицмана?

Немного совестно писать на эту тему. Поневоле приходится изрекать «с ученым видом знатока» ставшие самоочевидными истины. Неужели не ясно, что в промышленности социалистическим государством заняты совершенно иные и политические и экономические позиции, с которыми не могут пойти ни в какое сравнение позиции государства в земледелии.

Неужели не ясно, что если в промышленности частный капитал незначительно дополняет национализированные предприятия, главным образом, в обслуживании местного рынка, то в деревне выдвигаемая т. Крицманом «конкуренция между крупным капиталистическим и крупным коллективистическим хозяйством» является опаснейшим явлением. Нам нужна как в сельском хозяйстве, так и в промышленном производстве не «свобода конкуренции», а захват рынка в основной, решающей части; что в промышленности, имея эту решающую часть в руках, мы такую роскошь, как конкуренцию частного капиталиста, допустить можем, а в сельском хозяйстве, не имея такой решающей части, мы этой роскоши допустить не можем. И еще более безнадежной фразой является такое с позволения сказать «построение» т. Крицмана. На ряду с конкуренцией между «крупным и крупным» хозяйствами будет, изволите ли видеть, происходить конкуренция «крупных хозяйств с мелкими», т.-е., проще говоря, колхозов и частных капиталистов с крестьянином-середняком, и эта конкуренция «будет побуждением к товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы». Позвольте, когда, на какой стадии конкурентной борьбы «будет побуждением»? Для поднимающихся мелких хозяйств с перспективой капиталистического накопления не «будет побуждением». А для побитых в конкуренции, на ¾ экспроприированных, ограбленных этим же самым «крупным хозяйством» одного «побуждения» мало, надо еще и финансовую поддержку. На внутри сельско-хозяйственное накопление, очевидно, рассчитывать нечего, оно при таком обороте дела будет целиком итти в свое хозяйство, карабкающееся кверху, по дорожке капитализма. Значит, опять за сокольниковскую дойную коровку приниматься? Конечно, без государственной финансовой поддержки и сельско-хозяйственную (кредитную, потребительскую тоже) кооперацию не наладишь. Но одно дело кредитная поддержка; другое дело организация чуть ли не всего середняцкого хозяйства «на казенный счет» в колхозы! Ведь «ежели бы нам да такую сумму»... тогда, спрашивается, зачем вообще переход через НЭП? Прямо бы из «героического периода» и занялись бы «прыжками в царство свободы!» А если т. Крицман невиновен в данном случае в «недооценке НЭП'а» (роковым образом превращающейся в «переоценку»), если он предполагает обойтись без помощи с Ильинки (НКФ)—тогда совсем странно. Хорош «конкурент» будет вырастать у «преуспевающего» сельскохозяйственного капиталиста—конкурент, об'единяющийся в крупное коллективное хозяйство, после того как его высосал, разорил, закрыл всякую возможность индивидуального существования этот же самый капиталист. Какую бы экономию ни давало коллективное ведение хозяйства, по старой, излюбленной еще Бельтовым, пословице—«для того, чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь зайца». Чтобы конкурировать, надо иметь с чем конкурировать. В начале статьи мы сказали, что рассуждения о колхозах являются у т. Крицмана соусом, под которым преподносится основное содержание. Как видим, соус достаточно безвкусен, ибо все рассуждение совершенно нереально.

Итак, т. Крицман не ограничивается вопросом о наемном труде, для него разрешение сельско-хозяйственного найма имеет значение только на фоне общей его ориентировки в вопросах с.-х. политики. Посмотрим, как мыслится им дальнейшее развитие общественных отношений в деревне: «В условиях господства пролетариата развитие сельского хозяйства будет итти не так, как оно идет в условиях господства капитала». После такой фразы т. Крицмана можно ожидать действительного анализа особенностей развития и указания наших конкретных задач в направлении поголовного кооперирования, как подступа к социализму. Именно анализа особенностей в статье т. Крицмана и не оказалось, наши же конкретные задачи выступают в следующей форме: «Под давлением конкуренции вообще (и в частности конкуренции капиталистического сельского хозяйства) мелкие хозяйства будут толкаться в сторону все более широкого об'единения в коллективы». Посему и рекомендуется: поддержка советским государством образующихся коллективов, организация с.-х. батраков, наконец, посильная экономическая поддержка мелкого хозяйства, при чем эта последняя, поскольку основное направление процесса идет по линии расслоения роста батрачества, колхозов и капиталистов-предпринимателей, явится повидимому мерой полусобезовского порядка, хотя и в кооперативной форме.

Имеет ли такая перспектива развития что-нибудь общее с теми задачами, которые выдвинул т. Ленин, когда указывал на необходимость «сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами», когда он говорил, что «максимальное кооперирование населения», в настоящих условиях, «есть все необходимое для построения социализма» или может быть «максимальное» «поголовное» кооперирование в понимании Вл. Ил. это и есть колхозы т. Крицмана? Сомнительно, ибо говорить о поголовном кооперировании и исходить при этом из перспективы расслоения, перспективы легализации с.-х. капитализма—значит говорить одно, а думать другое. И т. Крицман так и делает: отдав в начале статьи должное кооперированию через «обращение», он потом просто забывает о нем, выдвигая свою панацею всех зол—колхозы. Почему т. Ленин считал кооперирование подступом к социализму? Потому, что кооперация открывала возможность «перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина». Является ли об'единение в колхозы простым, легким и доступным для крестьянина? Очевидно, что нет. Т. Крицман сам считает, что к колхозам крестьянин придет только выварившись предварительно в котле капиталистической конкуренции. Ясно, что и в понимании пути дальнейшего развития деревни и в понимании наших задач т. Крицман весьма далеко отошел от статей В. И. на сию тему.

Наша экономическая политика в деревне, по мнению т. Крицмана, есть «утопическая попытка юридически запретить капитализм в сельском хозяйстве». Ну, а если мы, тов. Крицман, основываясь на известных об'ективных тенденциях развития, подведем под «юридическую попытку» экономический базис—кооперирование населения, именно, как мелких производителей, именно в процессе обращения—и не таких, как это мыслите себе вы—не как поддержку разлагающегося крестьянства и средство овладения им, пока оно не разложилось, а как противовес процессам социального расслоения деревни, как средство социалистической увязки!

Разве в Октябре мы не сделали подобной же попытки, которую многие ученые «марксисты» именовали «утопической попыткой юридически запретить капитализм». И, однако, мы оказались большими реалистами, чем эти умники, потому что мы знали, что пролетариат сумеет под «юридическую» «попытку запретить» подвести вполне реальный базис социалистической экономики. Перед такой же задачей по отношению к деревне мы стоим в настоящее время, и всякому не совсем беззаботному насчет ленинизма должно быть известно, что В. И. в своих последних статьях выдвигал именно эту задачу. Считать такую перспективу развития (приблизительно ее механику мы попытались представить выше), перспективу, *увязывающую крепкого*, стоящего на грани капитализма, но не переходящего ее под давлением системы юридических и экономических мероприятий хозяина, *увязывающую его с бедняком и середняком*, получающим кооперативный кредит и на фоне общего с.-х. под'ема поднимающимся как товаропроизводитель; *увязывающую их в кооперативную систему*, входящую как часть в общую систему социалистического хозяйства,—считать такую перспективу утопией при общем народно-хозяйственном росте, собирании пролетариата, росте партии за счет ее рабочей части—является неверием в наши творческие силы, является, по существу, *ликвидаторским настроением*.

«Утопическая попытка» не это. Утопическая попытка—«легализовав» «капитализм в сельском хозяйстве», сохранить: 1) экономическое преобладание на с.-х. рынке, а, следовательно, и возможность регулирования всего хозяйства, 2) политическое влияние на всю массу крестьянства, а, следовательно, и политическое преобладание вообще. Экономическую сторону вопроса мы уже рассматривали. Перейдем к вопросу о *политической ориентации*, вопросу, поставленному т. Крицманом в начале его статьи.

Союз пролетариата и крестьянства,—говорит тов. Крицман, нужен и законен в борьбе с крепостничеством и крупным капиталом. В борьбе за преодоление остатков капитализма пролетариату не по пути с капиталистическим крестьянством. Кажется, все гладко; посмотрим, однако, где ищет т. Крицман этих зловредных крестьян-капиталистов.—«Капиталистическая и полукапиталистическая часть крестьянства теперь численно ничтожна это 2—3%... слой зажиточных, крепких крестьян, кандидатов в крестьянские капиталисты едва ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств. По данным ЦСУ, крестьянские хозяйства с более чем двумя головами рабочего скота составляли по 25 губ. РСФСР за 1924 г. только 4% всех крестьянских хозяйств, с 2 головами—10%».—Теперь ясно, кого исключает т. Крицман из той «части» крестьянства, союз с которой возможен для пролетариата на пути к социализму. Это—трех—четырехлошадные «капиталисты» и двухлошадные «кандидаты в капиталисты». Одним словом, признаком, отделяющим капиталиста от мелкого производителя, является для т. Крицмана лошадность, т.-е. *фактор, лежащий в сфере с.-х. производства*. Но ведь у нас пока еще не отказались от «мелкобуржуазных утопий» и «юридически запрещают» капитализм в сельском хозяйстве! Что такое наши многолошадные? Это *по большей части* многосемейные, потому что аренда земли и наем рабочей силы—условия многолошад-

ности малосемейного не могут получить у нас широкого развития уже в силу того, что проще и выгоднее вложить избыток капитала (пока мы не сумели охватить крестьянство кооперативной системой) в торгово-ростовщические операции. Тов. Крицман ищет капиталиста не там, где надо. Действительное накопление *капитала* возможно при настоящих условиях, как массовое явление—в сфере обращения и кредита в форме роста ростовщичества и торгового капитала. Но ростовщика мы не назовем крестьянином, хотя бы он и вел свое крестьянское хозяйство; это «кулак» и как таковой он выключен из нашей политической системы. Разница же тут не в том, что такой тип капиталиста при правильной кооперативной, налоговой и т. д. политике *будет исчезать*, а потому и не приходится говорить о том, чтобы на весь период изживания капитализма отмежевываться от какой-то «части крестьянства». Мифический же, как массовое явление, «крестьянин-капиталист» т. Крицмана по его схеме *будет расти* по своему удельному весу; поэтому-то т. Крицман и приходит к совершенно ошибочному заключению о необходимости *политической изоляции* (ибо говорить о замене лозунга союза пролетариата и крестьянства лозунгом союза пролетариата и части крестьянства, если это не одна голая фразеология, значит говорить о политической изоляции той части, которую мы не включаем в союз) *всей «крепкой» части крестьянства*. В то время как мы, исходя из той мысли В. И. Ленина и что только после победы революции крестьянство в своей массе может выступить как действительный союзник пролетариата,—при условии правильной политики со стороны последнего,—надо сказать с известными трудностями поворачиваемся «лицом к деревне», т.-е. именно *к союзу со всей массой крестьянства*, при чем на преодоление «внутренней инерции» затрачиваем столько, что т. Сталин прямо заявляет (может быть, несколько перегибая палку), что от того поймут товарищи на местах нашу политику или не поймут, зависит существование Советской власти, в это время т. Крицман находит капиталиста по признаку лошадности в мало-мальски состоятельном крестьянстве и, не найдя, изгоняет его из «союза».

С самого начала тов. Крицман выделяет из сравнительно однородной, в массе некапиталистической деревни 5—10% *потенциальных, возможных* капиталистов и, открывая им капиталистический путь развития, в то же время изолирует их политически. Но не очевидно ли, что *дав возможность капиталистического накопления*, мы, *тем самым, создаем экономическую базу для политического влияния этой, якобы, изолированной части на самые широкие слои «трудового» крестьянства*, потому что это есть мелкобуржуазное крестьянство и когда ему приоткрывают дверь к капитализму, оно тоже тянется к капиталистическому типу развития и авансом принимает капиталистическую идеологию до тех пор, когда оно на практике убедиться в «иллюзорности» своих надежд и с'организуется в колхозы по рецепту т. Крицмана. Не ясно ли, что «изолируя» «капиталистическое крестьянство», т. Крицман на деле изолирует пролетариат, отдавая деревню и политически и экономически во владение частного капитала, «изолируя» капиталистическое крестьянство, вместо того, чтобы растворить его и экономически и политически, ставит пролетариат

в деревне в положение одной из конкурирующей, притом слабейшей стороны, вместо роли гегемона, которая должна принадлежать пролетариату на путях к социализму.

В период военного коммунизма, будучи вынуждены к порядочному экономическому нажиму на крестьянство, все мы—кто в большей, кто в меньшей степени «из нужды сделали добродетель», подсчитав, что в вопросах экономического строительства социализма в сельском хозяйстве наилучший путь ведет через головы или, в лучшем случае, в обход крестьянской массы, через всевозможные «коммуны», артели, совхозы и т. д. В общем и целом для того момента это выражало некоторое хозяйственное расхождение с массой крестьянства, расхождение, отнюдь не означавшее отхода от ленинизма, ибо тогда центр тяжести лежал в политическом союзе, хозяйство обслуживало войну, экономика обслуживала политику. Но взятые изолированно от конкретной политической обстановки методы военно-коммунистического хозяйствования, равно как и элементы военно-коммунистической психологии, являются несомненным уклоном от ленинизма, уклоном в сторону перепрыгивания через крестьянство в сторону подхода к нему со старыми городскими схемами, недооценки его конкретных особенностей. Именно поэтому переоценка отдельных сторон военного коммунизма в современных условиях может связываться, как ни парадоксально это звучит, с переоценкой элементов капитализма и с недооценкой сил пролетариата.

Пример сему—статья тов. Крицмана. Но это уже тема особая.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Н. Ленин.

К вопросу о диалектике*).

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см[отри] цитату из Филона о Гераклите в начале III части (о „познании“) Лассалевского Гераклита) есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом resp.[1]) с Гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики д[олжна] б[ыть] проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр. у Плех[ано]ва) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется, как сумма примеров [„напр. зерно“, „напр. первоб. коммунизм“ тоже у Энгельса. Но это для популярности...], а не как закон познания (и закон объективного мира).

В математике + и −. Дифф[еренциал] и интегр[ал].

„ механике действие и противодействие.

---

*) Печатаемая рукопись Ленина о диалектике любезно предоставлена редакции Ленинским Институтом. Эти странички входят в состав одной из философских тетрадей Ильича. На обложке этой тетради рукой Ленина написано: „Философия“, а дальше под чертой: „Разное“, а содержанием же ее являются заметки и выписки из разных книг по вопросам естествознания и философии. Рукопись воспроизводится совершенно точно, пропуски допущены (соответствующие места текста оговорены в примечаниях) лишь по отношению к двум неразобранным словам; кроме того, опущен по техническим соображениям, греческий текст цитаты из Аристотеля, приведенный Лениным и по-гречески и по-немецки. Ограничиваясь на этот раз лишь самым необходимым поясняющим текст материалом, редакция в следующем, или одном из ближайших, номеров поместит специальную статью, посвященную этим рукописям.

Редакция.

[1]) Одновременно, вместе с тем.

В физике полож[ительное] и отриц[ательное] элво [электричество].

„ химии соединение и диссоциация атомов.

„ общв. [общественной] науке кл[ас]с[овая] б[орь]ба.

Тождество противоположностей („единство“ их, м. б. вернее сказать? хотя различие терминов „тождество“ и „единство“ здесь не особ[енно] существенно. В изве[стном] смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в т.[ом] ч.[исле]). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, к[а]к уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие суб'ективизма (скептицизма и софистики etc[2]) от диалектики, м[ежду] пр[очим] то, что в (об'ективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для об'ективной диалектики и в релятивном есть абсолютное. Для суб'ективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двиг[ательная] сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, суб'ект, etc[2]). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“-движения.

У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение бурж[уазного] тов[арного]) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ б[у]рж[уазного] об[ще]ства) все противоречия (resp[1] зародыши всех противоречий) совр[еменного] об[щест]ва. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ[3]) его основных частей, от его начала до его конца.

---

[2]) И так далее.

Таков же д[олжен] б[ыть] метод изложения (resp[1] изучения) диал[екти]ки вообще (ибо диал[екти]ка... (слово не разобрано)... у Мх [Маркса] есть лишь частный случай диал[екти]ки).. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc[2]) с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диал[ектика]: отдельное есть общее. Ср[авни] Aristoteles, Metaphysik[4]) пер. Швеглера Bd II. 8. 40, 3 Buch 4 Capitel 8—9[5]): „denn natürlich kann man nicht der Meinung seyn, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern[6])“.

Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, к[ото]рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, об'ект[ивной] связи природы etc[2]. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уж здесь, ибо говоря: Иван есть ч[елове]к, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, к[а]к случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Так[им] обр[азом] в любом предложении можно (и должно), как в „ячейке“ „клеточке“ вскрыть зачатки всех эл[ементов] диал[екти]ки, показав так[им] обр[азом], что всему познанию ч[елове]ка вообще свойственна диал[екти]ка. А ест[ество]знание

---

[3]) Греческая буква „сигма“, употребляемая в математике для обозначения суммы.

[4]) Аристотель. Метафизика.

[5]) Т. II, стр. 40, 3-я книга, гл. 4.

[6]) Ибо, очевидно, невозможно думать, будто какой-то дом вообще существует вне (помимо) видимых домов.

показывает нам (и опять таки это надо показать на любом, простейшем примере) об'ективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диал[екти]ка и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не „сторона" дела, а суть дела) не обратил внимания Плех[ано]в, не говоря уже о других марксистах.

* * *

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. Логику) и соврем. „гносеолог" естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял) Paul Volkmann (см. его Er. theor. Grundzüge... 5)[7]).

> [Обязательна ли хронология? Нет!]
> „Круги" в философии:
> Античная: от Демокр[ита] до Платона и диал[ектики] Гераклита.
> Возрожд: Декарт v[ersu]s[8]) Gassendi (Spinoza?)
> Новая: Гольбах—Гегель через Беркли, Юм, Кант Ге[гель]—Фе[йе]рб[а]х—Мх [Маркс].

Диал[екти]ка как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действ[ительно]сти (с фф. [философской] системой, растущей в целое из каждого оттенка —вот неизмеримое богатое содержание по сравн. с „метафизическим" материализмом, основная беда коего есть неумение применить диал[екти]ки к Bildertheorie[9]) к процессу и развитию познания.

Ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть т[оль]ко чепуха с т[очки] зре[ния] материализма грубого, [не разобрано] метафизичного. Наоборот, с то[чки] зре[ния] диал[ектическо]го м[а]т[ериа]ли]зма] ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть одностороннее, преувеличенное, überschwängliches[10] (Dietzgen) развитие (раздувание, распухивание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от пр[иро]ды, обожествленной. Ид[еали]зм есть поповщина. Верно. Но ид[еали]зм ф[илосо]ф[ский] есть („вернее" и „кроме того") дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека.

NB. сей афоризм.

Познание человека не есть (resp.[1] не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию, которая если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота voila[11]) гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= ф[илосо]ф[ского] ид[еали]зма), конечно, есть гносеол[огические] корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного истинного, могучего, всесильного об'ективного, абсолютного человеческого познания.

---

[7]) В русском издании книга Фолькман, П., называется: „Теория познания естественных наук".

[8]) Против.

[9]) Теория развития.

[10]) Чрезмерный, беспредельный.

[11]) Вот.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

БУХАРИН. К вопросу о троцкизме. Госиздат, 1925 г., 192 стр.

В книге тов. Бухарина собран ряд его статей, посвященных чрезвычайно жгучим вопросам, всплывшим перед партией во время последних дискуссий. Представляя собой развернутый критический анализ, блестящий по форме, сокрушительный по своему содержанию, той «системы взглядов», какой является троцкизм,—сборник статей Н. И. Бухарина по своему значению для широкой массы членов нашей партии дает еще больше, чем указано в его заголовке. Эта работа — ценный вклад не только «к вопросу о троцкизме», но она представляет собой и превосходное критическое руководство «к вопросу о ленинизме». Сейчас нам «необходимо особенно усиленно оттачивать свою общую линию», говорит автор. И если «пропаганда ленинизма является одной из настоятельнейших задач времени», то «на критике уклонов от ленинизма очень хорошо выяснить и особенность этого учения, последователями которого мы себя признаем».

«Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма» (стр. 100). И понятно, что выяснение основ этого учения, теоретическая разработка общих и частных проблем рабоче-крестьянского блока лежит в центре внимания автора. И «троцкизм» и «ленинизм», и «проблемы рабоче-крестьянского блока» —это—три основные группы вопросов, сплетенные друг с другом теснейшими логическими узами и по этим трем направлениям идет работа мысли Н. И. Бухарина.

Пожалуй, одним из самых выдающихся достоинств сборника является то, что в нем автору действительно удалось собрать в одно логически законченное целое, увязать воедино, *синтетически охватить* целую массу различных, во время последних дискуссий циркулировавших порою совершенно разрозненно, вопросов. Необходимость все об'единяющей синтетической увязки множества отдельных проблем сам тов. Бухарин непрестанно подчеркивает на протяжении всего сборника.. «*Отдельные* проблемы и *отдельные* разногласия увязываются сейчас в основные «теоретические узлы», в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,—все это теперь сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся все эти, сами по себе крупнейшие вопросы, является *проблема рабоче-крестьянского блока*» (стр. 64).

Дать читателю не механическую *сумму* разногласий, существующих между партией и т. Троцким, но представить и развить их, как определенную *систему*, выстроить эти разногласия в единую

«шеренгу»—с этой стороной дела тов. Бухарин в полной мере справился.

После статьи «Долой фракционность»—единственной в сборнике, написанной еще во время первой дискуссии—и после статьи «Как не нужно писать историю Октября», представляющую собой первую отповедь центрального органа нашей партии геростратовски знаменитым «Урокам Октября» т. Троцкого—Н. И. Бухарин переходит к «вопросу об экономическом обосновании троцкизма», к разбору попытки начертать «Основной закон социалистического накопления», которую сделал тов. Е. А. Преображенский в известной статье в «Вестнике Ком. Академии». Яркими штрихами тов. Бухарин беспощадно вскрывает теоретическую фальшь, ограниченно цеховую тенденцию и политическую опасность этой попытки. Сбитие с толку своеобразным «тредюнионистским» подходом некоторые товарищи в целях форсирования процесса накопления нашей социалистической промышленности предлагали пойти по линии наименьшего сопротивления. Перед ними замаячила идея «накоплять» за счет мужика без надлежащей меры, развивать социалистическую госпромышленность посредством социально-экономической «эксплоатации» крестьянства, стать на путь «пожирания мелкобуржуазного хозяйства, на путь превращения его в хозяйственную «колонию» для «социалистической метрополии». Но двинуться по такой заманчивой дорожке—означало бы «погубить рабоче-крестьянский блок», на котором зиждутся всемирно-исторические успехи нашей партии. Это доказывает тов. Бухарин.—Не «царство пролетариата», а коммунизм, не «пожирание крестьянского хозяйства», а его «переделка»; не классовое порабощение крестьянства, а «союз» с ним, классовое руководство им; не «монополистический паразитизм» госпромышленности, но «социалистическое продвижение вперед»,—таковы те контрположения, такова та смертоносная батарея антитез, выдвинутая тов. Бухариным против «Основного Закона» т. Преображенского.

Статья о «теории перманентной революции» представляет для читателя исключительный интерес. «Вопрос о перманентной революции есть вопрос об *общей оценке хода нашей революции*, вопрос о ее движущих силах, «вопрос о соотношении между основными *классами* нашего общества»... Немудрено, что в учении о перманентной революции все отдельные частные ошибки т. Троцкого завязаны как бы в один общий узел. Но именно поэтому на теории перманентной революции лучше всего, удобнее всего продемонстрировать «основной порок всего троцкизма»,—впитанную в плоть и кровь его недооценку крестьянства. «Теория перманентной революции» Маркса с такой же теорией Троцкого ничего общего, кроме чисто терминологического созвучия, не имеет. Ни в 1905 г., ни даже в 1917 году троцкистская трактовка «движущих сил» не была и не могла быть занесена на знамена большевистской ленинской партии. Не могла потому, что она насквозь отравлена ядом скепсиса по отношению к основному классовому союзнику и помощнику пролетариата—к крестьянству. Без «государственной поддержки» пролетариата передовых стран русский рабочий класс, ставший у власти, должен фатально попасть под топор крестьянской Вандеи; так зловеще пророчила теория перманентной революции тов. Троцкого. Эта несимметрическая теория уже оказалась битой практикой, семилетней историей диктатуры пролетариата в Советской России. Вместо антипролетарской мужицкой Вандеи мы имеем нерушимый рабоче-крестьянский блок. Установив крах теории перманентной революции на государственной арене СССР, тов. Бухарин доказывает неизбежность и неотвратимость ее краха и на арене международной.

Самым неожиданным критическим парадоксом данной работы Н. И. Бухарина является то положение, что, если последовательно и твердо стоять на позиции «перм. революц.», даже в случае «государственной поддержки» иностранного пролетариата пролетарская революция обречена на поражение, как бы не утверждал о противном сам тов. Троцкий. Ибо, «если конфликт между пролетариатом и крестьянством неизбежен, неотвратим и проч., то он неизбежен и неотвратим даже при мировой победе пролетариата. Крестьян—огромнейшее большинство на нашей планете. Если у пролетариата нет средств вести это большинство за собой, то или международная революция тоже обречена на крах, или ее нужно откладывать (по Куновзу) до того времени, когда образуется пролетарское большинство». «Нельзя же думать», с полным логическим правом иронизирует тов. Бухарин, «что придется взрывать «земные границы» и ждать помощи чисто пролетарских небесных сил, да при том еще в «государственной форме»! (стр. 120).

В заключительной статье сборника «К критике экономической платформы оппозиции», носящей ехидный подзаголовок «Уроки Октября 1923 г.», тов. Бухарин критически подытоживает прошлогоднюю экономическую дискуссию. Начав с вводной общей социологической главы о «диктатуре пролетариата и классах», автор в дальнейшем развертывает свою критику от общего к частному, от абстрактных проблем постепенно спускаясь по логической лестнице все ниже и ниже к вопросам более конкретного порядка. От проблемы хозяйственной смычки тов. Бухарин переходит к вопросам «диктатуры промышленности» и «плана», затем к анализу нашей «политики цен» и денежной реформы. В заключение дается опять обобщающая глава к постановке вопроса о «социалистическом накоплении» на фоне борьбы с частным капиталом. Этот опыт критического обобщения прошлой экономической дискуссии сам по себе чрезвычайно важный, в данном случае интересен еще и тем, что в нем тов. Бухарин разделывается и с некоторыми неверными «ходячими формулировками», фиксировавшими «разницу двух промышленных политик», которые боролись во время дискуссии. Неверным и вульгарным об'являет Бухарин тот взгляд, будто «оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления...» ЦК стоял не вообще за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль на единицу товара. ЦК стоял не вообще за медленный темп накопления, а за то, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства и в конечном счете получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления» (стр. 182).

«Оптимум» (т.-е. такой темп, который, как раз и нужен) «социалистического накопления» соответствовал линии ЦК, а не линии оппозиции. Метод высоких прибылей и высоких картельных цен, на который ориентировались «оппозиционные» экономисты, не только не ускорял, но об'ективно тормозил процесс накопления. Процесс накопления невозможен вне процесса реализации. Реализация осуществляется в сфере обращения, сфере товарооборота. Высокие цены замедляют процесс товарооборота, замедляют товарную реализацию и, следовательно, замедляют самый темп накопления». «Время оборота капитала... есть сумма времени производства» и «времени обращения» (182). Забыв эту истину второго тома «Капитала», которая теперь вдруг засверкала огнем актуальнейших политических споров—оппозиция захотела осуществить невозможное: ускорить обороты капитала социалистической промышленности замедляя «время обращения» этого капитала. И тов. Бухарин детально прослеживает, как оппозиция запутывалась все больше и больше в сетях этого противоречия.

В заключение обратим внимание читателя-партийца на два места в сборнике. Оба они чрезвычайно существенны для понимания теоретических основ ленинизма. В первом из них тов. Бухарин, опираясь на знаменитое положение В. И. Ленина о «звене», аналитически расшифровывает особенности ленинской диалектики. «Можно было бы, сказать, что у тов. Ленина, на ряду с гениальным проведением великих исторических перспектив, были три черты, которые являются выражением... мастерского овладения марксистской диалектики со стороны Ленина: это, во-первых, величайшее умение в первую очередь находить своеобразное в каждой отдельной обстановке, видеть оригинальное, отдельное, неповторяемое в каждой исторической полосе, в каждом историческом моменте; во-вторых, умение видеть переходы от одного положения к другому, видеть, как одна историческая полоса переходит в другую историческую полосу, как одна ситуация, одна кон'юнктура переходит в другую; наконец, в-третьих, что вытекает из этих двух основных черт,—величайшее умение выделить на каждой исторической полосе (в «текущем моменте», как мы говорим на своем политическом жаргоне), то основное звено, за которое нужно ухватиться (стр. 100—101). Эти, так сказать, «три кита» ленинской логики тов. Бухарин наглядно иллюстрирует на примерах с Брестом и «планом».

Второе—на что мы хотели обратить внимание, это уже упомянутая нами первая глава из «эк. платформы»: «диктатура пролетариата и классы». В ней тов. Бухарин проводит имеющее огромное значение методологическое разграничение между «сотрудничеством классов в обществе» и сотрудничеством их «в государстве», в сфере «политической надстройки». На перепутывании этих, кардинально отличающихся друг от друга, постановок вопроса основаны как некоторые недоразумения и теоретические заблуждения в нашей собственной среде, так и некоторые злопыхательства заграничных социал-демократов вроде Отто Бауэра. Сотрудничеству классов в обществе (т. Ленин писал, что «социальный строй советской республики основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е., «буржуазия»), сотрудничеству классов в обществе вовсе не обязательно должно соответствовать сотрудничество их в «политической оболочке» этого общества, у руля государственной власти. Наш политический строй—диктатура пролетариата (а не диктатура пролетариата и крестьянства, как наивно умозаключают некоторые напуганные нашим «крестьянофильством» т.т.) социально—наш строй состоит из разных классов, сотрудничающих друг с другом под руководством класса-гегемона, т.-е. пролетариата.

Подробному теоретическому выяснению условий этого «сотрудничества классов», о котором говорил т. Ленин, посвящен чрезвычайно содержательный анализ автора. Характер, тип сотрудничества неодинаков для различных классов. «Основная стратегическая линия пролетариата» по отношению к новой буржуазии состоит в том, чтобы, сотрудничая с нею, использовать ее, «с определенного пункта преодолевать ее, главным образом, путем ее экономического вытеснения...»; по отношению к крестьянству наша линия состоит в том, чтобы иметь «гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшую борьбу; преодоление через переработку, в противоположность вытеснению (стр. 143).

Немыслимо, конечно, здесь передать всего богатства содержания этого сборника. От статей тов. Бухарина, в которых блеск изложения счастливо соревнует лишь с неотразимостью критической аргументации, трудно оторваться при чтении. Мимо них не должен пройти ни

один из тех партийных товарищей, которые желают как серьезно разобраться в антибольшевистском уклоне тов. Троцкого, так и отдать часть своего досуга на изучение ленинизма «этого самого гибкого познавательного инструмента нашего времени» (стр. 141).

Д. Марецкий.

А. КАКТЫНЬ. Борьба за производительность труда (к постановке и организации кампании по поднятию производительности труда). ГИЗ. Москва—Ленинград. 1925 г. 77 стр.

Для истории нашего хозяйственного строительства 1924 год приобретает то особое значение, что в этом году перед народным хозяйством практически поставлена проблема производительности труда—проблема р а з в и т и я, к а ч е с т в е н н о г о[1]) его улучшения. А в этом—«сущность всего социалистического строительства».

Достигнутые успехи во всех областях нашего хозяйства по его восстановлению, «ряд несомненных успехов в сельском хозяйстве, торговле, особенно же в промышленности и на транспорте, обеспечили р е а л ь н у ю в о з м о ж н о с т ь подойти к разрешению настоящей проблемы».

За годы революции нами не раз ставится эта задача, но необходимость организации сил для обороны революции каждый раз отрывает нас от этой творческой работы.

А Кактынь указывает несколько этапов борьбы за производительность труда: борьба за рабочий контроль над производством (?), «великий почин»—субботники, всеобщая трудовая повинность и трудовые армии «это высшее выражение главкизма»—и, наконец, производственная пропаганда в 1921 г.

С переходом на нэп острота вопроса не теряется, но только от его практического решения наше внимание отвлекается другими задачами. Однако, и на XI и XII С'ездах партии и на XIII партконференции и XIII партс'езде ставятся вопросы укрепления смычки города с деревней—улучшения продукции, снижения себестоимости, а это «лишь видоизмененная задача поднятия производительности труда».

Неудачно к этой «истории вопроса» т. Кактынь относит борьбу за рабочий контроль, как первый этап борьбы за производительность труда. Тов. Ленин в «Правде» от 3 июля 1917 г., резюмируя принятую конференцией фабрично-заводских комитетов, резолюцию по вопросу об экономических мерах борьбы с разрухой—говорит: «принятая рабочими резолюция выдвигает на первый план г л а в н о е: 1) Как сделать так, чтобы на деле «не охранять» прибыли капиталистов;—2) чтобы сорвать покровы с коммерческой тайны;—3) чтобы рабочим дать большинство в контролирующих учреждениях;—4) чтобы организация (контроля и производства), будучи организацией «в обще-государственном масштабе» направлялась Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а н е к а п и т а л и с т а м и»[2]). К чему же сводились эти условия «д е й с т в и т е л ь н о г о контроля за капиталистами, за производством»[3])?—К п о д р ы в у экономической власти буржуазии, к п о д р ы в у буржуазной экономики. В этом непосредственном значении борьбы за рабочий контроль над производством, как конкретного этапа революции. Это тот же вопрос о разрушении буржуазного аппарата власти, который неоднократно ставился Лениным, как предпосылка завоевания власти пролетариатом.

Постановка этого вопроса у тов. Кактыня черезчур абстрактна.

---

[1]) Курсив здесь как и в дальнейшем всюду автора.
[2]) Н. Ленин Собрание соч. т. XIV, ч. I, стр. 236.
[3]) Там же, стр. 235—6. Курсив везде т. Ленина.

Проблема производительности труда имеет первостепенное значение как политическое, так и экономическое: 1) для укрепления и развития рабоче-крестьянского блока, 2) социалистического накопления и 3) в деле реконструкции всего народного хозяйства.

Развитие производительности труда и тем самым снижение стоимости товара—всецело в интересах крестьянства. Это же, с другой стороны, увеличивает товарность крестьянского хозяйства и тем самым расширяет базу для промышленного развития. Но, кроме того, на наши успехи в области поднятия производительности труда, как правильно указывает тов. Кактынь, смотрит не только наше крестьянство, но и крестьянство восточных и южных колоний империализма. «Их может убедить только н а г л я д н ы й м а т е р и а л ь н ы й, к о м м е р ч е с к и й э ф ф е к т». Высшая производительность труда не только ц е л ь, но «одновременно и у с л о в и е нашей окончательной победы», что «это вместе с тем м е т о д б о р ь б ы на экономическом фронте», центральный пункт с о р е в н о в а н и я д в у х х о з я й с т в е н н ы х с и с т е м—капиталистической и социалистической.

Можно сказать, что производительность труда является основным элементом социалистического накопления. При этом вполне правильно тов. Кактынь указывает, что необходимо «чтобы р а з в е р т ы в а н и е п р о м ы ш л е н н о с т и и н а к о п л е н и е с р е д с т в д л я э т о й ц е л и ш л и в п о л н о м с о о т в е т с т в и и с э к о н о м и ч е с к и м и т е х н и ч е с к и м р а з в и т и е м с е л ь с к о г о х о з я й с т в а.., так как «дальнейший прогресс промышленности возможен лишь при одновременном прогрессе сельского хозяйства, его механизации и коллективизации». Эти рассуждения тов. Кактыня вполне правильно выявляют роль поднятия производительности труда в накоплении.

В условиях нашего хозяйственного строительства—после победы первой, и пока только в одной стране, пролетарской революции и крайней экономической отсталости и бедности—характер развития производительности труда двоякий. Для поднятия производительности труда нам много еще приходится проделывать то, что пролетариат передовых капиталистических стран, после своей победы, будет иметь в готовом виде—в смысле развитой техники, организации производства и т. д. Этот путь развития будет происходить без внесения принципиальных изменений в нашем производстве. Другая сторона проблемы—качественная, которая выражается в реконструкции всего народного хозяйства. Эта сторона вопроса тов. Кактынем, к сожалению, недостаточно подчеркнута, между тем как она имеет крупнейшее значение для достижения коммунизма.

Самый большой грех книжки тов. Кактыня—в неправильной трактовке понятия производительности труда. Так, анализируя это понятие, тов. Кактынь говорит, что производительность труда—это «величина собирательного типа», об'единяющая в себе или суммирующая (?) две частные величины — п р о и з в о д и т е л ь н у ю с и л у и и н т е н с и в н о с т ь т р у д а» (стр. 13).

Для того, чтобы разобрать понятие производительности труда тов. Кактыня, приведем еще его рассуждение о влиянии интенсификации труда на изменение стоимости единицы товара. «Если,—говорит он,—повышается интенсивность труда при данной величине рабочего дня и неизменной производительной силе труда, то стоимость единицы продукта (товара. Н. С.) остается прежней, так как количество труда, затраченное на нее, не изменяется. Но зато возрастает общее количество продукции, производимой за данный промежуток времени и общая стоимость ее, тогда как в первом случае (при повышении производительной силы труда Н. С.) эта стоимость остается неизменной» (с. 12). Если бы дело обстояло так, как это представляется тов. Кактыню, то лишилась

бы смысла одна из основных задач кампании по поднятию производительности труда—уплотнение 8-часового рабочего дня, борьба за увеличение интенсивности. Наше внимание направлено на максимально возможное снижение стоимости товара для того, чтобы этот товар стал доступен крестьянину. В этом крупнейшее политическое значение кампании, как неоднократно это указывает и тов. Кактынь. Но, если увеличение интенсивности не понижает стоимости товара, как думает тов. Кактынь, то, хотя это и дает большее количество товаров их общей стоимости, крестьянин купить их все-таки не сможет.

Ошибочность рассуждений тов. Кактыня очевидна. Здесь тов. Кактынь «забыл», что стоимость товара складывается из перенесенной стоимости потребленных средств производства и вновь создаваемой стоимости, в процессе производства товара; это происходит благодаря двоякому характеру труда товарного хозяйства. При увеличенной интенсивности, предполагая остальные условия производства постоянными[1]), величина вновь создаваемой стоимости при производстве товара остается неизменной. Но только эта часть стоимости, а не вся стоимость товара, как предполагает тов. Кактынь. Что же произойдет при увеличении интенсивности с той частью стоимости товара—стоимостью потребленных средств производства, которую рабочий в процессе труда переносит на товар. Увеличение интенсивности приводит к более экономному использованию средств производства (экономию на топливо, освещение, вспомогательные материалы и др.) и поэтому переносимая часть стоимости на единицу товара меньше. Таким образом, в результате увеличенной интенсивности не только «возрастает общее количество продукции, производимой за данный промежуток времени» и ее общая ценность, но и стоимость единицы товара понижается. В наших условиях производства это имеет огромное практическое значение.

Из вышеизложенного вытекает и то, что интенсивность не является самостоятельной величиной на ряду с производительной силой труда, как думает тов. Кактынь, а является лишь ее элементом (особый характер интенсивности, как элемента производства здесь ничуть не умаляется). Изменение стоимости происходит от изменения производительной силы труда, а это последнее в каждом отдельном случае может изменяться и от механической силы труда (термин Маркса) и от организации производства, а также тогда, когда пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их animal spirit (жизненная энергия[2]).

Далее тов. Кактынь утверждает, что производительная сила в отдельных случаях Марксом «называется просто производительностью труда» (с. П). Так ли это. Кроме прямых указаний Маркса по этому поводу[3]), это неверно и методологически. Производительная сила труда по Марксу—это качество труда (в смысле эффективности), которое количественно выражается, с одной стороны, в величине общественно-необходимого труда, с другой—в определенном количестве потребительных стоимостей.

В трактовке понятия производительности труда у тов. Кактыня имеется и ряд других неправильных утверждений и формулировок, но менее существенных. Ограничимся поэтому только этими замечаниями по существу затронутого вопроса.

[1]) Здесь не имеется в виду влияние интенсивности на изменение технических условий и организационных моментов производства.

[2]) См „Капитал" т. I, стр 317 Тил. 1920 г.

[3]) Там же, стр. 302.

Но, несмотря на указанные недостатки, книжка тов. Кактыня, несомненно, займет подобающее место в нашей литературе по вопросу о производительности труда; здесь сжато изложено все то, что можно сказать по этому вопросу в общей популярной литературе. Книжка тов. Кактыня рассчитана на более подготовленного читателя, и, несомненно, принесет пользу нашим пропагандистам и слушателям совпартшкол, как пособие по этому вопросу.

Н. Саргин.

«Деревенский Коммунист». Орган Ц. К. Р. К. П. (б). Выходит два раза в месяц, с 1 декабря 1924 г., №№ 1—6.

Едва ли нужно доказывать, сколь своевременно и политически необходимо издание журнала для деревенского коммуниста.

«Надо прямо признать, что мы еще очень мало сделали для деревни, в особенности мало для дела политического руководства деревней»...—совершенно правильно отмечает в передовой статье № 1 «Наши задачи» тов. Молотов.

«В то время, как наша политическая и вся практическая работа в деревне ведется далеко неудовлетворительно, экономическое развитие деревни заметно двинулось вперед... В связи с этим наши задачи в деревне также должны расти».

Это действительно так. Экономическое развитие деревни шагнуло и шагает вперед, отношения усложнились, а мы еще очень мало сделали «для политического руководства деревней».

Журнал ставит своей задачей содействие политическому воспитанию деревенского партийца.

«Сейчас задача заключается в том, чтобы подчеркнуть, что и из самой деревни, из самого крестьянства нужно поднять новые слои работников партии в деревне.

Нам необходимо воспитывать этих новых работников, взятых из крестьянской гущи сотнями, тысячами и десятками тысяч.

«Деревенский Коммунист» ставит своей задачей быть помощником в политическом росте наших активных работников в деревне и в том, чтобы ряды этих активных работников коммунистов в деревне пополнялись, увеличивались, крепли. Мы считаем, что перед нами очень большая и трудная задача. Если хоть частично мы поможем решению этой задачи,—мы будем считать наше дело сделанным»...

Такова задача журнала. Это—задача редкая по трудности и громадности значения.

Журнал только начинает свою работу. Он существует менее 4 месяцев. За это короткое время трудно стать крепко на ноги. Это состояние первоначального роста несомненно наложило печать на журнал. Он еще суховат, не всегда реагирует на деревенскую злобу дня, немного официален.

Но он имеет будущее. И потому внимание партии должно быть приковано к этому маленькому по размеру, но далеко не маловажному по политическому значению журналу.

Мы считаем здесь необходимым не столько критиковать журнал, сколько остановить на нем внимание партийца.

Такой журнал может быть хорошо поставлен только тогда, когда местные партийные силы будут живо реагировать на выход каждого № журнала, когда они будут внимательно присматриваться к его содержанию, принимать участие в разборе и постановке проблем, обработке материала, обобщении местного опыта.

На самом деле. Деревня сейчас переживает полосу оживления самодеятельности крестьянских масс, обновления советской работы. Нашло ли это отражение в журнале? В обще-политической постановке—да (смотри № 3—4, 5). Но в специальном журнале для деревенского коммуниста дело не может ограничиться общей постановкой вопроса, характерной для других более общих журналов. Здесь необходима более конкретная постановка вопроса—как и что должен делать активный деревенский коммунист для оживления сельсовета? Как необходимо ставить секционную работу в сельском совете? и т. д. и т. п. Требуется не столько общая формула, сколько ее конкретное расшифрование для деревенского работника.

Но это расшифровывание можно сделать только на основе учета конкретных форм работы, путем обобщения местного опыта. Местный партиец должен помочь этому делу.

Или возьмем вопрос об аграрном перенаселении, кстати сказать, острейший вопрос, освещение и посильное разрешение которого крайне необходимо.

Реагировал ли журнал на эту проблему? Нет. Доля вины, бесспорно, лежит на журнале. Но для разрешения этого вопроса нужны не только—весьма сомнительные по точности—суммарные цифровые данные, но и живая картина отношений в деревне, реалистически освещаемая с различных сторон; надо уловить настроение крестьянских масс, их мнение, их практические предложения по этому вопросу; нужно иметь постоянное отражение взглядов на этот вопрос местного деревенского коммуниста.

Журнал должен привлечь внимание всей партии. Необходимо обеспечить интимную связь журнала с массой низовых деревенских ячеек; необходимо наладить систематическое обслуживание журнала материалом с мест.

В настоящее время—все коммунисты, побывавшие на деревенской работе, отмечают, что крестьянин политически очень вырос—к нему уже нельзя подойти с прежними масштабами.

Многие из наших развитых городских пропагандистов—оказывались часто бессильными должным образом ответить на весьма разнообразные вопросы крестьян.

Постановка вопросов на собраниях крестьян весьма дифференцированная, круг интересующих проблем расширился невероятно, запросы к пропагандисту весьма значительные.

Можно же себе представить, насколько тяжелее по сравнению с этим развитым городским пропагандистом положение низового сельского работника-коммуниста.

Журнал должен уловить, учесть запросы современной деревни, помочь деревенскому коммунисту ответить на них политически-правильно. Весьма важно было бы, чтобы местные работники доставляли в журнал списки вопросов, задаваемых крестьянами, описывали характер прений, фиксировали различные постановки вопроса.

Журнал может почерпнуть очень многое из такой информации деревенских коммунистов. Он сумеет тогда дать ответы на положительные запросы деревни, помочь деревенскому коммунисту справиться с отрицательными настроениями.

Только с установлением этой интимной связи с местами журнал справится с громадной задачей, стоящей перед ним.

Больше внимания «Деревенскому Коммунисту»!

А. С.

М. ГОЛЬМАН Сменовеховские иллюзии. (По поводу. «Основ хозяйственного раойнирования СССР, проф. И. Г. Александрова»).

> «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обращениями—разыскивать интересы тех или других классов».
>
> (ЛЕНИН—Три источника и три составных части марксизма).

I.

Новая экономическая политика вызвала в свое время у попутчиков пролетарской революции необычайное оживление реставрационных упований на шаблонное восстановление «того, что было». Наиболее активные из «малых сих», г.г. сменовеховцы, имеющие большое и общеизвестное историческое прошлое, даже выступали в печати («Накануне», «Россия») с определенными на этот счет теоретическими претензиями. Сущность последних сводилась к тому, что вслед за диктатурой пролетариата должна наступить «эпоха трудового государства» (т.-е. по-просту говоря, буржуазной демократии), в сторону которого советская власть начала, якобы, эволюционировать, спускаясь «на тормозах» новой экономической политики к «здоровому» капитализму [1]).

Опыт 2—3 лет эконом. политики положил конец подобным упованиям: ожидаемой г.г. сменовеховцами такого рода эволюции диктатуры пролетариата не произошло и не произойдет. Но зато на наших глазах происходит совершенно иного порядка эволюция новейшего сменовеховства, пытающегося на своих глиняных ногах совершить отважное путешествие по всем отраслям советского хозяйства, «пройтись» по вопросам национальной политики советской власти, ее конституции и государственной системы в целом. Документом этих попыток является классический образец новейшего сменовеховства:—«Основы хозяйственного районирования СССР» проф. И. Г. Александрова, изд. «Экономическая Жизнь» 1924 г. под общ. ред. проф. Фалькнера. В своей книжке, посвященной, будто бы, только вопросам районирования, этой одной из важнейших проблем на пути нашего продвижения к социализму, этот почтенный профессор, в достаточной мере известный своей горячей апологией районирования СССР, несколько подновляет старую теорию сменовеховства на современный лад.

Вся книжка состоит из 9-ти глав: 1) история вопроса о районировании России, 2) изменения в территориальной структуре России в революционный период, 3) производительная структура России в революционный период и ее видоизменения, 4) форма обмена, 5) местное хозяйство, 6) производственный метод экономического районирования, 7) национальный вопрос и районирование, 8) организационные формы, 9) план народного и государственного хозяйства.

---

[1]) См. речь тов. Ленина по этому вопросу на 11 с'езде (т. XVIII, ч. II, стр. 41).

II.

Великодержавный шовинизм и „саморазвитие" идеи районирования.

Уже по заголовкам отдельных глав можно судить, на сколько всеоб'емлющи и универсальны задачи районирования в изображении профессора Александрова.

Дав в первой главе мистико-метафизические об'яснения «саморазвития идеи» районирования, как «познавательного и действенного метода», в головах Петра I, Екатерины II и в черепах многоголовой, но невежественной знати той эпохи, автор доводит превращение «идеи в действительность» до XX века, открыв ее в... «среде промышленных организаций, стремящихся монополизировать в своих руках комбинированное производство в какой-либо отрасли промышленности в том или ином районе России». «Таковыми были об'единения горнопромышленников юга России, Урала, текстильных фабрикантов Московского района, нефтепромышленников в Баку и Грозном» (стр. 10 «Осн. хоз. район.»). Таким образом, выяснилось, что не голый классовый интерес магнатов капитализма, не законы конкуренции, концентрации и централизации капиталов, а «идея районирования» способствовала об'единению г.г. капиталистов так же и на столько, как и на сколько эта же идея помогает проф. Александрову понимать реальную действительность в прошлом, настоящем и будущем. Остается добавить, что если бы идеи развивались «по Гегелю», а идея районирования по проф. Александрову, то возможно, что последний был бы уже не проф. Александровым, а профессором черной и белой магии, халдейским чародеем или даже незаурядным фокусником-шпагоглотателем.

Показав таким образом, как, стало быть, «идеи правят миром», автор во II главе доказывает нам, как идея районирования начинает управлять самим проф. Александровым, особенно, когда этот последний хочет ввести неосведомленного читателя в понимание движущих пружин изменений в территориальной структуре России в революционный период» (так называется II глава). «С 1917 года сложившаяся довольно прочно территориальная структура России подверглась значительной переделке под влиянием разнообразных течений (?), возникших на местах» (стр. 11 там же). Что это были за течения, мы знаем: например, течение Колчака, Деникина, грузинских меньшевиков, Дутова, Украинской и Кубанской Рады и проч. течения. Все эти течения, как всем известно (надо полагать в том числе и проф. Александрову, стыдливо притворяющемуся неосведомленным в истории гражданской войны 1918—1921 г.г.), «текли» с помощью попутных антантовских империалистических ветров. По проф. Александрову выходит «совсем даже наоборот»: «мир с Германией и гражданская война наложили на эти сдвиги (?) свой отпечаток, который выражался в физическом отрыве той или иной части от основного ядра». «Гражданская война и последовавший за ней период присоединений создал эпоху собирания разрозненных и израненных кусков прежней империи» (стр. 11, курсив наш. *М. Г.*). Но дело еще в том, что эти «куски» (напр., «кусок» Деникина, «кусок» Колчака) «за время своего отрыва не переставали жить, а потому вынуждены были оформлять свое существование в новых формах (стр. 11; курсив наш. *М. Г.*).

Оказывается далее, что районирование «великой и неделимой», не удавшееся из «кусков» к «центру», вышло из красного центра к «кускам», причем в этом последнем случае вся эта штука чрезвычайно похожа на то, как великорусский торговый капитал в XVI веке «железом и кровью» собирал «во едину великую Московскую Русь», т.-е., по-просту говоря, закрепощал крестьян, закабалял целые племена и народы. Таким образом, большевики оказались просто-на-просто продолжателями славных традиций московских царей. Однако, предоставим слово самому автору. «С тех пор, как окно в Европу оказалось заколоченным, а все государство было окружено врагами и раздиралось изнутри, Москва вновь взяла на себя роль собирательницы, как за 400 лет до переживаемого периода, и сыграла свою роль значительно быстрее, чем это удалось сделать в XVI столетии»(стр. 11; курсив наш. *М. Г.*).

Это—перл. Ведь подумайте только: все изменения за 400-летний исторический период оказались вовсе неощутительными для наблюдательных профессорских глаз, отделенных от действительности роговыми очками районирования. Для автора продолжает существовать старая Россия, «израненная империя», бывшая вековым палачем угнетенных национальностей. А между тем автор «слона-то и не приметил»: только благодаря тому, что нет этой самой России, нет ее, на самом деле существует Союз Советских Социалистических Республик.

Впрочем, и проф. Александров склонен признать, что «некоторые изменения» все-таки произошли, но только «в смысле запросов жизни» и некоторого обновления «руководителей России». И действительно: «однако Россия собиралась не старая, а изменившаяся... в значительной степени с новыми людьми во главе». Только всего? Мы думали, грешным делом, что проф. Александров хоть здесь признает, что не только старых людей во главе не стало совсем, но и старых господствующих классов давно уже нет и в помине. Теперь для нас не подлежит никакому сомнению, что хочет сказать проф. Александров, на что он «намекивает». Еще Кузьма Прутков сказал: «пояснительные выражения поясняют темные мысли».

«Темные мысли» Александрова стали достаточно ясны после этих выражений, чтобы нуждаться в наших комментариях.

Не идея районирования, а идея великодержавного великорусского шовинизма глядит из всей этой политической пачкотни проф. Александрова.

Таков 1-й отрывок из не столь новой сменовеховской платформы.

Но чем же это не отрывок из доброй старо-веховской платформы с «собиранием земли славян под эгидой первопрестольной Москвы», с ее «божьим делом» и ее другими провиденциальными миссиями? Правда, здесь есть нечто новое, вроде идейки о районировании. Идейка районирования—это только лишь научно-техническое прикрытие, форма, достаточно эластичная для того, чтобы скрыть и замаскировать грубые черты реакционного шовинизма. Проф. Александров уже продемонстрировал нам универсальность и всемогущество этой идеи на протяжении вековой истории прежней России и на опыте гражданской войны, но он еще докажет, что эта идея призвана сыграть роль всеспасающей панацеи от всех бед и зол советского режима.

III.

Всеобщее избирательное право и Советская национальная политика.

Показав на опыте Северо-Западной, Уральской и Юго-Восточной области, как «идея крупного деления искала стихийно себе выхода в разных формах», автор спешит нас уверить в том, что «идея новой волости имеет под собой другую почву» (другую в смысле отличной от идеи области. *М. Г.*). Оказывается, что эта другая почва есть не укрупнение волости с целью приближения советского аппарата к крестьянским массам, удешевления и улучшения его и оживления деятельности советов, а не более или не менее, как «идея всесословной волости, или, как когда-то любили выражаться,—мелкая земская единица» (стр. 14) (курсив мой. *М. Г.*). «Сущность идеи,—захлебываясь от восторга, раз'ясняет автор,—заключалась в том, что избирателями волости должны были стать все граждане» (стр. 14, курсив мой. *М. Г.*).

Проф. Александров на практике советской работы хочет показать пути к тому, что было намечено в теории проф. Устряловым два года тому назад, как ближайшая цель «трудового государства», в сторону которого должна будто бы эволюционировать диктатура пролетариата. «Здоровая в корне идея, однако, не могла получить своего завершения в дореволюционной структуре русского общества»,—с горечью сожалеет автор.

Если только послушать речи украинских кулаков и местечковых торговцев во время советских избирательных кампаний, то можно представить, как «разбудившаяся» новая буржуазия начинает требовать себе избирательных прав и полной независимости волостных и сельских советов от пролетарского влияния уездного и областного города. При чем эта деревенская буржуазия не прибегает к методам убеждения посредством самодовлеющей идеи районирования.

Деревенский Тит Титыч сменяет оружие критики, с которым выступает проф. Александров в печати, на критику оружием: «здоровую в корне» идею районирования он сменяет на обрез», как на более испытанный способ классовой борьбы против пролетарской диктатуры. Тем не мнее: «и здесь тревога дня заслоняла основные сдвиги в сторону организации новой социальной структуры» (стр. 14). Т.-е. выражаясь не столь высоким штилем—в сторону всеобщего избирательного права и буржуазной демократии, в пределах хотя бы районной волости. Таков первый пункт практической части сменовеховской программы, выражающий классовые домогания кулацко-нэпмановской буржуазии, замаскированные в одежды популярнейшей идеи районирования. Попробуем, однако, проф. Александрову помочь понять эти же выводы по его методу: профессорская идея районирования «саморазвивается» в голове ее автора и превращается в действительность—в идею буржуазной реставрации.

«Еще большие трудности представлял и представляет в настоящее время национальный вопрос»,—пишет проф. Александров (стр. 14).

«С одной стороны, каждая национальность стремится выявить свое лицо и выделиться в территориально отграниченную организацию»... «а с другой, все эти автономные области и республики почувствовали тесную связанность всего государственного организма» (стр. 15). Так комментирует «с одной и другой стороны» национальную политику советской власти Александров, которого мы вовсе не хотим обидеть подозрением в том, что он не познакомился с ленинской национальной политикой, ну, хотя бы, по программе РКП. «Практически,—вздыхает Александров,—однако, на этом пути при стихийном развитии форм получился ряд национальных группировок такого рода, которые придают национальному вопросу кинетический (гм! гм!) характер». «Постоянно происходит образование новых национальных территорий, изменение их границ, преобразование конституционных форм»... Но здесь идея районирования, дает некоторую крупицу утешения ее носителю: «Идея районирования дает тот необходимый экономический фундамент, при наличии которого отпадают все опасения за нежизненность предоставления национальностям России права самоопределения» (стр. 16; курсив наш. *М. Г.*). Но этого утешения хватает не надолго. «Но,—многозначительно поднимает палец кверху наш меланхолический друг,—все же до сих пор национальный вопрос еще не нашел практически своего разрешения». Вот-те на! Здесь-то, повидимому, и оказывается, что большевики нарушили все традиции «славного прошлого», что «израненные куски империи» построены и собраны большевистской Москвой вовсе не так, как этого хотелось бы проф. Александрову. «В особенности,—поясняет автор,—страдает правовая конструкция» (стр. 16), «и только авторитет Москвы сглаживает противоречия и устраняет недоразумения, возникающие на почве такой неопределенности». Значит, национальный вопрос так-таки и не разрешен советской властью! При чем страдает от этого не только проф. Александров, но и «правовая конструкция», т.-е. Конституция СССР. «В дальнейшем ходе нашего развития,—хмурит брови профессор,—все эти стихийные сдвиги донельзя затрудняют всякое дело, замедляют хозяйственный оборот, порождают огромные массы бюрократии и, в конечном счете, тяжелым бременем ложатся на трудовое население». Профессор тут же торопится подчеркнуть свои собственные заслуги в деле «исправления» этой политики. «В своих работах я к тому неоднократно пытался добиться признания основных форм решения на базе экономического районирования»,—заявляет автор, прячась опять за спасительные тени идеи районирования. Мы не сомневались и не сомневаемся в том, что профессор Александров не только неоднократно пытался добиться признания своих идей, но и данной брошюрой безнадежно пытается этого добиться еще раз. Однако, довольно.

В чем же классовая сущность заявления проф. Александрова о необходимости изменить национальную политику советской власти, устранить «страдания правовой конструкции» и «тяжелое бремя бюрократизма на плечах трудового населения». Классовые интересы старой великодержавной русской буржуазии нам хорошо знакомы, и г.г. веховцы самым добросовестным образом представляли их. Новая русская нэпмановская буржуазия, мечтающая о реставрации, по новому не менее националистична, чем старая. Она, прежде всего,—торговая буржуазия, имеющая еще старые хозяйственные связи и эксплоататорские навыки в деле ограбления крестьянских масс угнетенных национальностей старой России. Теперь же в эпоху нэпа, когда экономическая роль торговой буржуазии в отсталых национальных республиках достаточно значительна, вполне естественно, что выросший за этот период новый русский Тит Титыч негодует против национальной политики советской власти. Русские скупщики шерсти,

мехов, рыбы и разных видов сырья у киргизов, у туркмен и других национальных крестьян—эти господа имеют все основания выражать свое недовольство советской национальной политикой, замедляющей их «оборот» при помощи «тяжелого (не спорим: тяжелого) бюрократического бремени» налогов. Это же «бремя» дается в руки трудящихся национальных республик, как орудие подавления буржуазии, срезывания ее прибылей и укрощения ее эксплоататорского «нрава». В сущности же говоря, и всеобщее избирательное право в волости, и «исправление и дополнение» национальной политики—в программе г.г сменовеховцев—это только лишь две стороны одного и того же вопроса: отношения и взаимоотношения пролетариата к основной массе трудящихся крестьянства, которую новая руская нэпмановская буржуазия делает попытки оторвать от рабочего класса и его руководства. Она сама хотела бы взять крестьянство под свою тяжелую руку в волости, а в дополнение к этому намеревалась бы заполучить «свободу действий» с крестьянами не русских национальностей, и монополию на их эксплоатацию, что избавило бы «правовую конструкцию» от страданий, замеченных проф. Александровым и устранило бы «тяготы бюрократизма» национальной политики.

IV.

Промышленное районирование и вторая форма нэпа.

На стр. 26-й автор исходит из идеи районирования, на протяжении двух—трех десятков строк доказывает ненужность трестовой системы, как системы, изжившей себя в деле управления промышленностью. Заметив глухо еще раньше на стр. 18, что при нэпе «можно серьезно говорить о восстановлении нашего хозяйства, хотя, быть может, далеко не в той форме, как это было бы нам желательно (курсив мой. *М. Г.*) автор хочет показать, что тресты были необходимы, как первая форма нэпа» (стр. 26). В чем состоит или должна состоять, по мысли автора, вторая форма нэпа? Наш реформатор вскрывает ее сущность в центральной мысли своей оценки советской организации промышленности. «Наконец, основным бичем является вся система управления промышленностью, тяжелая и бюрократическая, которая уже одной своей неподвижностью мертвит дело и чрезвычайно задерживает оборот» (стр. 28. Курсив мой. *М. Г.*). «Все это создает положение, которое в несколько утрированной форме, можно назвать анархической монополией» (там же). И как было бы хорошо, если бы устранить эту анархическую монополию! Даже идея районирования не могла в этом случае прикрыть всей наготы ликвидаторских устремлений сменовеховского экономиста.

Итак, мы уже знаем одну из особенностей отыскиваемой нами и скрываемой автором второй формы нэпа. Эта особенность состоит в том, что развитием производительных сил промышленности ни тресты, ни ВСНХ руководить не могут, и подлежат упразднению, или замене той организацией, секрет изобретения которой остается пока, увы, в руках у сменовеховского счастливца. И только на стр. 54 оказывается, что все то же ненаглядное районирование производ-

ства разрешит целиком и без остатка проблему форм развития производительных сил и внесет «организующий момент» в анархическую монополию, установленную пролетарской диктатурой и проводимую ее органом ВСНХ. «Надо строить,—изрекает профессорская умная голова,—на ближайший исторический период, не предрешая форм дальнейшего экономического движения жизни» (стр. 54; курсив мой. *М. Г.*).

Районирование, как видно, в качестве лекарства от всех бед советской анархии и бюрократизма пригодилось и на этот раз. В бюрократическом извращении проф. Александрова производственное районирование это совсем не то, что мыслит себе советская власть под этой реформой [1]). В тезисах по методологии экономического районирования, представленных Госпланом III Сессии ВЦИК и в тезисах, выработанных Комиссией ВЦИК по вопросу об экономическом районировании СССР, определенно указывалось на то, что производственное районирование, или, вернее, экономическое районирование, имеет в своем принципе дать экономическую законченность определенным территориям страны, которые, благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени с установившимся разделением труда представляли бы собою одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. «Этот принцип экономической законченности дает возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных рессурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах» (Доклад Госплана III Сессии ВЦИК—«Эк. Районирование России», изд. ВЦИК, стр. 55). И далее: «В согласии с нашей конституцией и с общими началами нашей национальной политики, экономический принцип районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он содействовал материальному и духовному развитию всех национальностей и племен РСФСР».

Районирование поможет установить территориальное разделение труда по признакам энергетических рессурсов района, что особенно важно для электрификации СССР. Кроме того, районирование («территориально-административное в особенности») улучшит и удешевит советский аппарат, приблизит его к деревне, к крестьянским массам, оживит этим самым деятельность местных советов и обеспечит более прочное пролетарское руководство в области, округе и районе, содействуя укреплению этим самым союза рабочих и крестьян.

В этом смысле представляет значительный интерес опыт административно-экономического районирования УССР (см. протоколы Совещ. по Сов. строит. при ВЦИК). И напрасно некто профессор Понтович («Вестник Финансов» № 12), отрицает успешные результаты районирования, проведенного в некоторых местах СССР. Вопреки профессору Александрову, профессор Понтович аргументирует неудачу районирования ссылками на несоответствие его историческому прошлому России.

---

[1]) Следует отметить, что основы экономического районирования СССР изложены печатно проф. И. Г. Александровым не впервые. Но если в своих статьях по этому поводу в 1921 г. проф. Александров наметил вообще правильно только основные «вехи» районирования, то значительно позднее, как мы видим, он раз'яснил их «по-сменовеховски».

[2]) Между прочим в скобках будет сказано, что самое «историческое прошлое» выступает одновременно у обоих профессоров в двух совершенно противоположенных ролях.

Итак, экономическое районирование СССР в нашем понимании есть естественное продолжение нашей экономической политики в вопросах наиболее целесообразного сочетания производительных сил (на основе их энергетической реконструкции) и наиболее верной гарантии их обобществленной формы развития по пути нашего продвижения к социализму совместно с основной массой трудящегося крестьянства.

Такова общая постановка вопроса о задачах экономического районирования СССР.

Для профессора Александрова районирование есть та организационная форма, через которую новый капитализм, поджидаемый господами сменовеховцами, будет развиваться без «бюрократического» влияния ВСНХ и других «изживших себя» органов управления, планирования, регулирования.

Впрочем, чтобы успокоить читателя, впавшего в сомнение по поводу такой открытой проф. Александровым общезначимости идеи районирования, проф. Александров спешит заверить, что именно так, как он мыслит себе, создался проект производственного районирования России, который «был разработан под моим руководством в Госплане и утвержден, как основание Комиссией ВЦИК под председательством тов. Калинина». Читатель, не имея под рукой указанного мною выше издания ВЦИК «Экономическое районирование России» и проникнутый уважением к высокой профессорской особе, вотирует автору доверие. Но вряд ли есть необходимость говорить, чтобы доклад Госплана III Сессии ВЦИК и Комиссия под председательством тов. Калинина могли когда-либо взять за основу ту политическую галиматью и жонглирование теорией районирования, которые проф. Александров довольно недобросовестно навязывает законодательной деятельности ВЦИК. Для подлинного сличения проекта ВЦИК и сменовеховских фантазий проф. Александрова мы отсылаем читателя к указанной книге.

Теперь нам известно, что вторая форма нэпа, открытая проф. Александровым, есть своего рода манчестерская теория невмешательства пролетарского государства в развитие производительных сил. Все это достаточно ясно обнаруживает существо этой второй формы нэпа: это ликвидация новой экономической политики вместе с ликвидацией органов пролетарской диктатуры.

Следует остановиться в заключение на двух интересных местах брошюры, где автор говорит о плане.

«Логика жизни и организованная воля—вот два элемента всякого плана хозяйства страны»,—повествует с эпическим спокойствием знакомый нам автор. На протяжении всей последней главы о плане автор не удосужился, однако, сказать хотя бы одно слово о том, что наш перспективный план—есть план продвижения к социализму на основе энергетической реконструкции производства и его обобществления там, где оно является частным, а также обобществления обращения при условии неразрываемой хоз. смычки пролетариата с крестьянским массивом даже в ущерб темпу движения. Зато вполне понятно вместо постановки проблемы о плане в таком аспекте социалистического хозяйства мы имеем в этой знаменательной главе сухие ученые рассуждения о логике жизни, «которая исправит недочеты», о единстве воли и прочих благоглупостях.

Вся эта брошюра, содержа в себе целый ряд бесспорных и общеизвестных вещей о районировании, по всему ходу мыслей автора и по

свойственной ему значительной осторожности—является все же одной из попыток изложить сменовеховскую платформу по конкретным вопросам экономической политики, плана и советской политики в целом. Что эта платформа незакончена—это ясно, да и сам автор этого не отрицает. Посвящая заключение своей книжки читателю экономисту, автор сознается, что он «счел возможным не останавливаться на столь важных частях рефрмы, как администрация, школьное дело, охрана народного здравия и т. д.».

Можно, однако, безошибочно предположить, что все эти обещанные профессором проекты реформ находились бы в полном соответствии с экономическими особенностями открытой автором второй формы нэпа.

Заключение.

Произведенный анализ брошюры «Основы экономического районирования СССР» неизбежно приводит к мысли о том, что как буржуазная, так и мелко-буржуазная стихия, вырастающая на почве товарно-денежного обращения, будет неоднократно стучаться в двери советского руководства экономическим строительством, вплетая в него свои реставрационные вожделения. Однако, для влияния буржуазной и мелко-буржуазной стихии в советских аппаратах пролетарских центров нет налицо достаточных шансов, тем более, что специалисты и техническая интеллигенция в советском аппарате довольно искренне и охотно подчиняются руководству коммунистической партии. В этом смысле характерен, между прочим, последний Всесоюзный с'езд инженеров, заявивший, что в их среде не может быть места несоветской идеологии. Все же идеология сменовеховцев (не только не советская, но даже и антисоветская), отражая по сути дела классовые интересы новой нэпманской буржуазии, оказывает, некоторое влияние среди той части служащих, которые являются прямыми участниками новой экономической политики. Вот что писал по этому поводу Ильич: «Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет» (Ленин, XVIII том, часть 2, стр. 42). Вот именно! Мы «будем посмотреть» чья возьмет.

Но для того, чтобы уяснить этот поставленный в заключение вопрос, следует подвести некоторый итог особенностям рассмотренных нами положений сменовеховцев. Вот они: 1) исправление советской национальной политики в сторону великодержавности, 2) всесословная (всеклассовая) волость, т.-е. всеобщее избирательное право, 3) уничтожение ВСНХ, трестов и других форм анархической монополии, ненужной для второй формы нэпа, 4) районирование,—которое внесет организующий момент и не будет предрешать форм экономического развития.

Нам остается только подчеркнуть ту особенную форму, в которую новая нэпманская буржуазия вынуждена вкладывать эти свои классовые требования. Эта форма вообще характерна для буржуазной и мелко-буржуазной стихии в период диктатуры пролетариата. Выражением этой формы является внешнее приспособление под краски «лойяльного советизма». Современное сменовеховство на примере проф. Александрова приспособляется, маскируется. На этом примере мы имеем типичную маскировку реакционных требований буржуазии

или левыми оппозиционными политическими фразами о советском бюрократизме, о тяготах, лежащих на «трудовом населении», или выпячиванием организационной и технически-хозяйственной стороны экономического строительства, как самодовлеющей цели. При этом отбрасывается или игнорируется ее социальное выражение. Отсюда техницизм, теория развития производительных сил какой угодно ценой «без предрешения формы этого развития, отсюда сверхуниверсальность идеи районирования, как могущественной организационной формы несовместимой с существованием трестов, как негодной устарелой формации. Под такого рода невинной деловой фразой и лево-политическим ребячеством скрывается и маскируется реакционная сущность классовых требований буржуазии. Иначе, без подобной маскировки, проникнуть в головы лучшей части интеллигенции с оголенными неприкрытыми буржуазными претензиями было бы трудно. Но, ведь, новая буржуазия встречается в своей борьбе за влияние на советскую трудовую интеллигенцию с противодействием испытанного пролетарского авангарда, организующего вокруг себя отсталые слои трудящихся.

Таким образом силы нэпмановской буржуазии в борьбе не равны нашим силам. Кроме того пролетариат не вернет ей ни свободы собраний, ни союзов, ни организаций. Она не владеет ни одним сколько-нибудь серьезным печатным органом. Поэтому-то сменовеховство, как и вообще мелко-буржуазные и буржуазные политические течения обрекаются соотношением сил в ходе классовой борьбы (в период после победы пролетарсрой революции) в конечном счете на участь литературных течений, т.-е. на общественную изоляцию, изоляцию от масс [1]). Задача состоит в том, чтобы обречь и в дальнейшем этих господ сменовеховских реформаторов на общественную изоляцию, главным образом, от интеллигенции и специалистов.

Вот почему следует: 1) разоблачать на страницах советской печати все эти буржуазно-реставрационнные уклоны и бюрократические извращения в новой экономической политике на глазах всех передовых специалистов, конкретно раз'ясняя буржуазную сущность сменовеховских иллюзий 2) еще настойчивее продолжать привлечение специалистов к работе под умелым коммунистическим руководством, с одной стороны, всячески создавая благоприятную для их работы обстановку,—с другой, предохраняя их от уклонов в сторону техницизма; 3) ознакомлять широкие массы трудящихся с основными вопросами планового социалистического хозяйства, и, в частности, с задачами и в особенности опытом районирования; 4) следить за тем, чтобы литературное течение сменовеховцев не перерастало своих литературных рамок. В заключение следует еще прибавить пожелание, чтобы это течение печатало свои произведения на свои собственные средства, а не на средства советских издательств, да еще без редакционных примечаний или об'яснений со стороны самих советских издательств. Что же касается «добросовестно заблуждающихся» сменовеховцев среди трудящейся интеллигенции, до сих пор плохо уяснивших себе основы ленинской национальной политики и задачи советской экономической политики в целом, то им следовало бы иметь в виду, кроме цитаты из

[1]) Такова участь и других попутчиков пролетарской революции солидаризующихся с нами не по программе и тактике, а по отдельным частным моментам историч. борьбы.

Ленина в эпиграфе к этой статье, еще и следующие слова Маркса: «Один простак однажды вообразил себе, что люди тонут в воде только потому, что над ними властвует мысль о тяжести. Если бы они вышибли это представление из своей головы, об'явив его суеверным, религиозным, то они избавились бы навсегда от риска потонуть. Всю жизнь свою боролся он против иллюзии о тяжести, о вредных следствиях которой ему всякая статистика приносила все новые и многочисленные доказательства. Этот бравый человек являет собою тип нового немецкого революционного философа» (К. Маркс, Проект предисловия в «Немецкой идеологии», Арх. Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 211).

Если этих простаков, тонущих в бурных водах двух взаимно борющихся потоков в современной экономике—социалистического и капиталистического,—преследует навязчивая идея районирования, как универсального средства для восстановления хозяйства СССР, если они не могут познать истинный смысл ее прикладного применения сменовеховцами, то пусть они отбросят эту суеверную мысль совсем и, под руководством коммунистической партии, сумеют постигнуть истинную сущность планового социалистического хозяйства, его реальных организационных форм и отдельных задач во всем их едином многообразии. Только выбросив из своей головы все остатки и хлам сменовеховского суеверия, эти простаки преодолеют свою косность и сумеют действительно выполнить знаменательную резолюцию с'езда инженеров, что в «их среде, т.-е. в среде трудовой интеллигенции, не может быть места несоветской идеологии».

Условия приема в Институт Красной Профессуры

на 1925/26 уч. г.

В текущем году прием будет производиться на следующие отделения: 1) экономическое, 2) философское, 3) историческое, 4) правовое, 5) естественное и 6) на подготовительные курсы.

Условия приема на основные отделения.

1. На все отделения принимаются лишь члены РКП, обладающие 5-ти годичным партийным стажем.

Примечание. Для рабочих в отдельных случаях возможно исключение в виде понижения стажа.

2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в Правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1 мая 1925 г.: 1) рекомендацию Центрального Комитета РКП, ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов РКП, 2) заявление с указанием адреса, 3) краткую автобиографию, 4) засвидетельствованный партстаж и 5) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание. От поступающих на естественное отделение, ставящее себе своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием подготовку по ист. естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представления свидетельства об окончании соответствующего В. У. З. или свидетельство о завершении всей программы В. У. З. за исключением специальной (дипломной) работы.

3. Заявления рассматриваются Мандатной Комиссией при участии представителей Ц. К. РКП (б) и затем поступают в Правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса, Правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с Приемочной Комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1925 г.

4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 16 сентября, после чего Правление имеет окончательное суждение о кандидате.

5. От поступающих требуется основательное знакомство со следующими проблемами по теоретической экономии в об'еме нижеследующей литературы:

I. Проблемы по теоретической экономии.

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления в экономической науке. Важнейшие особенности экономической системы марксизма.

2. Теория ценности. Общее понятие об об'ективных и суб'ективных теориях ценности и о „полит. экономии без ценности". Теория товарного фетишизма. Учение о форме ценности. Абстрактный труд. Общественно-необходимый труд. Проблемы „редукции". Производительный труд. Развитие форм ценности.

3. Деньги. Методологическая постановка проблемы. Функции денег. Металлические деньги. Монометаллизм и биметаллизм. Бумажные деньги и их виды. Их роль в государственном хозяйстве и в экономике. Денежная система С.С.С.Р. и важнейших капиталистических государств. Инфляция и связанные с ней проблемы. Кредитные деньги.

4. Теория прибавочной ценности. Учение о ценности рабочей силы. Масса и норма прибавочной ценности. Абсолютная и относительная прибавочная ценность. Борьба за рабочий

день. Этапы фабричного законодательства и его современное состояние.

5. Относительная прибавочная ценность. Кооперация, мануфактура, машина. Проблема сверхприбыли (технической ренты). Производительность и интенсивность труда.

6. Общая характеристика простого и расширенного воспроизводства. Концентрация и централизация капитала.

7. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала и его изменение. Абсолютное и относительное перенаселение. „Железный закон" заработной платы. Резервная армия. Форма относительного перенаселения. „Теория обнищания".

8. Заработная плата и ее формы. Экономическая роль профессиональных союзов и предпринимательских организаций.

9. „Первоначальное накопление". Промышленный переворот. Основные этапы в развитии капитализма в России.

10. Кругооборот капитала. Основной и оборотный капитал. Воспроизводство и обращение общественного капитала в целом. Проблема реализации прибавочной ценности. Теория рынка. Теория кризисов. Народники и марксисты по вопросу о реализации прибавочного продукта. Теория Р. Люксембург. Теория Туган-Барановского.

11. Учение о прибыли. Цена производства и издержки производства. Отклонения цен производства от ценности. Закон тенденции нормы прибыли к понижению.

12. Торговая прибыль. Ссудный процент. Банковая прибыль. Роль и формы кредита. Основные функции банков. Акционерные общества. Дивиденд. Цена акций. Фондовая биржа и фиктивный капитал. Учредительская прибыль. Финансовый капитал.

13. Вертикальные, горизонтальные и „крестообразные об'единения" в промышленности. Синдикат, трест, концерн, фузия. Роль тяжелой индустрии. Экономическая политика финансового капитала.

14. Мировое хозяйство. Экспорт товаров и экспорт капиталов. Торговый и платежный баланс. Вексельные курсы. Империализм как последний этап капитализма.

15. Теория ренты. Дифференциальная рента (1 и 2) и абсолютная рента.

Та же программа обязательна для поступающих на экономическое, философское, историческое и правовое отделения.

По 10-му пункту для лиц, поступающих на три последних отделения, достаточно общего знакомства с постановкой проблемы воспроизводства общественного капитала, а по 14-му для них необязательно знание теории вексельного курса.

Для поступающих на естественное отделение по п. 3 достаточно общего знакомства с основными функциями денег и их видами. По п. 10-му знакомство с проблемой в об'еме, указанном для философского отделения. По п. 12 только общее понятие о финансовом капитале. Акционерн. о-ва. Роли банков. По п. 14-му. Учение о балансе и вексельных курсах необязательно.

Литература по теоретической экономии: а) основательное знакомство с экономическим учением Маркса по главным произведениям последнего: 1) „Нищета философии", 2) „К критике политической экономии"[1]), 3) „Капитал" (I, II и III т. т.), II том обязателен только для экономистов. б) Знание марксистской литературы, посвященной новейшему развитию капитализма: 1) Гильфердинг — „Финансовый капитал"[2]), 2) Ленин: „Империализм", 3) Бухарин: „Империализм и мировое хозяйство", 4) Бухарин: „Политическая экономия рантье"[3]), в) Знакомство с курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.), а также основательное знакомство с экономической географией[4]).

2. По философии.

Проблемы (обязательные для всех отделений):

1. Основные школы древне-греческой философии. (Особое внимание обратить на Демокрита и Эпикура).
2. Номинализм и реализм средневековой философии.
3. Бэкон, как родоначальник материализма нового времени.
4. Декарт—противоречия его системы.
5. Гоббс.
6. Гассенди.
7. Сенсуализм Локка.
8. Спиноза и его учение о реальности.
9. Беркли и проблема реальности.
10. Учение о причинности у Юма.
11. Лейбниц.

---

[1]) Для философов, историков, правовиков и естественников обязательно только введение и предисловие.

[2]) Для естественников не обязателен.

[3]) Для правовиков и естественников не обязателен.

[4]) Пункт под буквой „в" для естественников не обязателен.

12. Французский материализм XVIII-го ст., его исторические корни и его особенности.
13. Ламетри.
14. Дидро.
15. Гельвеций.
16. Гольбах.
17. Кант.
18. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля).
19. Гегель.
20. Фейербах.
21. Марксизм, его исторические корни и основные этапы:
а) Диалектический материализм.
б) Теория познания марксизма.
в) Учение об обществе.
г) Теория общественных классов.
д) Учение о классовой борьбе.
е) Теория диктатуры пролетариата.
ж) Учение о государстве.
з) Учение о партии.
и) Идеология.
22. Борьба философских школ в марксизме.

Литература по философии: Энгельс: 1) „Л. Фейербах“, 2) „Анти Дюринг“, 3) „Диалектика в природе (только для естественников); Плеханова: 4) „Основные вопросы марксизма“, 5) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, 6) „Очерки по истории материализма“, 7) Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“, 8) Аксельрод-„Философские очерки“ [1]), 9) Деборин—„Введение в философию диалектического материализма“ (с дополнением статей о философских воззрениях Л. Фейербаха в № 7—8, 9—10, 11—12, „Под Знаменем Марксизма“) [2]), 10) Ланге: „История материализма“ [3]) (т. 1), 11) Геффдинг: „История новейшей философии“ — от Канта) (обязательно только для философов и естественников), 12) Гомперц: „Греческие мыслители“, (обязательно только для философов), 13) Вундт: „Введение в философию“ [4]) 14) Бухарин: „Теория исторического материализма“).

3. По истории.

(Для всех отделений, кроме естественного).

а) Проблемы и литература по русской истории:

1. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.

(Покровский „Очерк истории русской культуры“, 1, ч. 1, гл. 3-ья и 4-ая).

2. Спор с Троцким о происхождении русского самодержавия.

(Троцкий, 1905, введение и прилагаемая, начиная со 2-го изд., статья против Покровского).

(Покровский, „Классовая борьба и русская историческая литература“ (приложение) и статьи в „Вестнике Соц. Академии“, №№ 1, 2 и 4).

3. Внешняя политика эпохи крепостного хозяйства.

(Покровский, „Русская история“, т. IV, стр. 30—44; его же „Дипломатия и войны царской России XIX в.“, статьи: „Русский империализм“ и „Крымская война“; последняя может быть заменена ст. „Крымская война“ в словаре Граната).

4. Декабристы.

(Покровский. „Русская история“, т. III, гл. XIII).

5. Крестьянская реформа.

(„Очерк“ Покровского, ч. 1, гл. 5-ая первого отд.; его же „Крестьянская реформа“ в „Истории России XIX в.“, изд. Граната).

6. Аграрный вопрос в России после реформы.

(Ленин, „Сочинения“, т. IX, ч. 2).

7. Промышленное развитие пореформенной России.

(Ленин, „Сочин.“, т. III, гл. V—VIII).

8. 1905 год.

(Ленин. „Сочинения“ т. т. VI и VII; для фактической стороны, как минимум — Покровский — „Русская история в самом сжатом очерке“, ч. III).

9. Столыпинщина и война.

(Покровский. „Очерки по истории революционного движения XIX и XX в.в“, лекции 7—10; его же — „Как началась война 1914 года“. „Пролетарская революция“ № 7 (30), 1924 г; его же — „Как русский империализм готовился к войне“, „Большевик“, 1924 г., № 9).

10. Февральская революция.

(Троцкий, „Октябрьск. революция“, Ленин—т.т. IV. XV. Н. Бухарин, „От империализма к диктатуре пролетариата“. „За ленинизм“—Сборник статей).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание „Русской истории в самом сжатом очерке“, всех 3-х частей.

б) По всеобщей истории (проблемы)

Знакомство с общим ходом исторического процесса на конкретном материале истории важнейших стран Западной Европы.

Кроме того, необходимо основательное знание следующих вопросов:

1. Происхождение современного капитализма.

---

[1]) Не обязательны для правовиков и естественников.

[2]) Не обязательны для правовиков и естественников.

[3]) Не обязательны для естественников.

[4]) Не обязательны для правовиков и естественников.

2. Классические примеры буржуазных революций.
3. Первые шаги рабочего движения.
4. Основные направления в утопическом социализме.
5. I Интернационал.
6. Парижская Коммуна.
7. Основные типы рабочего движения и развитие социализма в последней четверти XIX и первом десятилетии XX века.
8. II Интернационал.
6. Колониальная политика империалистических государств.
10. Кризис международного социализма и зарождение Коминтерна.

Для специалистов историков кроме названных проблем необходимо знакомство со следующими вопросами:

1. Теории экономического развития древнего мира.
2. История аграрных отношений в древней Греции и Риме.
3. Происхождение христианства.
4. Происхождение и сущность феодализма.
5. Городской строй и гор. движения в средних веках.
6. Крестьянск. войны (XIV-XVI в. в.).
7. Сословная монархия.
8. Конституционное развитие Англии.

Литература по всеобщей истории: 1) „Предшественники новейшего социализма“, под редакцией Каутского, 2) Ф. Олар (краткое издание). „Великая Французская революция“, 3) Кунов, „Борьба классов во Французской революции“, 4) Исторические работы Маркса и Энгельса („Борьба классов во Франции“, „18 брюмера“, „Революция и контр-революция в Германии“, „Гражданская война во Франции“), 5) Стеклов: „Интернационал“, 6) Рязанов: „Маркс и Энгельс“, 7) Волгин: „Очерки по истории социализма“, 8) Лукин: „Новейшая история Зап. Европы“, 9) его же „Парижская Коммуна“ (для правовиков может быть заменена Степановым), 10) его же „История Германии, 11) историческая часть книги Туган-Барановского: „Промышленные кризисы“ по последнему изданию, отд. 1 и 3, 12) кроме того, общее знакомство с историей экономического развития (по книге Кулишера: „Лекции по истории экономического быта Зап. Европы“) и знание фактической истории в об'еме работ Виппера, 13) Греции („История Греции в классическую эпоху“), 14) Рима („Очерки по истории Римской империи“) и новой истории („Новая история“).

Для правовиков необязательны из данного списка книги под №№ 3, 5, 6, 7, 10, 11.

Для специалистов по истории, кроме того, требуется: 1) Петрушевский: „Очерки по истории средневекового общества и государства“, 2) Кропоткин: „История Великой Французской революции“, или Олар: „Великая Французская революция“, 3) Сеньобос: „Политическая история Западной Европы“ или Кареев: „История Западной Европы в XX в.“, т. VII, 4) Энгельс, „Крестьянская война в Германии“, 5) Бутми, „История общественного строя Англии“, 6) Конради, „История революции“, т. I, 7) Зиновьев: „Война и кризис социализма“.

в) От поступающих на естественное отделение требуется:

Знание фактической истории в об'еме следующих работ: а) Виппер, Учебник древней истории и средних веков, б) Лукин, „Западная история“, в) Покровский: 1) «Русская история», 2) «Как возникла мировая война», г) Ленин: „Развитие капитализма в России“.

4. По теории права и государства.

От поступающих на правовое отделение требуется знакомство со следующими проблемами по теории права и государства в об'еме нижеуказанной литературы:

а) Право: (общая часть).

1. Право и классовое общество. Право, как форма господства. Право, как форма, порождаемая разделением труда и обменом.
2. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.
3. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, право, как норма и право, как идеология.
4. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксисткой точки зрения.
5. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридико-догматический позитивизм. Психологическая школа права. Классовая теория права.
6. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права. Роль юриспруденции.

(Специальная часть).

7. Государственное право РСФСР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной власти. Система выборов. Союз Советских Республик и его органы.
8. Уголовное право и классовое общество. Советское государство и

его уголовная политика. Наказание и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

9. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение „частно-правовой автономии". Защита интересов трудящихся и советского государства. Основные начала вещного, обязательственного и наследственного права по Г. К.

10. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договоры. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

11. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

12. Судоустройство и процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

Государство.

1. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и классы.

2. Государство, как организация господствующего класса.

3. Типы государства: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

4. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические и парламентарные государства.

5. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

6. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Теория анархистов.

7. Отмирание государства.

Литература по теории права и государства. Ленин, „Государство и революция", т XVIII, ч. 2, Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства", Стучка, „Революционная роль права и государства", Гурвич, „Основы Советской Конституции", Карнер, „Социальные функции правовых институтов", Гойхбарг: „Хозяйственное право", т. I, Гражданский кодекс; Пашуканис: „Общая теория права". Марксизм. Кроме того, требуется основательное знакомство с конституцией СССР и РСФСР и основными кодексами, а также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (напр., Гумплович, Дюги, Ориу, Острогорский) и с политическим строем западно-европейских государств (Англия, Франция, Германия, С.-А. С. Ш. и т. д.).

Примечание. Для всех поступающих на все отделения, кроме подготовительного, желательно знание одного из новых языков.

Все принятые в институт товарищи, согласно постановления СТО от 30 марта 1921 г., снимаются с своей прежней работы и переводятся в Институт.

Слушатели обеспечиваются денежным довольствием и по возможности общежитием.

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.